

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ЯКУТСКИЙ ФИЛИАЛ
Институт языка, литературы и истории

В. А. Роббек

ВИДЫ
ГЛАГОЛА
В ЭВЕНСКОМ
ЯЗЫКЕ

ЛЕНИНГРАД
«НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ
ОТДЕЛЕНИЕ
1982

Ответственный редактор

В.И. ЦИНЦИУС

Рецензенты:

Н.И. ГЛАДКОВА, А.Н. МЫРЕЕВА

§ 1. О некоторых вопросах аспектологии

По единодушному признанию исследователей тунгусо-маньчжурских языков, в том числе и эвенского, глагол является центральной и во всех отношениях самой сложной частью речи. Категории глагола эвенского языка, среди них и виды, до сих пор не были предметом специального исследования. Поэтому перед автором предлагаемой работы была поставлена задача подвергнуть исследованию грамматическую сущность многочисленных аспектуальных показателей, представляющих особую грамматическую категорию эвенского языка.

В основу работы легли полевые материалы, собранные мною у эвенов Среднеколымского района ЯАССР. Также использована оригинальная и переводная литература на эвенском языке.¹

Прежде чем приступить к анализу средств и способов выражения характера протекания действия в эвенском языке, необходимо уделить специальное внимание тем понятиям и терминам, которые связаны с учением о виде.

С исходными понятиями аспектологии прежде всего связаны термины „вид” и „способы действия”.² Не все понятия аспектологии нашли точное определение и всеобщее признание.³ Наиболее четко

¹ Пользуясь случаем, выражаю глубокую признательность сотрудникам Сектора алтайских языков ЛО ИЯ АН СССР, принимавшим участие в обсуждении работы и подготовке рукописи: проф. А.П. Сунику, К.А. Новиковой, Д.М. Насилову и С.Н. Муратову, проф. Ю.С. Маслову и доценту кафедры языков народов Севера ЛГПИ им. А.И. Герцена Н.И. Гладковой, а также моим коллегам — сотрудникам сектора северной филологии ИЯЛИ ЯФ СО АН СССР. Особую признательность и искреннюю благодарность выражаю своему учителю проф. В.И. Цициусу.

² М а с л о в Ю.С. 1) Вопросы глагольного вида в современном зарубежном языкознании. — В кн.: Вопросы глагольного вида. М., 1962, с. 7; 2) Система основных понятий и терминов славянской аспектологии. — В кн.: Вопросы общего языкознания. М., 1965, с. 57.

³ М а з о н А. Вид в славянских языках. (Принципы и проблемы). Доклад, представленный французской делегацией на IV международном съезде славистов. М., 1958, с. 31-32.

оформлены понятия „вид“, или „аспект“, ⁴ которые чаще понимаются как оппозиция в рамках одной лексической единицы, и „способ действия“ как семантическая группировка глаголов с обобщенным значением.

В современной аспектологии понятию вида противопоставляется понятие способа действия, как это впервые было сформулировано шведским ученым С. Агреллем в 1908 г. ⁵ При этом для способа действия нет единого общепринятого обозначения. Иногда употребляется немецкий термин „Aktionsart“, в прошлом использовавшийся в смысле „вид“, либо чаще его национальные кальки. ⁶ С другой стороны, понятию „вид“ иногда противопоставляется понятие видовых классов, или „осколочных видов“. ⁷ Понятие „видовой класс“ примерно соответствует распространенному в современной аспектологии понятию „способ глагольного действия“. Следует упомянуть также, что в отношении разных языков в понятие „вид“ вкладывалось различное содержание. ⁸ Но в настоящее время исследователи славянских и некоторых других языков четко разграничивают понятия вида и способа действия. Хотя грамматическая категория вида „не имеет единого общепризнанного вполне удовлетворительного определения“, ⁹ однако, когда пытаются определить общий функционально-семантический признак, объединяемый в понятие вида, то речь идет „о различных способах представления протекания действия“. ¹⁰

Способы действия лежат в иной плоскости, чем виды: „способы действия – это семантические (именно семантические, а, скажем, не словообразовательные!) разряды глаголов. Они выделяются на основе сходства в типах протекания и распределения во времени глагольного действия, но не составляют рубрик единой классификации и, следовательно, в широких масштабах перекрещиваются между собой“. ¹¹

Таким образом, если вид является грамматической (морфологической) категорией, то способы действия являются лексико-грамматическими разрядами. ¹² „В области способов действия мы не находим структуры, присущей морфологическим категориям: здесь

⁴ В и н о г р а д о в В.В. Русский язык. (Грамматическое учение о слове). Изд. 2. М., 1972, с. 379, 381.

⁵ См.: М а с л о в Ю.С. Вопросы глагольного вида..., с. 10.

⁶ Там же, с. 7.

⁷ С е р е б р е н н и к о в Б.А. Категория времени и вида в финно-угорских языках пермской и волжской групп. М., 1960, с. 24.

⁸ М а с л о в Ю.С. Вопросы глагольного вида..., с. 7–8.

⁹ Там же, с. 7.

¹⁰ Там же, с. 9.

¹¹ М а с л о в Ю.С. Система основных понятий и терминов..., с. 71.

¹² Б о н д а р к о А.В. 1) К проблематике функционально-семантических категорий. Глагольный вид и „аспектуальность“ в

нет рядов грамматических форм, нет грамматического противопоставления таких рядов. Способы действий по своей природе – это подклассы глагольной лексики, лексико-грамматические разряды”.¹³ Некоторые способы действия могут иметь формальный показатель, другие не обладают таким признаком. Исходя из этого, их делят на „характеризованные”, „нехарактеризованные” и „непоследовательно характеризованные” способы действия.¹⁴ Иными словами, вид и способы действия расходятся в плане выражения, но сближаются в плане содержания.¹⁵ Способы действия неоднородны. Это целая область, которая имеет „два полюса – наибольшей лексичности и наибольшей грамматичности, а между ними целая гамма постепенных переходов, цепочка промежуточных типов”.¹⁶ Среди способов действия выделяют две наиболее абстрагированные по своему значению группировки – предельные и непредельные глаголы. В рамках связи между видом и способом действия отмечают влияние способов действия на реализацию видовых значений.

На основе сближения вида и способа действия в плане содержания формируется понятие функционально-семантической категории аспектуальности, объединяющей вид и способы действия: „Аспектуальностью” мы называем функционально семантическую категорию, охватывающую различные средства выражения характера протекания действия”.¹⁷ Функционально-семантическая категория аспектуальности имеет план содержания и план выражения. В славянских языках в роли морфологического „ядра” выступает глагольный вид. Компонентами „периферии” аспектуальности „являются” способы действия и неглагольные показатели аспектуальности.¹⁸

русском языке. – ВЯ, 1967, № 2; 2) Рец. на кн.: И с а ч е н к о А.В. Грамматический строй русского языка в сопоставлении с словацким. II. Братислава, 1960. – ВЯ, 1962, № 5; 3) Грамматическая категория и контекст. Л., 1971. Б о н д а р к о А.В., Б у л а н и н Л.Л. Русский глагол. Л., 1967. Б о н д а р к о А.В. Вид и время русского глагола. М., 1971.

¹³ Б о н д а р к о А.В. Виды глагола и способы действия в русском языке. – РЯНШ, 1972, № 2, с. 7.

¹⁴ М а с л о в Ю.С. Система основных понятий и терминов..., с. 72. См. также: Б о н д а р к о А.В., Б у л а н и н Л.Л. Русский глагол, с. 14–28, и др.

¹⁵ М а с л о в Ю.С. Глагольный вид в современном болгарском литературном языке. (Значение и употребление). – В кн.: Вопросы грамматики болгарского литературного языка. М., 1959, с. 160.

¹⁶ Б о н д а р к о А.В. Виды глагола и способы действия..., с. 11.

¹⁷ Б о н д а р к о А.В. Грамматическая категория и контекст, с. 12.

¹⁸ Там же, с. 49–55.

В современной аспектологии учение о видах глагола опирается главным образом на материалы славянских языков, и прежде всего языка русского. В связи с этим с понятием глагольного вида связано бинарное противопоставление совершенности и несовершенности. Однако в толковании самих значений совершенного и несовершенного вида существуют весьма широкие расхождения. В основе видового противопоставления лежат различные семантические признаки.¹⁹ Наиболее предпочтительным является семантический признак, определяемый как „целостность“ (или „комплексность“) действия, однако он не является общепризнанным, и дискуссия по этому вопросу еще продолжается.²⁰

Дискуссионным является и вопрос о характере видовых пар русского глагола. Одни исследователи относят видовые пары к области глагольного формообразования.²¹ При этом „видовое противопоставление может осуществляться, и на деле часто осуществляется, в рамках одного и того же лексического значения, в результате чего соответствующий глагол изменяется (спрягается) по видам в принципе так же, как он изменяется (спрягается) по временам, наклонениям, лицам и числам“. ²² Но, например, авторы академической грамматики современного русского литературного языка придерживаются противоположного мнения, полагая, что „вид как грамматическая категория выражается оппозицией не форм одного и того же глагола, а разных глаголов“. ²³ Высказывается также точка

¹⁹ В и н о г р а д о в В.В. Русский язык, с. 379-425; см. также: Б о н д а р к о А.В., Б у л а н и н Л.Л. Русский глагол, с. 30-32; М у ч н и к И.П. Грамматические категории глагола и имени в современном русском литературном языке. М., 1971, с. 96-109.

²⁰ Например, И.П. Мучник считает видовое противопоставление эквиополентной оппозицией, в которой оба противочлена характеризуются положительным семантическим признаком. См.: М у ч н и к И.П. Грамматические категории глагола..., с. 109.

²¹ В и н о г р а д о в В.В. Русский язык, с. 395; см.: М у ч н и к И.П. Грамматические категории глагола..., с. 128; Т и х о н о в А.Н. Члены видовых корреляций – грамматические формы одного слова. – Научн. докл. высш. школы, Филол. науки, 1965, № 2.

²² М а с л о в Ю.С. Морфология глагольного вида в современном болгарском литературном языке. М.-Л., 1963, с. 3.

²³ Грамматика современного русского литературного языка. Изд-во „Наука“, М., 1970, с. 339. См. также: Современный русский язык. Морфология. Изд. МГУ, 1952, с. 323 (автор раздела П.С. Кузнецов); К у з н е ц о в П.С. О принципах изучения грамматики. М., 1961; П а н о в М.В. Русский язык. – В кн.: Языки народов СССР, т. I. Индоевропейские языки. М., 1966, с. 91.

зрения, что в сфере выражения видов взаимодействуют различные морфологические средства и противопоставление видов „проходит как в рамках одной лексемы, так и между разными лексемами“, что позволяет признать вид „грамматической категорией смешанного типа – отчасти словоизменительного, отчасти классификационного“.²⁴

Вопрос о том, имеется ли вид в неславянских языках, в частности в тюркских, тунгусо-маньчжурских и других языках, является дискуссионным. Так, в отношении тюркских языков вырисовывается тройкий подход к этой проблеме.²⁵ Довольно многочисленная группа исследователей тюркских языков признает наличие вида, как этого придерживался В.А. Богородицкий.²⁶ Эта точка зрения поддерживается такими тюркологами, как Н.К. Дмитриев, Н.А. Баскаков, М.Б. Балакаев, Л.Н. Харитонов, З.И. Алиева, А.И. Харисов, Г.Ш. Шарипов и др. Другая группа тюркологов, например Н.В. Трегулова, К.З. Ахмеров, И.К. Уюкбаев, А.А. Юлдашев, ограничивает наличие видов в тюркских языках двумя – законченным и незаконченным, или совершенным и несовершенным.²⁷ Наконец, третьи отрицают наличие грамматической категории вида в тюркских языках. Наиболее яркими представителями этого направления являются А.Н. Кононов, Д.М. Насилов, Б.А. Серебренников, Ф.А. Ганиев и др.

„Таким образом, – пишет Ф.А. Ганиев, – в настоящее время в целом можно считать решенным вопрос о том, что характер протекания действия и глагольный вид представляют собой разные категории. Однако, несмотря на это, часть лингвистов-тюркологов до сих пор смешивают характер протекания действия с глагольным

²⁴ Б о н д а р к о А.В., Б у л а н и н Л.Л. Русский глагол, с. 48.

²⁵ См. обзор литературы по данному вопросу: С е р е б р е н н и к о в Б.А. О категории времени и вида в финно-угорских языках..., с. 27–31; Проблема глагольного вида в тюркских языках. – В кн.: Вопросы грамматики тюркских языков. Алма-Ата, 1958, с. 12–30; Г а н и е в Ф.А. Видовая характеристика глагола татарского языка. Казань, 1963, с. 3–13; Н а с и л о в Д.М. О способах выражения видовых значений в алтайских языках. – В кн.: Проблема общности алтайских языков. Л., 1971, с. 366–376. Ю л д а ш е в А.А. Категория глагольного вида в башкирском языке. – В кн.: Вопросы грамматического строя. М., 1955, с. 362–386, и др.

²⁶ Б о г о р о д и ц к и й В.А. Введение в татарское языкознание в связи с другими тюркскими языками. Казань, 1953.

²⁷ Т р е г у л о в а В.Н., А х м е р о в К.З. Сравнительная грамматика русского и башкирского языков. Уфа, 1953. См. также: У ю к б а е в И.К. Выступление на совещании по проблемам глагольного вида. – В кн.: Вопросы грамматики тюркских языков, с. 70–71. Ю л д а ш е в А.А. Категория глагольного вида в башкирском языке, с. 362–386.

видом, который, по нашему мнению, отсутствует в тюркских языках".²⁸ Что касается монгольских языков, то, например, Г.Д. Санжеев отмечает в них интенсивный, учащательный, окончательный, несовершенный и совершенный виды.²⁹ Б.Х. Тодаева в калмыцком языке устанавливает два вида – интенсивный и длительный.³⁰ Такого же рода разноречивую картину мнений можно наблюдать и в отношении ряда других языков. Так, например, в эскимосском выделяется двадцать видовых форм,³¹ в юкагирском – семь,³² в нивхском – четыре.³³

Имеются специальные монографии, посвященные видам глагола в финно-угорских,³⁴ корейском³⁵ и других языках. Такая сложная ситуация в учении о виде глагола объясняется отсутствием единой отправной точки зрения на сущность категории вида. В связи с этим отмечается, что „понятие аспектуальности представляется более надежным основанием для межъязыковых сопоставлений, чем априорная констатация грамматической категории вида или аналогии со славянским видом, нередко приводящие к необоснованному отождествлению фактов иного рода, в частности способов действия с категорией вида".³⁶ Бесспорно, что „сходное мыслительное содержание может в одном языке получать лексическое, а в другом – грамматическое выражение".³⁷ Не случайно О. Есперсен указывал на необходимость осторожного подхода к фактам неславянских языков: „Я думаю, что было бы лучше обойтись без терминов «перфективный» и «имперфективный» («совершенный» и «несовершенный») вид, сохранив их лишь применительно к славянскому глаголу, где

²⁸ Г а н и е в Ф.А. Видовая характеристика глагола татарского языка, с. 127.

²⁹ С а н ж е е в Г.Д. Сравнительная грамматика монгольских языков. Глагол. М., 1964, с. 71. См. также: Б е р т а г а е в Т.А. Бурятский язык. – В кн.: Языки народов СССР, т. V. Л., 1968, с. 26; Грамматика бурятского языка. Фонетика и морфология. М., 1962, с. 188.

³⁰ Т о д а е в а Б.Х. Калмыцкий язык. – В кн.: Языки народов СССР, т. V. Л., 1968, с. 43.

³¹ М е н о в щ и к о в Г.А. Грамматика языка азиатских эскимосов. Ч. II. Л., 1967, с. 37–54.

³² К р е й н о в и ч Е.А. Юкагирский язык. М.-Л., 1958, с. 121–123.

³³ П а н ф и л о в В.З. Грамматика нивхского языка. Ч. II, М.-Л., 1965, с. 64–79.

³⁴ С е р е б р е н н и к о в Б.А. Категория времени и вида в финно-угорских языках...

³⁵ Г у с е в а Е.К. Система видов в современном корейском языке. М., 1961.

³⁶ Б о н д а р к о А.В. Грамматическая категория и контекст.

³⁷ М а с л о в Ю.С. Вопросы глагольного вида..., с. 11.

они имеют определенное значение и давно пользуются общим признанием. В других языках в каждом конкретном случае необходимо внимательно устанавливать характер значения данного глагольного выражения, определяя при этом, к чему оно относится — к самому ли глаголу, префиксу или суффиксу, к временной форме или контексту". 38

Вместе с тем, хотя основное внимание аспектологов уделялось вопросам славянского глагольного вида, не отрицается, что помимо совершенного и несовершенного видов могут иметь место видо-вые категории другого порядка. Так, анализируя противоположные точки зрения исследователей относительно наличия категории вида в неславянских языках, Ю.С. Маслов отмечает, что Е. Курилович, признающий существование категории вида во всех языках, ближе к истине, чем точка зрения ученых, ограничивающих вид только славянскими языками. 39 В этом плане признается широкий категориальный характер вида как грамматического явления. „И действительно, выходя за рамки русского языка, мы обнаруживаем, что при наличии специальных грамматических форм то, что в русском языке является способом действия, в других языках может быть видом (или по крайней мере может иметь ряд признаков категории вида)". 40 Еще более определенно высказывался по этому поводу Б.А. Серебренников: „Если мгновенность, многократность, начинательность и т. д. представляют видовые характеристики, то при наличии необходимых условий ничто не препятствует выделению их как особых глагольных видов". 41 При установлении категории вида следует принимать во внимание целый ряд признаков, так как строгая „грамматичность" вида, широкий охват им глагольной лексики, возможность „чисто видового" противопоставления, не осложненного лексическим различием, — несомненно, должны рассматриваться как очень важный (хотя и не всегда вполне осознаваемый) признак современного понятия о виде". 42 Вид должен отвечать требованиям структурно оформленной грамматической категории независимо от того, какие стороны характеристики протекания действия им выражаются. 43 При учете этих условий „для грамматиста, констатирующего наличие в языке граммати-

38 Е с п е р с е н О. Философия грамматики. Пер. с англ. М., 1958, с. 337.

39 М а с л о в Ю.С. Спецкурс по сопоставительной аспектологии, прочитанный в 1972/1973 уч. г. в ЛГУ.

40 Б о н д а р к о А.В. Виды глагола и способы действия..., с. 12.

41 С е р е б р е н н и к о в Б.А. Категория времени и вида в финно-угорских языках..., с. 23.

42 М а с л о в Ю.С. Вопросы глагольного вида..., с. 9.

43 С е р е б р е н н и к о в Б.А. Проблема глагольного вида в тюркских языках. — В кн.: Вопросы грамматики тюркских языков. Алма-Ата, 1958, с. 28-29.

ческого вида, должно быть совершенно безразлично, что в данном случае грамматикализуется, — подвергается ли грамматикализации выражение совершенности или несовершенности действия или другие видовые характеристики, например: многократность, маломерность и т. д. Необходимо лишь тотальное распространение показателя вида". 44

Мы коснулись некоторых основных вопросов учения о глагольном виде в связи с необходимостью попытаться подойти к разрешению этой проблемы на материале эвенского языка.

§ 2. К истории изучения категории вида в эвенском и других тунгусо-маньчжурских языках

Первые данные о видовых показателях эвенского и других тунгусо-маньчжурских языков мы находим в грамматических очерках середины прошлого столетия. Предшествующий период знакомства русских с тунгусо-маньчжурскими племенами Сибири и Дальнего Востока, в том числе и с эвенским, т. е. XVII–XVIII вв., донес до нас лишь некоторый запас словарных данных. 45

В своей грамматике тунгусского (эвенкийского) языка М.А. Кастрен 46 кроме действительного залога (*Activum*) выделяет шесть глагольных форм (*Verbalformen*), среди которых наряду с залоговыми отмечены следующие аспектуальные: *Continuativa*, выражающие неопределенно продолжающееся действие и играющие также роль *Frequentativa* с суффиксом *-za-m/-zä-m*, *Desiderativa*, выражающие желание (*-glä-m/-glä-m*). 47 Наряду с этими им выделяется корень глагола (*der Verbalstamm*), т. е. первичная основа. 48

44 С е р е б р е н н и к о в Б.А. Категория времени и вида в финно-угорских языках..., с. 25.

45 К о т в и ч Вл. Материалы для изучения тунгусских наречий. — „Живая старина“, СПб., 1909, вып. II–III; Ц и н ц и у с В.И., Г о р ц е в с к а я В.А. Изучение тунгусо-маньчжурских языков Советского Союза за 40 лет. — Уч. зап. ЛГПИ им. А.И. Герцена, 1960, т. 167, с. 3–45; Г о р ц е в с к а я В.А. Очерк истории изучения тунгусо-маньчжурских языков. Л., 1959; С у н и к О.П. Тунгусо-маньчжурские языки. — В кн.: Младописьменные языки народов СССР. М.—Л., 1959; П а ш к о в Б.К. Вклад русских ученых в изучение маньчжурского языка и письменности. — Краткие сообщения Ин-та востоковедения АН СССР, т. XVIII; К о н а к о в А.П. Маньчжуристика в России и СССР. — Изв. АН СССР, Отделение лит. и яз., 1947, т. VI, вып. 5.

46 C a s t r é n M.A. Grundzüge einer tungusischen Sprachlehre nebst kurzem Wörterverzeichnis. Herausgegeben von Anton Schiefner. St.-Pb., 1856.

47 Там же, с. 60–61.

48 Там же, с. 27.

В 1859 г. акад. А. Шифнер издает первый грамматический очерк эвенского языка,⁴⁹ который был написан по материалам, собранным С. Поповым у охотских эвенов,⁵⁰ где приводятся следующие формы: *Inchoativa* (суфф. -л-рэмь), *Continuativa* (суфф. -ват-тэмь-), *Desiderativa* (суфф. -сти-рэмь) и *Frequentativa* (суфф. -чи-рэмь).⁵¹ В следующей работе, написанной по материалам говора анадырских эвенов, собранным Г. Майделем, А. Шифнер выделяет четыре видовые формы: *Inchoativa* (суфф. -l-dum), *Continuativa* (суфф. -sn-um), *Desiderativa* (суфф. -sti-rum) и форму со значением „идти“ (суфф. -na-rum).⁵²

Примерно в это же время издается Грамматика маньчжурского языка, написанная А. Орловым, где в разделе „Употребление видов и залогов глагола“ находим: „залог отбытия к делу“, „залог прибытия к делу“, а также залого „учаственный“, „взаимный“, „смешанный“. ⁵³ И. Захаров в своей известной работе „Грамматика маньчжурского языка“ различает глаголы первообразные (действительные и средние) и второобразные, которые образуют от действительных и средних „виды“ и „залогов“: 1) страдательно-причинный (суфф. -бу, -мбу); 2) отправления к месту действия (суфф. -нги); 3) отбытия и отхождения к месту действия (суфф. -на-, -нэ-, -но-); 4) прибытия к месту действия (суфф. -ньци-); 5) многократный, или учащательный (суфф. -ша, -шэ, -шо; -ча, -чэ, -чо; -та, -тэ, -то; -чжа, -чжэ, -чжо); 6) совокупный (суфф. -ну; -ча, -чэ, -чо); 7) взаимный (суфф. -ньду). ⁵⁴ И. Захаров, как и его предшественники, считал виды и залогов грамматически равнозначными категориями и поэтому их не разделял. Аналогичной точки зрения придерживался и В.Г. Богораз, грамматический очерк которого является значительным шагом вперед в изучении эвенского языка. ⁵⁵ Выделяя как особый раздел „Виды глагола“, В.Г. Богораз наряду

⁴⁹ S c h i e f n e r A. Beiträge zur Kenntnis der tungusischen Mundarten. - Mélanges Asiatiques, t. III, St.-Pb., 1859.

⁵⁰ Перевод евангелий, изд. в Казани в 1880 г.; Тунгусский букварь. М., 1858; Краткий тунгусский словарь. М., 1859.

⁵¹ S c h i e f n e r A. Beiträge zur Kenntnis..., S. 576-577. - Приводимые здесь формы (суфф. -маттэмь) *Cooperativa* являются залоговыми.

⁵² S c h i e f n e r A. Baron Gerhard von Maydell's tungusische Sprachproben. - Mélanges Asiatiques, t. VII, St.-Pb., 1874.

⁵³ О р л о в А. Грамматика маньчжурского языка. СПб., 1873, с. 156-164.

⁵⁴ З а х а р о в И. Грамматика маньчжурского языка. СПб., 1879, с. 158-171.

⁵⁵ Б о г о р а з В.Г. Материалы по ламутскому языку. - В кн.: Тунгусский сборник, 1. Л., 1931, с. 1-106.

с видовыми формами приводит и залоговые; форм, которые могут быть отнесены к „видовым“, отмечается двенадцать. ⁵⁶

К.М. Мыльникова и В.И. Цинциус в грамматическом очерке по негидальскому языку в разделе образования основ глагола вместе с залоговыми формами также описывают двенадцать аспектуальных форм. ⁵⁷ В 1933 г. В.И. Цинциус был написан очерк фонетики и морфологии эвенского языка, вышедший в 1947 г., где было установлено восемнадцать видовых форм. ⁵⁸ Г.М. Василевич в эвенкийском языке выделяет тринадцать видовых форм. ⁵⁹ В работах В.И. Левина по эвенскому языку приводится от восьми до восемнадцати видовых форм. ⁶⁰

Что касается нанайского и ульчского языков, то Т.И. Петровой аспектуальные образования включены в общий раздел словообразования. ⁶¹ В удэйском языке Е.Р. Шнейдер отмечает шесть основных видовых форм. ⁶²

Из краткого обзора грамматических описаний некоторых тунгусо-маньчжурских языков прошлого столетия и начального этапа изучения бесписьменных языков советского периода видно, что вопросы, связанные с проблемой выявления и изучения аспектуальных форм, освещались в грамматических очерках попутно. Тем не менее наиболее характерные аспектуальные показатели были установлены начиная с Грамматики тунгусского (эвенкийского) языка М.А.Кастрена.

В исследованиях грамматического строя тунгусо-маньчжурских языков последующего периода состав аспектуальных форм освещен значительно полнее. В частности, это относится к языкам эвенскому (В.И. Цинциус, Л.Д. Ришес, К.А. Новикова, В.Д. Лебедев,

⁵⁶ Там же, с. 29-31.

⁵⁷ М ы л ь н и к о в а К.М., Ц и н ц и у с В.И. Материалы по исследованию негидальского языка. - В кн.: Тунгусский сборник, с. 174-182.

⁵⁸ Автор искренне благодарит В.И. Цинциус за предоставление ему рукописи „Грамматический очерк эвенского языка“ (с. 4).

⁵⁹ В а с и л е в и ч Г.М. Учебник эвенкийского (тунгусского) языка. М.-Л., 1934, с. 128-130.

⁶⁰ Л е в и н В.И. 1) Самоучитель эвенского языка. М.-Л., 1935, с. 236-237; 2) Краткий эвенско-русский словарь с приложением грамматического очерка. М.-Л., 1936, с. 193-198.

⁶¹ П е т р о в а Т.И. 1) Краткий нанайско-русский словарь с приложением грамматического очерка. Л., 1935; 2) Ульчский диалект нанайского языка. М.-Л., 1936, с. 71-74.

⁶² Ш н е й д е р Е.Р. Краткий удэйско-русский словарь (с приложением грамматического очерка). Л.-М., 1936, с. 138-141.

К. Менгес), ⁶³ а также к эвенкийскому (Г.М. Василевич, О.А. Константинова, Е.П. Лебедева) ⁶⁴ и нанайскому (Т.И. Петрова, В.А. Аврорин). ⁶⁵

Вместе с тем проблема грамматической сущности аспектуальных форм эвенского и других тунгусо-маньчжурских языков продолжает оставаться предметом дискуссии. И О.П. Суник с полным основанием отмечает: „Велики расхождения и в понимании частных категорий глагола. Там, где одни видят категорию глагольного времени, другие находят категорию вида или особую разновидность категории наклонения... Одни исследователи насчитывают до двадцати разновидностей категории вида, другие ограничивают количество видовых форм двумя взаимоисключающими разновидностями“.⁶⁶

Действительно, среди тунгусо-маньчжуроведов нет единства точек зрения по самым важным вопросам, связанным с проблемой глагольного вида.

В работах первых исследователей тунгусо-маньчжурских языков (М.А. Кастрен, А. Шифнер, И. Захаров, В.Г. Богораз) видовые формы фактически не отделялись от залоговых. Впрочем, и современные зарубежные исследователи, например И. Бенцинг, К. Менгес, термин „аспект“ употребляют безразлично в отношении видовых и залоговых форм. По существу аналогичную позицию занимали К.М. Мыльникова и В.И. Цинциус в упоминавшейся работе по негидальскому

⁶³ Ц и н ц и у с В.И. Очерк грамматики эвенского (ламутского) языка, ч. I. Л., 1947, с. 180–189. См. также: Р и ш е с Л.Д. Арманский диалект эвенского языка. Канд. дис. Л., 1947, с. 241–247; Ц и н ц и у с В.И., Р и ш е с Л.Д. Русско-эвенский словарь. С приложением грамматического очерка эвенского языка. М., 1952, с. 741–743; Н о в и к о в а К.А. Ольский говор эвенского языка. Канд. дис. ЛГУ, Л., 1948, с. 541, 566; 2) Эвенский язык. – В кн.: Языки народов СССР, т. V. Л., 1968, с. 99–100; Л е б е д е в В.Д. Момский говор эвенского языка. Канд. дис. Л., 1970, с. 171–173.

⁶⁴ В а с и л е в и ч Г.М. Эвенкийско-русский словарь. С приложением грамматического очерка эвенкийского языка, М., 1958, с. 709; К о н с т а н т и н о в а О.А., Л е б е д е в а Е.П. Эвенкийский язык (учебное пособие для педучилищ). М.–Л., 1953, с. 205–207; К о н с т а н т и н о в а О.А. 1) Эвенкийский язык. М.–Л., 1964, с. 162–169; 2) Эвенкийский язык. – В кн.: Языки народов СССР, т. V. Л., 1968, с. 78.

⁶⁵ П е т р о в а Т.И. Очерк грамматики нанайского языка. Л., 1941, с. 62–66; А в р о р и н В.А.: 1) О категории времени и вида в нанайском языке. – В кн.: Язык и мышление, т. XI. Л., 1948, с. 29–55; 2) Грамматика нанайского языка, т. II. М.–Л., 1961, с. 44–59; 3) Нанайский язык. – В кн.: Языки народов СССР, т. V. Л., 1968, с. 139.

⁶⁶ С у н и к О.П. Глагол..., с. 4.

языку, а также Т.И. Петрова в отношении нанайского, ульчского и орокского языков, которая рассматривала эти формы как глагольное словообразование.⁶⁷

Другая группа исследователей отчетливо различает формы вида и залога в эвенском (В.И. Цинциус, В.И. Левин, Л.Д. Ришес, К.А. Новикова, В.Д. Лебедев), в эвенкийском (Г.М. Василевич, О.А. Константинова, Е.П. Лебедева), а также в нанайском (В.А. Аврорин) языках.

Ряд авторов, различая категорию залога и вида, из последней выделяют особые образования, называя их по-разному: „глаголы, выражающие несколько действий“ (Е.Р. Шнейдер),⁶⁸ „основы с выражением двух действий“ (Г.М. Василевич),⁶⁹ „категория породы“ (В.А. Аврорин).⁷⁰ О.П. Суник называет подобные образования „сложными второобразными основами“;⁷¹ Д.М. Насилов предлагает рассматривать их как обозначающие „способы глагольного действия“.⁷² Другие исследователи – И. Захаров (в маньчжурском), В.И. Цинциус (в эвенском) включают эти формы в видовые.

Часть исследователей, выделяющих виды глагола в тунгусо-маньчжурских языках, различают „основные“ и „второстепенные“ и „совершенный“ и „несовершенный“ виды. Так, В.А. Аврорин в специальных статьях по видам глагола в нанайском и маньчжурском языках предлагает выделить „основные“ (позже признанные формами времени) и „второстепенные“ виды.⁷³ Б.К. Пашков в маньчжурском языке выделяет „завершенный“ и „незавершенный“ виды.⁷⁴ Наряду с прочими видовыми формами „совершенный“ и „несовершенный“ виды выделяют и в эвенском, эвенкийском и негидальском языках, например: В.И. Цинциус, В.И. Левин, Л.Д. Ришес, К.А. Новикова (в эвенском), Г.М. Василевич (непоследовательно), О.А. Константинова и Е.П. Лебедева (в эвенкийском), В.Д. Колесникова и О.А. Константинова (в негидальском). В.Г. Богораз и В.И. Левин

⁶⁷ См. вышеуказанные работы этих авторов.

⁶⁸ Шнейдер Е.Р. Краткий удэйско-русский словарь, с. 141-142.

⁶⁹ Василевич Г.М.: 1) Очерк грамматики эвенкийского (тунгусского) языка. Л., 1940, с. 97; 2) Эвенкийско-русский словарь..., с. 709.

⁷⁰ Аврорин В.А. Грамматика нанайского языка, т. II. М.-Л., 1961, с. 59-64.

⁷¹ Суник О.П. Глагол..., с. 123-133.

⁷² Насилов Д.М. 1) О способах выражений видовых значений в алтайских языках, с. 366-376; 2) Формы выражения способов глагольного действия в алтайских языках. – В кн.: Очерки сравнительной морфологии алтайских языков. Л., 1978.

⁷³ Аврорин В.А.: 1) О категории времени и вида в нанайском языке, с. 29-55; 2) О категории времени и вида в маньчжурском языке. – Изв. АН СССР. Отдел. лит. и яз., т. VIII, М.-Л., 1949, с. 60-66.

⁷⁴ Пашков Б.К. Маньчжурский язык. М., 1963.

(отчасти) в эвенском языке выделили наряду с другими „видами“ только „несовершенный“ без пары с „совершенным видом“.

Различные мнения существуют и по вопросу об определении аспектуального значения первичной глагольной основы. Одни, например Г.И. Рамстедт, В.И. Цинциус, И. Бенцинг и др., полагают, что первичная основа глагола выражает законченное, завершённое действие.⁷⁵ Другие, например Вл. Котвич, К. Менгес, считают, что основа глагола без суффиксов аспектуальности не выражает ни завершенности, ни незавершенности действия.⁷⁶

Хотя предлагаемая работа посвящена специальному исследованию видов глагола эвенского языка, мы не можем, естественно, не учитывать разнообразных точек зрения, касающихся этой же категории в других тунгусо-маньчжурских языках. Материальная близость и общность ряда аспектуальных показателей тунгусо-маньчжурских языков позволили высказать предположение о происхождении отдельных формантов (И. Захаров, В.И. Цинциус, О.П. Суник) и реконструировать их праформы (И. Бенцинг). Различные глагольные формы тунгусо-маньчжурских языков, в том числе и видовые, привлекали внимание и известных алтаистов Вл. Котвича⁷⁷ и Г.И. Рамстедта.⁷⁸ В работе учитывались, насколько это было возможно, те или иные высказывания ученых, касающиеся нашей темы.

В упомянутых выше исследованиях по эвенскому языку была выявлена большая часть различных аспектуальных показателей. Это позволило автору обратить специальное внимание на аспектуальные глагольные формы во время научных командировок в Среднеколымский район Якутской АССР в 1970 и 1972 гг. В качестве иллюстративного материала привлечены также соответствующие примеры из переводной и оригинальной художественной литературы на эвенском языке.

В целях единообразия написания весь эвенский языковой материал подается в соответствии с действующими в настоящее время нормами эвенской орфографии в отношении гласных, но с фонетической транслитерацией среднеязычных согласных д', й, н', например: д'у (дю), буйун (бюун), н'ам (ням). То же самое относится и к примерам по материалам автора, собранным в м. Чубукулах Среднеколымского района ЯАССР.

⁷⁵ Р а м с т е д т Г.И. Введение в алтайское языкознание. Пер. с нем. М., 1957, с. 164; см. также: Ц и н ц и у с В.И. Очерк грамматики..., с. 180; B e n z i n g J. Die tungusischen Sprachen... Versuch einer vergleichenden Grammatik. Wiesbaden, 1956, S. 118.

⁷⁶ К о т в и ч Вл. Исследование по алтайским языкам. Пер. с польск. М., 1962, с. 194; M e n g e s K. Die tungusischen Sprachen. 5. Bd. Altaistik. 3. Abschnitt Tungusologie. Leiden/Köln, 1968, S. 45.

⁷⁷ К о т в и ч Вл. Исследование по алтайским языкам.

⁷⁸ Р а м с т е д т Г.И. Введение в алтайское языкознание.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА КАТЕГОРИИ ВИДА
ЭВЕНСКОГО ГЛАГОЛА

Термин „вид“ служит в аспектологии для обозначения явлений, связанных с характеристикой протекания действия при условии соответствующего структурно-грамматического оформления глагола. Исходя из этого, видом эвенского глагола мы называем такую категорию, которая выражается путем преимущественно суффиксального усложнения первичной глагольной основы, вследствие чего новая основа приобретает дополнительные оттенки значения, связанные с представлением о характере протекания действия. Наряду с видами мы выделяем видовые классы, которые отличаются от видов меньшим охватом глагольной лексики. Виды и видовые классы составляют глагольные формы аспектуальности. Глагольные формы аспектуальности в эвенском языке служат для выражения представлений о характере протекания действия с разных точек зрения, таких как фазы, или стадии, протекания процесса, его повторяемость, или кратность, указание направления действия или передвижения для совершения действия, усиление, или интенсификация, желание или намерение совершить действие, наконец, имитирование действия.

Исходной единицей, или базой, образования аспектуальных форм эвенского глагола является глагольная основа, непрямая или производная (отыменная), с нулевым аспектуальным показателем. Данная основа сама выступает в роли формы общего вида. Другие же формы аспектуальности образуются (за некоторыми исключениями) посредством наращивания к этой первичной основе особых аспектуальных суффиксов. Аспектуальное значение исходной основы вне контекста носителями языка воспринимается в большинстве случаев как действие законченное, например: тик-тэй 'упасть', тэг-дэй 'сесть', көкэ-дэй 'умереть'. Все остальные аспектуальные формы образуют категориальные оппозиционные пары с этой исходной формой. Одной из наиболее характерных оппозиций является противопоставление первичной основы и формы с суффиксом -д' / -д-, ср.:

тик-тэй 'упасть' – тикэд-дэй 'падать';
 тэг-дэй 'сесть' – тэгэд-дэй 'садиться';
 көкэ-дэй 'умереть' – көкэд-дэй 'умирать', и т. д.

Таким образом, в эвенском языке исходная немаркированная форма выражает в зависимости от условий функционирования завершенное и незавершенное действие, в русском же языке немаркированная форма служит для выражения несовершенного вида, например: делать – сде-

лать. Следовательно, аспектуальные образования в эвенском и русском языках с точки зрения исходных форм диаметрально противоположны.

Структурно аспектуальные формы эвенского глагола образуют следующую серию пар:

- д'ав-дай '(из)ловить' - д'ав-а-д-дай 'ловить',¹
д'ав-дай '(из)ловить' - д'ав-а-л-дай 'начать ловить',
д'ав-дай '(из)ловить' - д'ав-вот-тай 'ловить обычно',
д'ав-дай '(из)ловить' - д'ав-у-т-тай 'держат',
д'ав-дай '(из)ловить' - д'ав-гара-дай 'ловить не раз',
д'ав-дай '(из)ловить' - д'ав-кат-тай 'ловить многих',
д'ав-дай '(из)ловить' - д'ав-а-д'ан-дай 'ловить с перерывом, медленно',
д'ав-дай '(из)ловить' - д'ав-ван-дай 'ловить изредка',
д'ав-дай '(из)ловить' - д'ав-у-с-тай 'ловить много раз',
д'ав-дай '(из)ловить' - д'ав-а-на-дай 'пойти ловить',
д'ав-дай '(из)ловить' - д'ав-а-нас-тай '(с)ходить поймать мгновенно',
д'ав-дай '(из)ловить' - д'ав-а-малчи-дай 'ловить быстро',
д'ав-дай '(из)ловить' - д'ав-а-м-дай 'хотеть ловить',
д'ав-дай '(из)ловить' - д'ав-а-мал-дай 'захотеть ловить',
д'ав-дай '(из)ловить' - д'ав-а-счи-дай 'пытаться ловить',
д'ав-дай '(из)ловить' - д'ав-сан би-дэй 'сделать вид, что ловишь'.

Присоединение суффиксов аспектуальности к первичной глагольной основе может сопровождаться теми или иными изменениями в соответствии с фонетическими нормами эвенского языка.² Степень изменения у различных формантов неодинакова. С этой точки зрения их можно сгруппировать следующим образом:

1) суффиксы, не подвергающиеся фонетическим изменениям:

-л-, -у-, -с-, -к-, -н-, -ни-, -счи-;

2) суффиксы, отражающие гармонию гласных: -малчи-/ -мэлчи, -сан-/ -сэн-/ -сон-, -на-/ -нэ, -нас-/ -нэс-, -мал-/ -мэл, -рга-/ -ргэ, -лга-/ -лгэ-;

3) суффиксы, подвергающиеся наибольшему фонетическим изменениям: -д'-/ -д-, -д'ид'-/ -д'ид-; -ч-/ -т-, -чи-; -вач-/ -вэч-, -ват-/

¹ В работе эвенские глаголы приводятся в словарной форме с суффиксом -дай/-дэй, -тай/-тэй, который отделяется от глагольной основы дефисом. Так же отделяются остальные морфемы и соединительные гласные. Русский перевод исходной формы (совершенного вида) приводится там, где это требуется в целях более точной передачи видовой формы, с префиксом в скобках, например: д'ав-дай '(из)ловить'.

² См.: Ц и н ц и у с В.И. Очерк грамматики эвенского (ламутского) языка, ч. I. Л., 1947, с. 36-37; Н о в и к о в а К.А. Эвенский язык. - В кн.: Языки народов СССР, т. V. Л., 1968.

-вэт- с фонетическими вариантами: -воч-/ -веч-, -вот-/ -вет-; -боч-/ -беч-, -бот-/ -бет-; -гоч-/ -геч-, -гот-/ -гет-; -доч-/ -деч-, -дот-/ -дет-; -д'оч-/ -д'еч-, -д'от-/ -д'ет-; -йоч-/ -йеч-, -йот-/ -йет-; -коч-/ -кеч-, -кот-/ -кет-; -лоч-/ -леч-, -лот-/ -лет-; -моч-/ -меч-, -мот-/ -мет-, -ноч-/ -неч-, -нот-/ -нет-, н'оч-/ -н'еч-, -н'от-/ -н'ет-, -ноч-/ -неч-, -нот-/ -нет-; -роч-/ -реч-, -рот-/ -рет-; -соч-/ -сеч-, -сот-/ -сет-; -точ-/ -теч-, -тот-/ -тет-; -чоч-/ -чеч-, -чот-/ -чет-; -гра-/ -грэ с фонетическими вариантами: -гара-/ -гэрэ-, -кара-/ -кэрэ-, -ира-/ -ирэ-; -д'ан'-/ -д'эн'-, -д'ан-/ -д'эн-; -кач-/ -кэч-, -кат-/ -кэт-; -ван'-/ -вэн', -ван-/ -вэн-, -ин-; -сан-/ -сэн-, -си-, -с-; сюда же относится чередование широкого гласного а/э с узким и.³

Таким образом, виды и видовые классы эвенского языка представляют собой морфологические образования, при присоединении которых в большинстве случаев наблюдаются фонетические изменения.

Виды и видовые классы эвенского глагола представляют собой абстракцию двух типов: семантическую и грамматическую.

Наблюдение над семантическим содержанием аспектуальных образований показывает, что они могут быть объединены в шесть отдельных групп в зависимости от того, под каким углом зрения воспринимается характер протекания действия. Внутри же этих групп аспектуальные формы образуют как бы особые надстроечные системы. Приведем общий обзор и сжатую характеристику этих аспектуальных групп.

1. Фазы действия. Под фазами действия мы понимаем этапы развития отдельно взятого действия. В данном случае речь идет о характеризованных способах выражения различных сторон проявления действия эвенского глагола.

Начало процесса действия или его становление и исходный момент действия представляет первый компонент фазы. Они выражаются специальными грамматическими показателями - суфф. -л-, -сан-/ -сэн: һон-дай '(по)плакать' - һон-а-л-дай 'заплакать', нулгэ-дэй '(пере)кочевать' - нулгэ-сэн-дэй 'откочевать'.

Действие может длиться, т. е. находиться в процессе развития, развертываться во времени. Этот этап фазы действия в эвенском языке передается формантом -д'-/ -д-: тик-тэй 'упасть' - тик-э-д-дэй 'падать', тин-дэй 'отпустить' - тин-д'ид-дэй 'отпускать'.

В ряде случаев вслед за одним этапом развития действия наступает следующая стадия - статальное состояние, вызванное окончанием предшествующего этапа, суфф.: -ч-/ -т-, -чи-: тэг-дэй 'сесть' - тэг-э-т-тэй 'сидеть', д'ав-дай 'поймать' - д'ав-у-т-тай 'держать'.

Таковы характеризованные способы выражения фаз действия в эвенском языке. Специальными показателями, указывающими на законченность действия, эвенский глагол не располагает.

³ В дальнейшем суффиксы будут приводиться в исходной форме с указанием только основных их вариантов. Подробнее см. главу II.

II. Кратность действия. Термином „кратность действия” мы обозначаем не только повторение одного и того же действия, но и множественность объектно-субъектных отношений, различные способы чередования действия, его ряды. В эвенском языке имеется богатый арсенал средств, выражающих кратность действия с теми или иными оттенками. Различаются неоднократное повторение одного и того же действия (суфф. -гра-/-грэ-), учащательность его (-кач-/-кэч-), постоянное повторение (-вач-/-вэч-), прерывно-замедленный темп повторения (-д'ан'-/-д'эн'-), повторение с определенными промежутками (-ван'-/-вэн'-, -ин-) и другие проявления идеи многократности и множественности действия (суфф. -с-, -у-, -и-, -а-/-э-, -к-, -м-, -н-, -ни-). Следует подчеркнуть, что все указанные формы, выражающие кратность действия, обладают неодинаковой продуктивностью и различным охватом глагольной лексики. В то же время они являются не лексическими, а морфологическими средствами выражения кратности и множественности действия, ср.:

тут-тэй 'бежать' - тут-кэрэ-дэй 'бегать неоднократно';
 дэсчи-дэй 'лежать', - дэсчи-кэт-тэй 'валяться (в нескольких местах)';
 дэг-дэй 'летать' - дэг-гэт-тэй 'летать (обычно)';
 гирка-дай 'шагать' - гирка-д'ан-дай 'шагать и шагать';
 д'ав-дай 'поймать' - д'ав-ван-дай 'ловить (изредка)';
 н'э-дэй 'выйти' - н'э-с-тэй 'выходить (много раз)';
 һэпкэн-дэй 'схватить' - һэпк-у-дэй 'хватать много раз';
 элмэ-дэй 'пойти охотиться на белок', элми-дэй - 'охотиться на белок';
 бутал-дай 'отломить' - бутак-тай 'отламывать';
 кабар-дай 'отколоться' - кабам-дай 'откалываться';
 тут-тэй 'бежать', тут-э-н-дэй 'бегать туда-сюда';
 д'эб-дэй '(сь)есть' - д'эб-ни-дэй 'много раз ходить есть' и т.д.

III. Направление движения. С понятием направления движения обычно связывается представление о направленности действия к какому-то объекту, как например, у глаголов русского языка „уходить”, „приходить”, „выходить” и т.д. Что же касается эвенского языка, то под направлением действия мы объединяем морфологически выраженные специфические представления о перемещении, а именно:

Совершение действия в обратном направлении (суфф. -рга-/-ргэ-): бэ-дэй 'дать' - бэ-ргэ-дэй 'отдать обратно'; тик-тэй 'упасть' - тик-э-ргэ-дэй 'упасть обратно'.

Совершение действия в противоположном направлении (суфф. -лга-/-лгэ-): -дуда-дай 'надеть' (детский комбинезон) - дуда-лга-дай 'снять' (детский комбинезон); алу-дай 'запрячь' - ал-а-лга-дай 'распрячь'.

Указание на то, что действие происходит с передвижением действующего лица (суфф. -на-/-нэ-): тэг-дэй 'сесть' - тэг-нэ-дэй 'пойти сесть'; һуклэ-дэй 'спать' - һуклэ-нэ-дэй 'пойти спать'.

Указание на перемещение действия и обратное возвращение (суфф. -нас-/-нэс-): һарат-тай 'купить' - һарат-нас-тай 'сходить

купить', мелэ-дэй 'пойти за водой' – мелэ-нэс-тэй 'сходить за водой'.

Для обозначения точного направления действия в основном употребляются различные наречия, такие как тартаки 'туда', эртэки 'сюда', амаски 'назад', д'улэски 'вперед', егэски 'вверх', һэссэки 'вниз', дэски 'вверх (в гору)', һаски 'вниз' (под гору), һолаки 'вверх' (по течению), эйэки 'вниз' (по течению) и т. д.

IV. Интенсивность действия. Эвенский язык располагает морфологическими средствами выражения степени проявления признака.

Степень проявления признака действия может быть максимальной в отношении быстроты (суфф. –сан–/–сэн–) или интенсивности (суфф. –малчи–/–мэлчи–), ср.: дур-дэй '(с)гореть' – дур-э-сэн-дэй 'моментально сгореть'; тут-тэй 'бежать' – тут-э-мэлчи-дэй 'мчаться'.

Сюда же могут быть отнесены выражение неполноты проявления и признак незавершившегося действия, выражаемого суффиксом –счи–: уда-дай 'идти дождю' – уда-счи-дай 'накрапывать' (о дожде); ичу-дэй 'показаться' – ичу-счи-дэй 'едва показаться'.

Имеется также обозначение слабого признака действия или нецелестремленности, безразличности к нему (суфф. –со–): буйус-тэй 'охотиться на дикого оленя' – буйус-со-дэй '(едва, так себе) охотиться'; гирка-дай 'шагать' – гирка-со-дай 'так себе пошагивать'.

Продуктивность суффиксов, обозначающих интенсивность действия, неодинакова. В контексте они могут иметь и ряд частных значений. Вместе с тем в целом они образуют систему форм, служащих для выражения степени проявления признака действия.

V. Дезидеративность действия. В эвенском языке имеются специальные показатели, отражающие степень общего состояния „желательности“, „потребности“ совершить действие, т. е. дезидеративные формы. Эти видовые глагольные представления могут ассоциироваться и с действием или состоянием неодушевленных предметов. Группа формантов, относимых к этому аспектуальному ряду, способна выражать последовательно нарастающую потребность совершения действия или различную степень дезидеративности действия (суфф. –м–, –мал–/–мал–, –счи–): икэ-дэй '(с)петь' – икэ-м-дэй 'хотеть (с)петь'; д'эб-дэй 'съесть' – д'эб-э-мэл-дэй 'захотеть есть', 'нестерпимо хотеть есть'; ойчи-дай 'подняться' – ойчи-счи-дай 'пытаться подняться'.

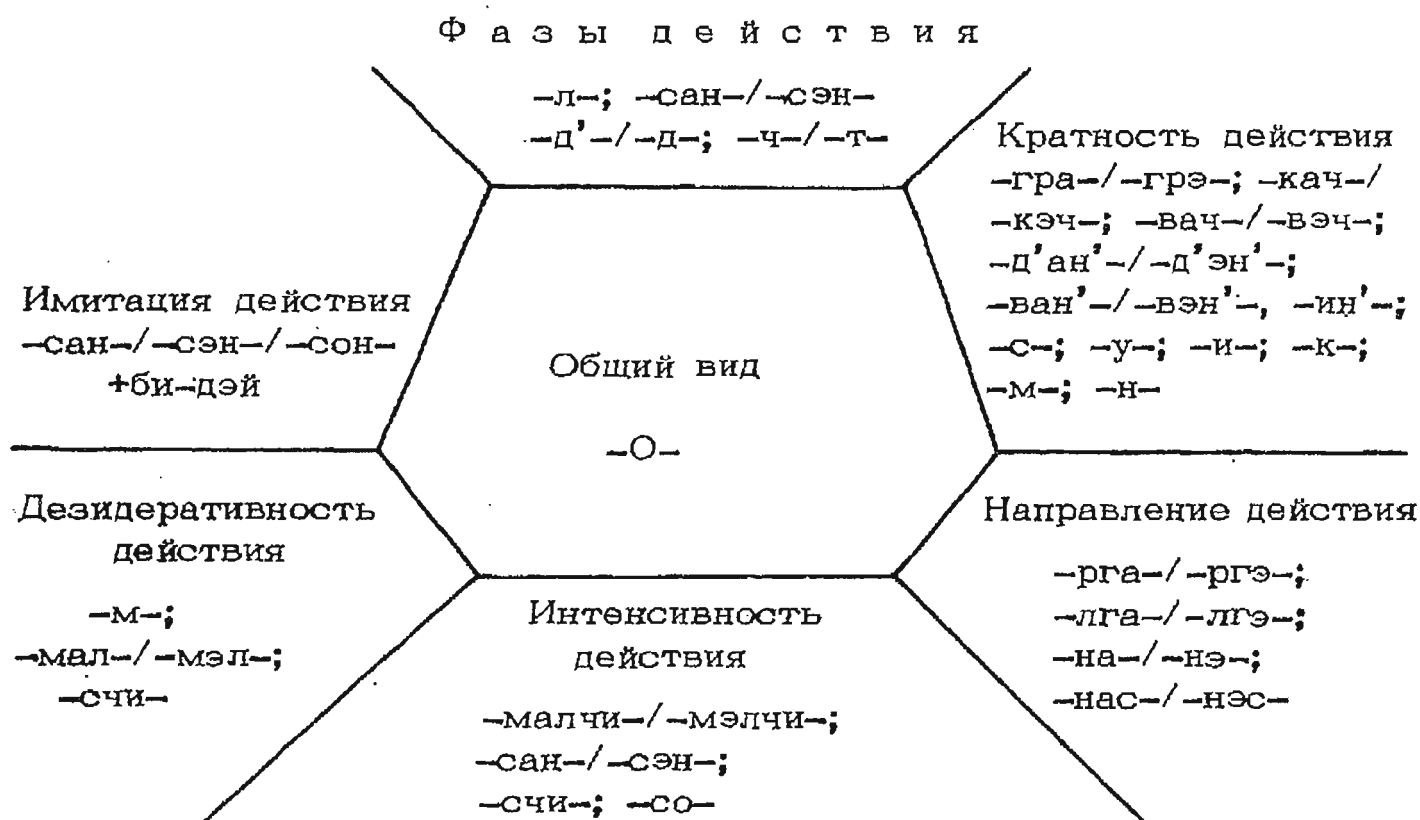
Тот факт, что данные форманты могут характеризовать действия и неодушевленных предметов, и то обстоятельство, что они образуют новую основу, принимающую все словоизменительные глагольные суффиксы (наклонения, времени, лица), не позволяют относить их к категории модальности.

VI. Имитация действия. Понятие имитации действия в эвенском языке выражается специальной аналитической конструкцией: основа глагола с суфф. –сан–/–сэн–/–сон– употребляется в сочетании с вспомогательным глаголом би-дэй 'быть', который принимает все

словоизменительные форманты. Образованные таким образом глагольные формы служат для выражения значения „сделать вид, что действие совершается“: төк-сон бидэй 'делать вид, будто несешь в руках' от глагола төк-тэй 'нести в руках'.

В заключение весь комплекс аспектуальных групп эвенского глагола можно представить в виде шестиугольника, в центре которого находится исходная глагольная форма основы с нулевым показателем (общий вид), а каждая из шести сторон является как бы гранью, через которую преломляется восприятие действия, придавая ему ту или иную аспектуальную характеристику.

Три первые аспектуальные группы связаны с пространственно-временным восприятием действия. Фазы действия выражают начало действия, его течение и статальное состояние, вызванное окончанием предшествующего этапа действия. Кратность действия указывает на повторение одного и того же действия различными способами.

Последние три группы выражают восприятия протекания действия с точки зрения полноты проявления признака, возможности или намерения произвести действие, а также копирования действия.

Указанные глагольные формы аспектуальности эвенского глагола разнообразны по функции, по охвату глагольной лексики, по степени употребительности и другим грамматическим признакам. Рассмотрим важнейшие из них.

Если охарактеризованные выше аспектуальные группы базируются на обобщении основных семантических значений, то их грамматическая сущность характеризуется рядом моментов, как-то:

1) специальный моносемантический грамматический показатель;

Т а б л и ц а 1

Основные критерии к классификации аспектуальных форм эвенского

Значение аспектуальных форм	Критерии	
	грамматический показатель	охват глагольной лексики, %
1	2	3
Начинательность	-л-	95
Исходность действия	-сан-/-сэн-	С глаголами движения
Процессуальность	-д'-/'-д-	91
Непредельность	-ч-/-т-	45
Неоднократность действия	-гра-/-грэ-	97
Многократность действия	-кач-/-кэч-	95
Обычно повторяющиеся действия	-вач-/-вэч-	98
Повторное (замедленное) действие	-д' ан'-д'эн'-	98
Изредка совершаемое действие	-ван' -/-вэн' -, ин	96
Многократность действия	-с-	Около 80
	-у-	Около 30
	-а-/-э- -и-	Большинство глагол. (стим.)
	-к-, -м-	Около 40
	-н-	Около 30
Отправление для соверш. действия	-на-/-нэ-	95
Обратное действие	-рга-/-ргэ-	5
Противоположное действие	-лга-/-лгэ-	5
Совершение действия с пере- движением	-нас-/-нэс-	Около 50
Моментальность действия	-сан-/-сэн-	Более 50
Интенсивность действия	-малчи-/-мэлчи-	92
Едва не завершившееся действие	-счи-	Около 70
Неполнота действия	-со-	Более 60
Дезидеративность действия	-м-	98
Готовность действия	-мал-/-мэл-	94
Стремление к действию	-счи-	95
Имитация действия	-сан-/-сэн-/-сон- + бидэй	100

Критерии

контекст	время глагола	семантика исходной основы	моноязычность (+) другие знач. (++) оттенки знач. (+-)	заменяемость	характеристика действия
4	5	6	7	8	9
-+	-	-	+	В КОМБИН. -сан-	+
-+	-	+	++	В КОМБИН. -л-	+
-+	-	-	+ -	-	+
-+	-	+	+ -	-	+
-+	-	-	+	+ -	+
-+	-	-	-	+ -	+
-+	-	-	+ -	-	+
-+	-	-	+ -	-	+
-+	-	+	+	+ -	+
-+	-	+	+	+ -	+
-+	-	-	+	+ -	+
-+	-	-	-	-	+
-+	-	+	+	+ -	+
-+	-	-	+	-	+
-+	-	+	+	-	+
-+	-	-	+	-	+
-+	-	-	++	-	+
-+	-	-	+ -	-	+
-+	-	+	+ -	-	+
-+	-	+	++	-	+
-+	-	-	+	+ -	-+
-+	-	-	+	+ -	-+
-+	-	-	++	-	+
-+	-	-	+	-	-+

- 2) охват глагольной лексики;
- 3) относительная независимость от контекста;
- 4) зависимость выражения аспектуальных значений от категории времени и склонения;
- 5) заменяемость суффиксов аспектуальности и др.

Результаты приведены в таблице (табл. 1), составленной с учетом основных критериев, предъявляемых к категории вида, и особенностей эвенского языка, чтобы в наглядной форме представить критерии (признаки) грамматичности показателей аспектуальности в системе современного эвенского языка.

Одним из важных критериев является охват глагольной лексики. Вычисление процентного соответствия нами производилось на основе 100 наиболее употребительных глаголов, которые были проверены по всем формам аспектуальности, в результате чего были получены соответствующие данные (графа 3).⁴ Такой подсчет дает объективное представление о диапазоне действия аспектуальных суффиксов, как бы приблизителен он ни был. Следует добавить, что в ходе работы над языковым материалом больших отклонений от этих данных не наблюдалось. Диапазон действия аспектуальных показателей колеблется от 5% (-рга-/-ргэ-, -лга-/-лгэ-) до 100% (конструкция -сан/-сэн/-сон + би-дэй). В соответствии с процентными данными можно говорить о наибольшей (для случаев не ниже 90%) или меньшей (в случаях охвата лишь определенной группы лексики или менее 50%) употребительности. Остальные показатели можно считать средней по употребительности группой. Показателями, имеющими наибольшую сферу употребления, оказались -вач-/-вэч-; -д'ан'-/-д'эн'-; -гра-/-грэ-; -кач-/-кэч-; -м-; -л- и др. Наименьшей употребительностью характеризуются суффиксы -рга-/-ргэ-, -лга-/-лгэ-; -н-, -у-, -ни- и др.

Следует заметить (хотя в таблице это не отражено), что специфика аспектуальных форм эвенского глагола состоит в том, что по принципу противопоставления можно построить несколько различных оппозиций, каждая из которых вполне оправданна. Например, противопоставление общей основы всем аспектуальным образованиям, подобно тому как это имеет место и в других алтайских языках.⁵ С другой стороны, в эвенском языке имеются частные противопоставления, наличие которых трудно отрицать. Таковыми являются оппозиции:

однократности – многократности (нулгэ-дэй 'перекочевать', нулгэ-н-дэй 'перекочевывать');

⁴ Данные таблицы согласованы с эвеном Дьячковым Семеном Егоровичем (1889 г. рождения), проживающим в м. Чубукулах Среднеколымского р-на Якутской АССР.

⁵ Грамматика бурятского языка. М., 1962. – Авторы выделяют первичные основы, лишенные видového значения – „общий вид”, – и ему противопоставляют все видовые образования (с. 187–188).

замедленности – интенсивности (нэнэ-д'эн-дэй 'идти медленно', нэнэ-мэлчи-дэй 'мчатся');

прямого действия – обратного действия (бө-дэй 'дать', бө-ргэ-дэй 'отдать обратно');

подлинного действия – имитации его (д'эб-дэй 'съесть', д'эб-сон бидэй 'делать вид, что ешь');

статальное состояние – подчеркнутая процессуальность (тэг-э-т-тэй 'сидеть', тэг-э-д-дэй 'садиться') и др.

Что касается противопоставления первичной глагольной основы с нулевым видовым показателем и формы с суффиксом –д'–/–д– как видов совершенного и несовершенного, эта оппозиция осложняется тем, что, во-первых, основа с нулевым видовым показателем наряду с завершенностью может указывать и на незавершенность действия⁶ и, во-вторых, основной функцией формы с суффиксом –д'–/–д– является обозначение подчеркнутой процессуальности действия, значение же незавершенности вытекает из основного значения, но не может заменить его.⁷ Таким образом, при бинарной оппозиции могут быть маркированы один или оба ее члена независимо от выражаемого ими значения. Эти частные бинарные оппозиции не могут полностью охватить все случаи противопоставления видовых образований эвенского глагола или полностью отразить их сущность. Поэтому мы придерживаемся точки зрения авторов, отрицающих бинарность как единственно возможный вариант определения грамматичности категории.⁸ К этому побуждает нас материал эвенского языка.

Видовым противопоставлением мы можем считать только те случаи, которые носят систематический характер и отличаются большим охватом глагольной лексики. Такие показатели, как –н–, –у–, –с–, –м–, –к–, –ни– и др., хотя и выделяются противопоставлением, однако не имеют систематического охвата лексики.

Одним из критериев грамматичности аспектуальных показателей эвенского глагола может быть их слабая зависимость от контекста

⁶ См. главу II данной работы, § 1.

⁷ См. там же, § 2.

⁸ Р е ф о р м а т с к и й А.А. Дихотомическая классификация дифференциальных признаков и фонематическая модель языка. – В кн.: Вопросы теории языка в современной зарубежной лингвистике. М., 1961; см. также: Г у х м а н М.М. Грамматическая категория и структура парадигм. – В кн.: Исследования по общей теории грамматики. М., 1968; К о д у х о в В.И. Грамматические и понятийные значения. Материалы по русско-славянскому языкознанию. Воронеж, 1963; Ш е н д е л ь с Е.О. О грамматической полисемии. – ВЯ, 1962, № 3; Г о л о в и н Б.Н. О типах, структуре и системе грамматических категорий. – В кн.: Материалы по русско-славянскому языкознанию. Воронеж, 1963, и др.

(табл. 1, графа 4). Эта область в эвенском (да и в других родственных ему языках) почти не подвергалась изучению, что несколько осложняет нашу задачу. Поэтому понятие „контекст“ мы используем как непосредственные языковые условия употребления слова,⁹ хотя по этому вопросу, видимо, нет единства взглядов.¹⁰ При этом следует принимать во внимание ряд обстоятельств. Во-первых, при наличии показателя аспектуальности определенный контекст не обязателен для выражения вносимого им значения. Например, в глаголах тиба-д-дай 'находиться в процессе бега', д'эб-э-д-дэй 'находиться в процессе еды', кэсчи-д-дэй 'находиться в процессе дневной пастьбы оленей'. Значение нахождения в процессе выражается суффиксом -д'-/-д-. Это ясно без контекста, и в контексте это значение сохраняется. Во-вторых, контекст не может полностью заменить значение, привносимое суффиксом, без коренного изменения предложений, образующих контекст. В качестве примера приведем небольшой диалог:

- Кабд'акайа иак урэтлэн төрлэ умталбаваттан?
- Н'ивэт долан.
- Ади умталкан бивэттэн?
- Д'апкандук д'өрмердулэ истала.
- Умаргай оваттан-а?
- Оваттан.
- Ок каб'ев одандаваттан?
- Нэгн'и одандаваттан.

- Куропатка в каком месте кладет обычно яйца?
- В кустарнике.
- Сколько у нее бывает (обычно) яиц?
- От восьми до двадцати.
- Делает она (вообще) себе гнездо?
- Делает (вообще).
- Когда куропатка линяет (обычно)?
- Поздней весной линяет (вообще).

⁹ Р е ф о р м а т с к и й А.А. Введение в языкознание. М., 1967, с. 107; также см.: Б у д а г о в Р.А. Категория значения в общей теории языка. - В кн.: Проблемы языкознания. Доклады и сообщения советских ученых на X международном конгрессе лингвистов. М., 1967, с. 14; А м м о с о в а Н.Н. Основа английской фразеологии. Л., 1963, с. 8.

¹⁰ К о л ш а н с к и й Г.В. О природе контекста. - ВЯ, 1959, № 4; С а н ж е е в Г.Д. Проявление логики вещей в языке. - В кн.: Конференция по проблемам изучения универсальных и ареальных свойств языков, с. 62-63; см. также: Б о н д а р к о А.В. Грамматическая категория и контекст. Л., 1971; Б а л и н Б.М. Немецкий аспектологический контекст в сопоставлении с английским. Калинин, 1969, и др.

В этом отрывке значение суффикса многократности (-вач-/-вэч-) с оттенком обычности невозможно заменить контекстом; в то же время значение, вносимое формантом, сохраняется без изменения и вне контекста. Сказанное может быть полностью отнесено и к основам глагола со сложными комбинациями аспектуальных суффиксов, например:

Д'алтан мэр доливуур дикэнкэттилбу куналбу гэлнэмэчисчивкэн-соритэн-тэкэн'ун-лу. 'Родители пытались заставить детей, игравших между собой в прятки, пойти искать друг друга и привести, но напрасно'.

Наконец, контекст может усилить или ослабить семантику аспектуальных форм.

Вместе с тем следует подчеркнуть, что такая зависимость видов глагола от контекста, какую мы наблюдаем в русском языке, не характерна для эвенского языка.

Итак, формы аспектуальности эвенского глагола в любом контексте не теряют своего значения и без существенного ущерба выражают свое основное значение вне контекста. В этом плане все аспектуальные формы находятся на более или менее одинаковом уровне, поэтому относительную нейтральность контекста отмечаем в таблице знаком +.

Немаловажное значение имеет и выяснение отношения аспектуальных форм к формам времени глагола (табл. 1, графа 5). В эвенском языке формантом настоящего времени является суфф. -ра-, прошедшего - -ри-, будущего - -д'и-. Как видно из таблицы, формы времени не зависят от форм аспектуальности.

Существенным признаком грамматичности (категориальности) форм считается степень их зависимости от семантики глагольной основы. Из представленных в табл. 1 аспектуальных формантов (графа 6) связанными с семантикой основы являются -ч-/-т-, часть суффиксов многократности (-с-, -к-, -м-, -н-, -у-, -и-) и суффикс исходности действия -сан-/-сэн-.

Известно, что в зависимости от семантики основы аспектуальный показатель может меняться. Таковы названные выше суффиксы многократности. Далее, при определенной семантике основы показатель может отсутствовать; например, неопределенные глаголы не принимают суффикса -ч-/-т-, -чи- (если они не отягощены другими значениями). Наконец, показатель остается неизменным, а значение, вносимое им, меняется в зависимости от семантики основы. Примером может служить суффикс -сан-/-сэн-, который у глаголов движения обозначает исходный момент действия (һоту-дай прокладывать путь, һоту-сан-дай 'начать (тронуться) прокладывать путь'). С другими же глаголами этот же формант обозначает кратковременность действия (ит-тэй 'увидеть', ич-и-сэн-дэй 'взглянуть'). Остальные форманты сохраняют свое основное значение независимо от семантики основы. Поэтому мы можем считать, что они обладают одним из существенных признаков категориальности в грамматическом строе эвенского языка.

Отношение и взаимная зависимость показателей аспектуальности и других форм и категорий глагола в эвенском языке почти не исследованы, хотя освещение их помогло бы понять многое, в том числе и вопрос о степени грамматичности аспектуальных формантов. В таблице это не отражено. Мы имеем в виду отношение аспектуальных форм и форм залога, переходности-непереходности, а также формы причастий и деепричастий. Приведем ряд примеров:

Таду буйусэмнэл гэлдэмэчид'илритэн. 'Тут охотники стали совещаться'; Нонартан, эли терли буйускэрэрид'ур, мучуритан. 'Они, поохотившись по этим местам, вернулись обратно'; Эрэв инэнку чэптэрэ мин йасаллав һимнэн, гилра-да һэнкэ мөн, бакарду-да бекэсту д'авачисчидди, көкэдди, кэрэмри ичурин (Арс. 66) 'Весь этот день передо мной стояла темная и холодная вода в полынье и уцепившаяся за скользкий лед погибающая лисица' (205).

В первом предложении глагол-сказуемое „гэлдэмэчид'илритэн“ состоит из следующих морфем: корня (гә(н)-), суффиксов совместного и взаимного залогов (-лдэ- + -мэч-), суффиксов аспектуальности (-д'- + -л-), суффикса прошедшего времени (-ри-) и окончания 3 л. мн. числа (-тэн). Во втором предложении деепричастие „буйускэрэрид'ур“ состоит из аспектуально осложненной основы (буйу-с-кэрэ-) и суффикса деепричастия прошедшего времени мн. числа (-рид'ур). В последнем предложении определения „д'авасчидди“ и „көкэдди“ состоят из аспектуальных основ (д'ав-а-счи-д- и көкэ-д-) и суффикса причастия настоящего времени (-ри- ~ -ди-).

Для разграничения тех или иных аспектуальных категорий (видов и видовых классов) важное значение имеет и степень влияния аспектуального форманта на семантику основы. Можно заметить, что на семантику основы оказывают влияние суффиксы -рга-/ -ргэ-, -лга-/ -лгэ-, -на-/ -нэ-, -нас-/ -нэс-, -счи-, -мал-/ -мэл-, -м-. Но характер этого влияния отличается от подобного явления в русском языке, вносимого приставками. Отличие состоит в том, что в эвенском языке данные суффиксы, частично изменяя семантику первичной основы, придают ей дополнительные значения обратного или противоположного действия, перемещения, стремления к действию, неполноту его проявления, попытку и желание совершить его. Это своеобразное явление морфологии эвенского и других тунгусо-маньчжурских языков привлекало внимание многих исследователей. Но в данном случае мы имеем в виду влияние на первичную семантику простой второобразной аспектуальной основы. В этом плане они не меняют исходной семантики, придавая лишь как бы отдельные самостоятельные дополнительные значения. В табл. 1 это обозначено знаком +. Показатели, которые обозначены знаком -, не вносят в первичную семантику основы таких отдельных значений, а дополняют ее лишь аспектуальным значением.

Характерной особенностью аспектуальных формантов эвенского глагола является их относительная однозначность (табл. 1, графа 7). К однозначным можно отнести показатели -л-, -рга-/ -ргэ-, -н-, -у-, -с-, -рга-/ -ргэ-, -лга-/ -лгэ-, -и-, -к-, -м-, -ңи-, -на-, -нас-,

-мал-/мэл-, -м- и конструкцию -сан-/сэн-/сон- + бидэй. Вместе с тем ряд аспектуальных суффиксов имеют по несколько значений, среди которых может быть выделено основное. Сюда относятся форманты (со знаком +-) -д'-; -ч-/т-; -вач-/вэч-; -кач-/кэч-; -ван'-/вэн'-; -д'ан'-/д'эн'; -малчи-/мэлчи-.

Третью группу составляют те суффиксы, которые выражают несколько независимых друг от друга значений (-сан-/сэн-; -счи-; -со-). В целом же обращает на себя внимание тот факт, что суффиксы аспектуальности эвенского языка более однозначны по сравнению с показателями вида русского глагола.¹¹

Выражение представления о характере протекания действия является основной и единственной функцией этих формантов, причем каждый оттенок характера протекания действия имеет в большинстве случаев закрепленный за ним в языке особый показатель. Это несомненно приближает их к категориям грамматического порядка. Связанным с этим, но не тождественным признаком является заменяемость или незаменимость данных показателей другими грамматическими средствами.

С учетом сказанного в табл. 1 принято условное обозначение (-) в значении „незаменяем“. Незаменяемыми показателями оказалось значительное большинство (более половины) всех представленных формантов. В некоторой степени заменяемыми являются суффиксы -сан-/сэн- и -д- (исходности и начинательности действия), которые имеют в основном сходные значения. Считать заменяемыми показатели многократности нельзя, так как их употребление зависит от различных лексических групп глаголов; кроме того, каждый формант многократности имеет свой особый оттенок значения. И, наконец, суффиксы -м- и -мал- близки по значению, но не тождественны. Таким образом, фактически форманты аспектуальности почти незаменимы.

Из вышеизложенного видно, что многие форманты аспектуальности характеризуются следующими особенностями: широким охватом глагольной лексики, слабой зависимостью от контекста; независимостью от склонения, времени и других словоизменительных категорий (лицо, число); приданием дополнительных оттенков значения характеру протекания действия без изменения исходной семантики, однозначностью и незаменимостью. В целом они выражают представление о характере протекания действия.

Учитывая приведенные характеристики аспектуальных форм и придерживаясь точки зрения исследователей, признающих существование в языке категории вида за пределами совершенного и несовершенного видов, что свойственно славянским языкам, в эвенском языке мы выделяем следующие видовые формы:

¹¹ См.: М у ч н и к И.П. Грамматические категории глагола и имени в современном русском литературном языке. М., 1971, с. 109-129.

общий вид (с нулевым показателем),
 начинательный вид (суфф. -л-),
 конкретно-процессуальный (несовершенный) вид (суфф. -д'-/ -д-),
 неопределенный вид (суфф. -ч-/ -т-),
 вид неоднократного действия (суфф. -гра-/ -грэ),
 вид многократного действия (суфф. -кач-/ -кэч-),
 вид обычного действия (суфф. -вач-/ -вэч-),
 вид повторно замедленного действия (суфф. -д'ан'-/ -д'эн'-),
 вид изредка совершаемого действия (суфф. -ван'-/ -вэн'-; -ин-),
 вид отправительный (суфф. -на-/ -нэ-),
 вид моментального действия (суфф. -сан-/ -сэн-),
 интенсивный вид (суфф. -малчи-/ -мэлчи-),
 желательный вид (суфф. -м-),
 вид имитации действия (конструкция: суфф. -сан-/ -сэн-/ -сон- +
 бидэй 'быть').

По типу видовое образование эвенского глагола в основном морфологическое, т.е. суффиксальное. Возможны и аналитические конструкции. В ряде случаев аспектуальные значения выражаются чередованием.

Как структурно-грамматический тип виды эвенского глагола образуются путем регулярных модификаций глагольной основы. При этом видообразование не влияет на исходную семантику первичной основы, а лишь придает ей аспектуальное значение.

Исходя из изложенного, видовые образования эвенского глагола следовало бы называть основоизменительными, а не словоизменительными. Иными словами, виды глагола эвенского языка образуют новые основы, которые можно называть видовыми основами. Видовые основы являются носителями видового значения.¹² Видовое значение эвенского глагола неправомерно считать совершенно независимым от лексики хотя бы уже потому, что виды в эвенском языке выступают как абстракции лексических значений. Поэтому виды эвенского глагола нельзя относить и к разряду категорий, независимых от лексики.

Наряду с видами мы выделяем видовые классы,¹³ которые отличаются от видов меньшим охватом глагольной лексики, связанностью с отдельными лексическими группами глаголов. Видовые

¹² Термин заимствован у проф. Ю.С. Маслова. См.: М а с л о в Ю.С. Система основных понятий и терминов славянской аспектологии. - В кн.: Вопросы общего языкознания. Л., 1965, с. 57-64.

¹³ Как указывалось выше, возможность существования в языке наряду с несколькими видами и других видовых форм показана в книге Б.А. Серебренникова „Категория времени и вида в финно-угорских языках пермской и волжской групп“ (М., 1960). Из этой работы мы заимствуем понятие и термин „видовой класс“ (с. 24).

классы эвенского глагола — это такие формы аспектуальности, которые имеют специальные грамматические показатели, независимые от времени, наклонения глагольного действия и имеющие ограниченный охват глагольной лексики; нами выделяются следующие видовые классы:

- видовой класс, характеризующийся суффиксом —с—,
- видовой класс, характеризующийся суффиксом —у—,
- видовой класс, характеризующийся противопоставлением узкого гласного и широкому а/э,
- видовой класс, характеризующийся суффиксами —к—, —м—,
- видовой класс, характеризующийся суффиксом —н— (—на—/—нэ—),
- видовой класс, характеризующийся суффиксом —сан—/—сэн—, —сн—, —с—,
- видовой класс, характеризующийся суффиксом —счи— (§ 22),
- видовой класс, характеризующийся суффиксом —рга—/—ргэ—,
- видовой класс, характеризующийся суффиксом —лга—/—лгэ—,
- видовой класс, характеризующийся суффиксом —нас—/—нэс—,
- видовой класс, характеризующийся суффиксом —мал—/—мэл—,
- видовой класс, характеризующийся суффиксом —счи— (§ 26).

Выделение видовых классов эвенского языка дополнительно может быть подтверждено и тем обстоятельством, что аналогичные аспектуальные образования в других тунгусо-маньчжурских языках — широко распространенные характерные явления. Например, видовой класс эвенского языка, характеризующийся суффиксом —рга—/—ргэ—, имеет крайне незначительное употребление, однако, как указывает В.И. Цинциус, аналогичная форма весьма употребительна в негидальском, нанайском, ульчском, удэйском языках.

ВИДЫ И ВИДОВЫЕ КЛАССЫ

Анализ значений видов и видовых классов эвенского глагола мы начинаем с рассмотрения семантических и грамматических особенностей исходной видовой формы, которая занимает центральное место в системе видовых оппозиций остальных шести групп, или разрядов, и которая в связи с этим выступает как форма общего вида. Далее соответственно будут по возможности подробно описаны основные значения и оттенки значений видов и видовых классов по аспектам преломления характера проявления действия, определяемым нами как фазы, кратность, направление, интенсивность, дезидеративность и имитация действия.

§ 1. Общий (совершенный) вид

Первичную глагольную основу с нулевым показателем исследователи эвенского языка определяют как форму совершенного вида, например: „Форма совершенного вида. Показателя не имеет. Без суффикса несовершенного вида или вида продолженного действия глаголы в эвенском языке имеют значение глаголов совершенного вида”.¹ Аналогичной точки зрения в отношении тунгусского языка придерживался Г.И. Рамстедт, развернутая формулировка которого заслуживает внимания: „Глагол в своей первичной форме имеет, как правило, внутриприсущее ему значение совершенности действия, т.е. он выражает действие кратковременное и раз навсегда завершённое”.² И. Бенцинг также высказывает мнение, что первичная глагольная основа выражает перфективный аспект.³

Имеется и другая точка зрения; например, К. Менгес считает, что в тунгусо-маньчжурских (и вообще в алтайских) языках нет

¹ Ц и н ц и у с В.И. Очерк грамматики эвенского (ламутского) языка, ч. I. Л., 1947, с. 180. Ср. также: Ц и н ц и у с В.И., Р и ш е с Л.Д. Русско-эвенский словарь. М., 1952, с. 741; Н о в и к о в а К.А. Эвенский язык. — В кн.: Языки народов СССР, т. V. Л., 1968, с. 99.

² Р а м с т е д т Г.И. Введение в алтайское языкознание. Пер. с нем. М., 1957, с. 164.

³ B e n z i n g J. Die tungusischen Sprachen. Versuch einer vergleichenden Grammatik. Wiesbaden, 1956, S. 118.

совершенного (perfektiv) и несовершенного (imperfektiv) видов и что аспектные значения чистых коренных форм в большинстве случаев являются исключительно определенными действиями.⁴

Выделяя совершенный вид, в частности, имеют в виду видо-временное значение глаголов изъявительного наклонения с нулевым аспектуальным показателем: „Настоящее время изъявительного наклонения имеет значение действия, происходящего и происходившего в данный момент, и потому по-русски, при отсутствии показателей несовершенного вида у эвенской глагольной основы, часто переводится прошедшим временем, поскольку совершенный вид в русском языке формы настоящего времени не имеет.⁵ В этом определении подчеркнуто двойное значение „происходящего и происходившего в данный момент“ действия, т. е. незаконченного и законченного в формах настоящего времени.

Чтобы ярче оттенить аспектуальное значение глагольной формы с нулевым показателем, необходимо сопоставить ее с формой с суффиксом -д' -/-д- в рамках трех времен изъявительного наклонения. Эвенские глаголы приводятся в форме 1-го лица ед. числа.

Изъявительное наклонение

Исходная глагольная основа с нулевым показателем

Настоящее время	Прошедшее время	Будущее время
би тэгрэм	би тэгрив	би тэгд'им
'я сел (сейчас)'	'я сел'	'я сяду'
би тикрэм	би тикрив	би тикчим
'я упал (сейчас)'	'я упал'	'я упаду'
би бакрам	би бакрив	би бакчим
'я нашел'	'я нашел'	'я найду'
би бокнам	би бокнив	би боканд'им
'я настиг'	'я настиг'	'я настигну'
би гургэвчирэм	би гургэвчирив	би гургэвчид'им
'я работаю, работал'	'я (по)работал'	'я (по)работаю'
би бутэнрэм	би бутэнрив	би бутэнд'им
'я болен'	'я болел'	'я заболею'
би гиркарам	би гиркарив	би гиркад'им
'я шагаю, шагнул'	'я шагнул'	'я шагну'
би колрам	би колрив	би колд'им
'я пью, выпил'	'я (вы)пил'	'я выпью'

⁴ M e n g e s K. Die tungusischen Sprachen. 5. Bd. Altaistik. 3. Abschnitt Tungusologie. Leiden/Köln, 1968, S. 115.

⁵ Ц и н ц и у с В.И. Очерк грамматики..., с. 194.

Глагольная основа с суффиксом -д' / -д-

Настоящее время	Прошедшее время	Будущее время
би тэгэддэм 'я сажусь'	би тэгэддив 'я сажился'	би тэгэдд'им 'я буду садиться'
би тикэддэм 'я падаю'	би тикэддив 'я падал'	би тикэдд'им 'я буду падать'
би бакаддам 'я нахожу'	би бакаддив 'я находил'	би бакадд'им 'я буду находить'
би боканд'иддам 'я настигаю'	би боканд'иддив 'я настигал'	би боканд'идд'им 'я буду настигать'
би гургэвчиддэм 'я работаю'	би гургэвчиддив 'я работал'	би гургэвчидд'им 'я буду работать'
би бутэнэддэм 'я болею'	би бутэнэддив 'я болел'	би бутэнэдд'им 'я буду болеть'
би гиркаддам 'я шагаю'	би гиркаддив 'я шагал'	би гиркадд'им 'я буду шагать'
би коладдам 'я пью'	би коладдив 'я пил'	би коладд'им 'я буду пить'

Значение настоящего времени определяется как настоящий, непрерывный, непрекращенный момент, т.е. созерцаемый, одновременный с моментом речи. Прошедшее время представляется уже законченным, т.е. прекращенным моментом, мыслимым как прошедший этап. Будущее время воспринимается как еще не наступивший момент, наступление которого предполагается.

При анализе аспектуальных значений приведенных примеров в плане настоящего времени обнаруживаются интересные явления. Глаголы тэгрэм 'сел', тикрэм 'упал', бакрам 'нашел', бокнам 'настиг', а также одно из значений глаголов колрам 'выпил' и гиркарам 'шагнул' воспринимаются с точки зрения протекания действия как завершённые, законченные, т.е. доведенные до конца. И вообще действия, обозначаемые глаголами в настоящем времени, во внеконтекстном употреблении воспринимаются как завершённые, законченные. С другой стороны, глаголы гургэвчирэм 'работаю', бутэнрэм 'болею' и одно из значений глаголов гиркарам 'шагаю', колрам 'пью', подобно формам конкретно-процессуального (несовершенного) вида в настоящем времени имеют значение незаконченного, не доведенного до конца действия. Однако в плане аспектуальном в таких примерах, как гургэвчирэм 'работаю' и гургэвчиддэм 'работаю', есть различие.

Итак, в настоящем времени с точки зрения характеристики протекания действия глаголы эвенского языка выступают со значением законченных, завершённых действий, но некоторые из них наряду с этим могут содержать и значение незаконченности.

В прошедшем времени все действия рассмотренных глаголов, сохраняя те же самые аспектуальные значения, как и в настоящем времени, продвинуты только по линии времени, т.е. воспринимаются как прошедший этап. Так, например, глаголы тэгрив '(я) сел', тикрив '(я) упал', бакрив '(я) нашел', бокнив '(я) настиг' и одно из значений глаголов гиркалив '(я) шагнул', колрив '(я) выпил' обозначают законченные в прошедшем действия. Глаголы гургэвчирив '(я) работал', бутэнрив '(я) болел', гиркалив '(я) шагал', колрив '(я) пил' и все глаголы в форме конкретно-процессуального (несовершенного) вида обозначают незаконченные, но прекращенные действия.

В будущем времени все без исключения глаголы в обеих видовых формах воспринимаются как обозначающие действия, которые предполагается совершить и довести до конца, т.е. воспринимаются как действия, которые будут завершены в будущем.

Таким образом, наличие значений завершенности и незавершенности действия в рамках настоящего времени изъявительного наклонения очевидно. Приведем ряд примеров.

Накат, унэт ейлэ ойчирид'и, учикув бокнан. 'Медведь, забравшись еще выше, настиг (моего) ездового оленя'; Гиро... ун бимнин совет председател'тэкин тарав д'угулин дукум дукран. 'Григорий... вдруг об этом написал письмо председателю Совета'; Би кунараптукий орандула гургэвчирэм. 'Я с детства работаю пастухом' (досл.: Я с (своего) детства работаю у оленя); Ноһан эрэв тэлэну һо гору дукран. 'Он этот рассказ пишет очень долго'.

В первых двух предложениях глаголы бокнан 'настиг', дукран 'написал' указывают в настоящем времени на завершенное, законченное значение. В двух последних глаголы гургэвчирэм 'работаю' и дукран 'пишет' означают не завершенные в настоящий момент действия.

В связи с этим следует обратить внимание на разницу в значениях между незавершенными действиями в настоящем времени глагола с нулевым видовым показателем и конкретно-процессуальным (несовершенным) видом. Обе формы обычно переводятся на русский язык настоящим временем несовершенного вида. Например:

би бутэн-рэ-м 'я болею'	би бутэн-э-д-дэ-м 'я болею'
би кесчи-рэ-м 'я пасу'	би кесчи-д-дэ-м 'я пасу'
би һуклэ-рэ-м 'я сплю'	би һуклэ-д-дэ-м 'я сплю'
би гургэвчи-рэ-м 'я работаю'	би гургэвчи-д-дэ-м 'я работаю'
би д'эп-тэ-м 'я ем'	би д'эб-э-д-дэ-м 'я ем'

Примеры левого столбика взяты нами условно (т.е. без контекста) в значении, когда они выражают незавершенные действия. Общим для них является обозначение неконкретного действия, совершаемого в настоящий момент. Говорящий или лицо, о котором говорится, заняты в данный момент каким-то действием. При этом субъект в момент речи может не совершать действия. В таких

случаях говорящий как бы не созерцает действия, т.е. действие представляется как более отвлеченное, неконкретизированное, ср.: Улрэнэт тэндун манун, томи кэнсэрбэв д'эптэв. 'Мясо (наше) у нас совсем кончилось, поэтому питаемся (едим) консервами', и т.д.

Значение глаголов правого столбика суммарно можно определить как конкретное незавершенное, процессуальное действие. Субъект находится в самом процессе совершения действия, а говорящее лицо созерцает его в момент речи. О значении данной видовой формы речь пойдет ниже. Отметим лишь, что глаголы (в предельном значении) в форме этого конкретно-процессуального (несовершенного) вида представляют действие как нечто целое, единое, т.е. неделимое. Непредельные глаголы в этой форме обозначают отрывочные, прерывные акты, соединенные единым процессом действия.

Таким образом, формы настоящего времени с нулевым видовым показателем имеют два основных значения: а) глагол выражает завершенное, законченное в настоящий момент действие; б) действие может быть незаконченным, если оно мыслится обобщенно.

Каждая из этих разновидностей значения общего вида в контексте обнаруживает частные значения. Так, завершенное действие может представляться как конкретно-предельное и как суммарное. В первом случае имеется в виду конкретный единичный факт, заранее предопределенный предельностью действия. Примеры:

Гусэтэ, һ'акита һурэлэн һэвигэй һэврид'и, умталбу тугрэн (Толст. 40). 'Орел, свив гнездо на вершине дерева, вывел орлят' (87); Мут д'ер отрядал бакалданналатан төрлэ иссап (Арс. 157). 'Мы дошли до места, где должна произойти встреча двух отрядов'; Ноһартан мину элгэдур тэгукэн (Т. 91). 'Они меня посадили между собой'; Городла иссап. Ноһан мину мэн д'улай ивкэнни (Т. 90). '(Мы) доехали до города. Он ввел меня в свой дом'; Би мэрэнтэй нукрам, д'ула ирэм: һи-даачча. 'Я снял лыжи (свои), зашел в дом: никого нет'; Би орарбу кубуччэмутэн бакрам. 'Я оленей всех до одного нашел'.

Это значение является основным для данной формы.

В самом термине суммарное значение выражено понятием нерасчлененности единичных актов, выражающих в целом законченность действия, например:

Итый эвэчилбэвкэнэм, авми нукрид'и, давсарам (Арс. 133). 'Сделав веселое лицо, я снял фуражку и замахал ею'; Д'өрэкэм пэктэрэнэм – иав-да эсэм мар. 'Выстрелил два раза – никого не убил'.

В тех случаях, когда эта форма обозначает незаконченное, незавершенное действие, можно отметить несколько частных значений.

В отвлеченно незаконченном значении действие представлено неограниченным рядом повторений, его предельность не ощущается.

Примеры:

Коли, мө мостала чургаран. 'Посмотри, вода капает на пол'; Тик орар бутэнрэ? Инэ-э, бутэнрэ-э. 'Сейчас олени болеют? Да, болеют'; Гуд'эйэ-э, иами һилгичис һу ноһман, тилрэ. 'Бедняга, по-

чему мучаете вы его, отпустите'; Эр м'амкачмаган! — би мулгарив — эрречим долбанив тогалкан'нэрэн (Арс. 123). 'Вот чудак! — подумал я, — в такую светлую ночь идет с огнем'.

В этих же случаях форма настоящего времени может не указывать ни на процесс, ни на повторность и не предполагает развития действия: констатируется лишь факт состояния, например:

Мико тарав д'угулин айич һан. 'Коля об этом знал хорошо'; Асинив, эн'му-дэ д'урулра уркэду. 'И жена (моя), и мать (моя) стоят у двери'.

При конкретно-процессном значении указывается на наличие, течение действия, подчеркивается длительность, процессность его, например:

Долбанив чептэрэ һин гогран. 'Всю ночь лаяла собака'; Ней удлин гиркан, һэлинчин (Марш. 17). 'Идет по сестриным следам, топится'.

Наконец, может указываться сам факт наличия или отсутствия действия безотносительно к его завершенности или незавершенности, т.е. в отличие от конкретно-процессного значения в данном случае не содержится указания на процессность, например:

Гриша учикалбу д'авран? — Д'авра-ан. 'Гриша поймал ездовых оленей? — Поймал'; Пи эрэв һонначайакам айаванри? Айавра-а-м. 'Ты любишь этого олененка? Люблю'; Ин'илрэн, иач-та экич дуруттэ одни. 'Похолодало, нечем стало топить (костер)'.

Указанные значения общего вида не всегда могут четко разграничиваться в широком контексте, они охватывают все глагольные времена и разнообразные формы наклонений, деепричастий и причастий. В связной речи в большинстве случаев глаголы употребляются с тем или иным видовым суффиксом или комбинацией их, поэтому по сравнению с ними глаголы с нулевым видовым показателем встречаются не так часто. В целом форму настоящего времени с нулевым видовым показателем эвенского глагола в какой-то мере можно сравнить с двувидами глаголами русского языка, такими, например, как обещать, казнить, ранить, велеть, молвить, организовать и т.д. Если такое сравнение допустимо, то только в плане двузначности их по отношению к завершенности и незавершенности действия.

Рассмотренный материал подтверждает, что в контексте форма с нулевым видовым показателем может реализовать свое значение в виде завершенности и незавершенности действия. В связи с этим интересно привести высказывание А.А. Потебни: „Появлению совершенности и несовершенности непосредственно предшествовало такое состояние языка, когда предлог не сообщал ему значения совершенности и когда беспредложный глагол был совершенно безразличен по отношению к совершенности и несовершенности“.⁶

⁶ П о т е б н я А.А. Из записок по русской грамматике, т. IV. М.-Л., 1941, с. 35.

Анализ материала показывает, что эти значения общего вида находятся в прямой зависимости от аспектуальной категории предельности и неопределенности глагольного действия; этой категории необходимо уделить специальное внимание.

Категория предельности (далее: П) и неопределенности (НП) признается универсальной языковой категорией и в языкознании рассматривается с изучением характера протекания глагольного действия. Основоположником учения о категории П : НП считается Ф. Диц:⁷ „В общем можно сказать, что рассматриваемая категория довольно поздно и не сразу была выявлена в науке, а широкое ее признание затянулось на долгие годы“.⁸ П : НП сначала разрабатывалась на материале романских и германских языков. Существуют различные точки зрения на суть рассматриваемой категории.⁹ Многие исследователи подчеркивают важную роль этой категории особенно в языках, где отсутствует глагольный вид: „Между тем, категория П : НП существует в славянских языках, хотя она и скрыта в них, под покровом видового противопоставления С : НС“.¹⁰ Установлено, что в славянских языках неопределенные глаголы образуют только несовершенный вид, тогда как предельные имеют соотносительные парные формы обоих видов. В определении грамматической сущности П : НП мнения различны. Так, например, А.В. Бондарко категорию П : НП относит к способам действия: „Среди способов действия выделяются две наиболее крупные и абстрактные по своему значению лексико-грамматические группировки – предельные и неопределенные глаголы“.¹¹

Говард Б. Грэй предлагал разграничить вид лексический и грамматический и под лексическим видом имел в виду категорию П : НП.¹² Ю.С. Маслов, поддерживая трактовку, предложенную И. Польдауфом, считает категорию П : НП „занимающей как бы промежуточное положение между способом действия и видом“.¹³

⁷ См.: М а с л о в Ю.С. Вопросы глагольного вида в современном зарубежном языкознании. – Вопросы глагольного вида. М., 1962, с. 14.

⁸ Там же, с. 16.

⁹ Там же, с. 13–19. См. также: Б а л и н Б.М. Немецкий аспектологический контекст в сопоставлении с английским. Калинин, 1969, с. 39–58 и др.

¹⁰ М а с л о в Ю.С. Вопросы глагольного вида..., с. 18.

¹¹ Б о н д а р к о А.В. 1) Грамматическая категория и контекст. Л., 1971, с. 51; 2) Виды глагола и способы действия в русском языке. – РЯНШ, 1971, № 2, с. 12; Б о н д а р к о А.В., Б у л а н и н Л.Л. Русский глагол. Л., 1967, с. 28.

¹² В о п р о с ы глагольного вида. М., 1962, с. 345.

¹³ М а с л о в Ю.С. Вопросы глагольного вида..., с. 13–14; также см. кн.: Вопросы глагольного вида, с. 18–19, 77–78.

Четкая противопоставленность П : НП, видимо, ни у кого не вызывает сомнения, однако ряд исследователей придерживается тройственной классификации, выделяя еще промежуточную группу „двойственных“ глаголов (по терминологии Ф.А. Ганиева) или „потенциально-предельных“ (по терминологии Е.А. Коленько).¹⁴ Имея в виду промежуточную группу предельных и непредельных глаголов, Ю.С. Маслов в таких случаях предлагает говорить „о предельных и непредельных значениях“.¹⁵

При изучении П : НП большое значение имеет вопрос о критериях выделения данной категории. В большинстве случаев критерии, которые применяются при разделении глаголов на П и НП, лежат в сфере словообразования или в сфере логики. Однако ряд исследователей устанавливает „чисто“ лингвистические методы выявления П : НП в языке.¹⁶

Категория П : НП также выделяется во многих языках, например в китайском (С.Е. Яхонтов), в корейском (Г.Е. Рачков, А.А. Холодович), в японском (А.А. Холодович), в марийском (М.П. Чхаидзе), в татарском (Ф.А. Ганиев), в эскимосском (Г.А. Меновщиков) и др.¹⁷

¹⁴ Г а н и е в Ф.А. Видовая характеристика глагола татарского языка. Казань, 1963, с. 99; К о л е н ь к о Е.А. Конструкция с причастием II в современном немецком языке. – Учен. зап. 1-го МГПИИЯ, М., 1955, т. 7. Такого же мнения придерживается З.М. Ромм. См.: Р о м м З.М. К вопросу о глагольной категории предельности. – Уч. зап. 1-го МГПИИЯ, 1959, т. 23, и др.

¹⁵ М а с л о в Ю.С. Глагольный вид в современном болгарском литературном языке (значение и употребление). – В кн.: Вопросы грамматики болгарского литературного языка. М., 1959, с. 198.

¹⁶ Б а л и н Б.М. Немецкий аспектологический контекст..., с. 39–58. См. также: К о л о с о в а Л.П. Дополнения при предельных глаголах движения в современном немецком языке. – Уч. зап. Пед. ин-та им. М.И. Калинина. Калинин, 1968, т. 59, с. 57–81; Н е ф е д о в В.Ю. О некоторых лингвистических возможностях различения предельности/непредельности в немецком языке. – Уч. зап. Пед. ин-та им. М.И. Калинина. Калинин, 1968, т. 59, с. 83–98; Х о л о д о в и ч А.А. О предельных и непредельных глаголах (по данным корейского и японского языков). – В кн.: Филология стран Востока. Л., 1963, с. 3–11, и др.

¹⁷ Я х о н т о в С.Е. Категория глагола в китайском языке. Л., 1957. См. также: Р а ч к о в Г.Е. Предельные глаголы в корейском языке. – Уч. зап. ЛГУ, 1962, № 306, с. 32–45; Х о л о д о в и ч А.А. О предельных и непредельных глаголах...; Ч х а и д з е М.П. Спаренные глаголы в марийском языке. Йошкар-Ола, 1960; Г а н и е в Ф.А. Видовая характеристика глагола татарского языка; М е н о в щ и к о в Г.А. Грамматика языка азиатских эскимосов, ч. II. Л., 1968, с. 41–42.

По мнению некоторых авторов, данная категория присуща не только глаголу, но и другим частям речи. 18

Некоторые глаголы эвенского языка также содержат в своей семантике идею законченности, стремление к пределу действия. Эти глаголы различны по своей семантике и употребительности, например:

тиктэй 'упасть', һэгдэрдэй 'оторваться', һивдэй 'погаснуть', дикэндэй 'спрятаться', нуктай 'снять', илдай 'встать', бөдэй 'отдать', идэй 'войти', д'авдай 'поймать', 'ловить', аччалтадай 'уничтожить', эмдэй 'прийти', бэриптэй 'потеряться' и т.д.

Общим для этих глаголов является значение достижения предела действия. Глагол тикрэн 'упал' обозначает, что действие падения завершено; глагол һиврэн 'погас' также означает, что действие (состояние горения) прекратилось, и т.д. При этом принадлежность глагола к категории П : НП мы определяем вне контекста или в нейтральном контексте, хотя контекст играет некоторую роль. Примеры:

Микулэй, качикачами илралрид'и, амаски мучун, ноһман мэнн'уми гадай. 'Николай, пожалев своего щенка, вернулся обратно, чтобы взять его с собой'; Гэлэ-э, Миша, элэкэн-э-си, мину тили! – Этэм. Тинд'им-дэ, таракам иав бөд'инри? 'Ну-ка, Миша, хватит, отпусти меня! – Нет. (Если) отпущу, тогда что (ты) мне дашь?'; Тараптук эгд'этэ буйунн'ун этил һуйэмэттэ г'анур одитан. 'С тех пор лось с диким оленем стали неразлучными друзьями'.

Таким образом, предельными глаголами можно назвать такие, которые в своем внеконтекстном значении содержат указание на предел действия, обозначенного основой глагола. Пределом же глагольного действия мы называем внутреннюю исчерпанность его, по достижении которой следует качественно новый этап действия или состояния или действие вообще прекращается.

В эвенском языке у различных глаголов степень отчетливости указания на возможный предел действия различна. Одни глаголы выражают предельность очень отчетливо. Их можно назвать отчетливо предельными. Сюда относятся глаголы эмдэй 'прийти', көкэдэй 'умереть', тиктэй 'упасть', мадай 'убить', идэй 'войти', н'өдэй 'выйти', һивдэй 'погаснуть', истай 'достичь' и др.

У других глаголов предельность выражена менее отчетливо, например: тиндэй '(от)пустить', милтрэмкэндэй 'наполнить', нэдэй 'класть', 'положить', муктэй 'отрезать', оддай 'кончить', одай 'стать', нипкэдэй 'закрыть', гадай 'взять', 'брать', анидай 'подарить' и т.д.

Предельным глаголам противопоставляются глаголы неопредельные. Если предельные глаголы указывают на исчерпанность действия, на достижение определенного предела, то неопредельные глаголы не свя-

18 Д о л и н и н а И.Г. Вопросы описания категории предельности в системе глагола. Нальчик, 1963, с. 1.

заны с представлением о каком-либо пределе. Действия, выраженные этими глаголами, могут продолжаться как бы бесконечно, ср., например, эндэй 'болеть', ин'индэй 'смеяться', бидэй 'быть', дэсчидэй 'лежать' и т.д. Эти глаголы обозначают активное или пассивное состояние, которое может вообще продолжаться бесконечно. Забегая вперед, отметим, что неопределенность в эвенском языке выражена не только лексически, но и грамматически. Ее показателем является суффикс -ч-/-т-, -чи-.

Среди неопределенных глаголов, как и у предельных, можно выделить группы по степени выражения неопределенности. Так, к отчетливо неопределенным глаголам относятся:

бидэй 'быть', няттай 'звать', хуклэдэй 'спать', гиркадай 'шагать' и др. В эту же группу входят глаголы, неопределенность которых выражена видовым показателем -ч-/-т-, -чи-, например: илаттай 'стоять' от илдай 'встать', 'остановиться', мулгаттай 'думать', 'соображать' от мулгадай 'подумать', 'сообразить' и др. Примеры:

Д'ув эвгидэлэн аллан оча амкачайакан бисни. 'Не доходя до дому есть хорошая гора (дословно: очень хорошо сделанная)'; Иттэм: Ы'атакаг долан эгд'этэ дэсчин, Ыо дали. 'Смотрю: в тальниках лежит лось, очень близко'; Тала, төнэрлэ н'ан-да д'усувли Ыусил доттитан. 'И там, на озере, опять местные лебеди сидели'.

В первом примере глагол „бисни“ обозначает беспредельное состояние, в глаголах же „дэсчин“ „доттитан“ беспредельность состояния относительна, так как если лось встанет или лебеди улетят, то и состояние „лежания“, „сидения“ кончится. Вместе с тем все эти глаголы сходны в том отношении, что они не содержат представления о пределе.

Другую группу неопределенных глаголов можно назвать просто неопределенными, например: ин'индэй 'смеяться', ерэлдэдэй 'радоваться', уттай 'наматывать', няттай 'звать', улидай 'грести', айавдай 'любить'. Примеры:

Нэлимэ, он бид'им Ыинн'ун, би төрэнтэкий-и Ыердэйи айаврам. 'Страшно, как я буду жить с тобой, я хочу в родные места поехать'; Киссигийакар уткичандулитан гиркарап. 'Идем (шагаем) местами между горных выступов'.

Наряду с предельными и неопределенными глаголами в эвенском языке имеются глаголы, нейтральные по отношению к выражению П: НП. Значение П или НП глаголы этой группы принимают в зависимости от контекста. К таким нейтральным глаголам относятся глаголы типа: д'эбдэй '(сь)есть', дуктай '(на)писать', тандай '(про)читать', Ыэпкэндэй '(с)ловить'.

Значение таких глаголов целиком зависит от контекста, например:

Тадук чайинур колрап, улрэнур д'эптэп (Т. 63). 'Затем (мы) пили чай (свой), (сь)ели мясо (свое)'. Порчав йагай д'эбэнри, эчэв айич олгар (Т. 58). 'Почему ты ешь сушеное мясо, еще хорошо не высохшее'; Миша гораддук билэклэ истала д'ерли часли

нэнрэн. 'От города до поселка Миша (про)шел два часа. Нонан исаг долин нэнрэн. 'Он шел по лесу'.

В приведенных двух парах предложений в одном случае глаголы употреблены в предельных значениях (колтрап 'выпили', д'эптэп 'съели', нэнрэн 'прошел'), а во втором – в неопредельном (д'эбэнри 'ешь (ты)').

Таким образом, значение П : НП можно определить или логическим путем, основываясь на семантике глаголов, или по контексту, исходя из общего содержания предложения. Предельные глаголы могут сочетаться с наречиями ун бимнин 'вдруг', но не сочетаются с наречием гору 'долго'. Неопредельные глаголы, напротив, не могут сочетаться с наречием ун бимнин, но свободно сочетаются с наречием гору:

Ун бимнин стулла тэгрин, н'ан гору тэгэттин. 'Вдруг он сел на стул и сидел долго'; Ун бимнин ноан м'ачику д'авран, н'ан гору д'авуттан. 'Вдруг он поймал мяч и долго держит (его)'; Тадук ноан ун бимнин Һуклэсин, ноан гору Һуклэрин. 'Потом он вдруг заснул, и он спал долго'; Ун бимнин ноан учикий Һ'акитала эн'эрин, учик гору эн'эттэн. 'Вдруг он привязал (своего) ездового оленя к дереву, ездовой олень долго стоит привязанный'.

В этих примерах глаголы в первых приведенных формах являются предельными (тэгрин, д'авран, Һуклэсин, эн'эрин), во вторых же – неопредельными (тэгэттин, д'авуттан, Һуклэрин, эн'эттэн). Следует отметить, что неопредельный глагол Һуклэдэй 'спать' под воздействием контекста вынужден был принять значение предельности при помощи присоединения суффикса -сн- (-сан-), а предельные глаголы тэгдэй 'есть', д'авдай 'поймать', эн'эдэй 'привязать' становятся неопредельными с присоединением суффикса -ч-/-т-, -чи-.

ФАЗЫ ДЕЙСТВИЯ

Сюда относятся аспектуальные формы, выражающие различные этапы протекания действия, которые могут сменять друг друга на протяжении его развития.

Первым этапом действия является его начало или исходный момент, что в эвенском языке выражается формантами -л-, -сан-/ -сэн-. Этап течения действия обозначается суффиксом -д'-/ -д-. Вслед за этапом развития действия логически должно следовать указание на его прекращение. Однако в эвенском языке отсутствуют морфологические (грамматические) средства, отражающие этот момент, столь характерный для русского языка, так как данное значение присуще исходной форме основы с нулевым показателем. Вместе с тем имеется формант, служащий для выражения неопредельности действия, который в ряде случаев выступает как показатель статального состояния, вызванного окончанием предшествующей фазы или этапа действия (суфф. -ч-/-т-).

§ 2. Начинательный вид (суфф. -л-)

Данная форма выделяется как вид почти во всех исследованиях по эвенскому языку и определяется как форма, указывающая на начало совершения действия. Действительно общим значением этой видовой формы (особенно во внеконтекстном восприятии) является указание на начало действия безотносительно к его продолжению, течению, например:

Ғондай 'плакать', Ғоналдай 'заплакать'; икэдэй 'петь', икэлдэй 'запеть'; бутэндэй 'болеть', бутэнэлдэй 'заболеть'; мэргэттэй 'думать', мэргэчилдэй 'начать думать'; таткаттай 'приучать', таткачилдай 'начать приучать'.

Однако следует отметить одну немаловажную деталь: предельные глаголы при присоединении суффикса данного вида -л- в большинстве случаев передают значение 'начать действие впервые'. Для выражения же начала конкретного действия или состояния предельные основы присоединяют комбинацию суффиксов -д'- + -л-. Непредельные глаголы в большинстве случаев таких различий не дают. Ср.: энэл-дэй 'заболеть' от эндэй 'болеть'; ин'инэл-дэй 'засмеяться' от ин'ин-дэй 'смеяться'; курэкин'ил-дэй 'начать вращаться' от курэкин-дэй 'вращаться'.

Основное различие этих двух разновидностей значений начинательного вида можно пояснить на следующих примерах: глагол дукалдай 'начать писать' даже без контекста показывает, что речь идет о приобретении навыка письма впервые, тогда как глагол дукад'илдай 'начать писать' обозначает начало какого-то конкретного процесса, факта письма; глагол д'эбэлдэй 'начать есть' обозначает приобретение навыка еды впервые или восстановления его после продолжительного перерыва, в то время как глагол д'эбэд'илдэй 'начать есть' обозначает начало какого-либо конкретного случая еды. Эти формы не могут заменять друг друга без изменения основного содержания, что видно из следующего примера:

Чакабак амардадун мут Ғисэчин, д'улавур эмрид'ур, улрэнур д'эбэд'илрит. 'После собрания вечером, придя домой, мы начали есть мясо'.

В этом предложении сказуемое д'эбэд'илрит 'начали есть' нельзя заменить формой д'эбэлрит. Не все глаголы могут иметь такие пары по значению. Приведем наиболее распространенные и употребительные из них:

колалдай 'начать пить, курить (впервые)', колад'илдай 'начать пить, курить (в данном случае)';

гиркалдай 'начать ходить (впервые)', гиркад'илдай 'начать ходить (в данном случае)';

илбэлдэй 'начать гнать (впервые)', илбэд'илдэй 'начать гнать (в данном случае)';

уйукачилдай 'начать купаться (впервые)', уйукачид'илдай 'начать купаться (в данном случае)';

көсчилдэй 'начать пасти (впервые)', көсчид'илдэй 'начать пасти' (в данном случае).

Таким образом, наиболее характерным значением формы начинательного вида является показ начала любого действия или процесса. Примеры:

Кутлигдук Һэтэкэнид'и, аднийэв букэсу дугад'илран (Сем. 8). 'Сбежав с торося, он начал долбить тонкий лед'; Эрэд'ин поптуки улгимид'илрэн... 'Рядин (имя собственное) начал спрашивать у попа'; Һан бэйил он'уйнон улид'илрип, Һан бэйил олдассон од'илра. 'Мы, часть людей, начнем копать могилу, а остальные начните делать гроб' (фольк.); Нонман чорид'илритан, бад'икар илрид'ур. 'Начали бить кулаками его, встав утром; Гиро аканни Һоч игэч ин'инэлрэн. 'Старший брат Гриши очень громко рассмеялся'. „Он-а-си, карки-ли!“ – Васька мисалчилран (Гол. 24). '„Как же, жди“, – захохотал Васька', и др.

Другим оттенком значения данного вида, как уже говорилось выше, можно считать показ начала действия, понимаемого как действие, совершаемое впервые; в этом случае действующее лицо, о котором говорится, как бы начинает приобретать новое качество или переходить в другое состояние либо после продолжительного перерыва возобновляет прежнее состояние или действие. Примеры:

Би м'ан д'апкандукий малриву эгд'эм бэйнэву. 'Я с восемнадцати лет начал впервые охотиться на крупного зверя'; Куһанатан Һо бутэк бисин. Нонан көйэлрин-ни? Инэ, көйэлрин-э. 'Ребенок (их) был очень болезненным. Он стал видеть? Да, он стал видеть'; Нонан н'уч төрэмэн элэкэс долдалран. 'Он только что начал понимать русскую речь'.

В этих предложениях сказуемое (малрив, долдалран, көйэлрин) фиксирует внимание на начале действия, совершаемого впервые. Сохранение приобретенного навыка подразумевается.

Наконец, в зависимости от семантики глагольной основы оттенком значения начинательного вида можно считать начало завершения действия. Примеры:

Окатли пароход эмэлрэн. 'По реке начал подходить пароход'; Тадук д'ула истала далисукан одни, исад'илрам, иссам. 'Затем до дома стало близко, начал доходить, дошел'; Он н'экчип, д'эплэнүт мануд'илран? 'Что делать, кончаются продукты?' (фольк.), и т.д.

Эта подгруппа является очень ограниченной и не имеет столь существенного отличия, как две первые.

В основном этот вид выражает завершение периода начала действия. И в этом смысле его вполне можно отнести к формам, показывающим законченность действия, достигшего своего предела на одном из этапов начавшегося действия, например:

Нонан, качикачами диллон мэн итилай камнурид'и, Һумкэчилрэн... (Сем. 12). 'Прижав к лицу морду шенка, он прошептал...'; Өмэн бэй корбакад'и Һэпкэнни, таракам нонан д'ормин бисивэн чэлэн Һал-ра (Толст. 28). 'Один мужик взялся за шапку, и все узнали, что он был вор' (82); Элэкэс-тэ тачин гөнэкэн, стол Һилгэлрэн, н'эй-

кэнэлкэн бэй, уркэли ирид'и, чамакчарбу Һулутэд'илрэн '(Толст. 34). 'Только она сказала это, затрясся стол и в двери вошел человек со свечкой и стал ловить мышей' (84).

Однако в большинстве случаев законченность начальной стадии действия не подчеркивается, она просто подразумевается. Примеры:

...Амадмар туркилай Һуклэснэн, Ванька, н'огу гадид'и, Һ'атач давсад'илран (Толст. 27). 'Отец заснул в телеге, а Ванька взял вожжи и кнутом махал (начал махать)' (81); Нуңу эрич Һирканд'и типкиру минэд'илрэн (Толст. 23). 'Стал дурак этим ножом гвоздь резать' (80); Тадук емними имарач, илрарач-та бунидрэн (М.-С. 18). 'А потом вдруг взвыла и протяжно и жалобно'; Титэл Киев далилан нэлэм д'абда билрэн (Уш. 67). 'В старые годы появился недалеко от Киева страшный змей', и т.д.

Смысл начала действия сохраняется и при отрицании: Һэнтэлн'ун буйусэмнэлн'ун өмэн Һэлки эч буйусэлрэ (М.-С. 24). 'Не мог промышлять (с тех пор) наравне с другими охотниками'.

Для выражения начала действия могут быть использованы и другие средства, например:

Ноңан элэкэс Һэтэкэнни. 'Он только что побежал'; Буйусэк одни. 'Охота началась', и т.д.

Аналогичная аспектуальная форма представлена в большинстве тунгусо-маньчжурских языков. Форма начинательности выделяется К.М. Мыльниковой и В.И. Цинциус, В.Д. Колесниковой и О.А. Константиновой в негидальском; Г.М. Василевич, О.А. Константиновой и Е.П. Лебедевой в эвенкийском; Т.И. Петровой, В.А. Аврориним в нанайском; Е.Р. Шнейдером, О.П. Суником в удэйском; В.А. Аврориним, Е.П. Лебедевой в ороцком; Т.И. Петрова отмечает наличие суффикса, показывающего начало действия, также в ульчском и орокском языках. Г.И. Рамстедт происхождение форманта данного вида -л- связывает с глаголом ил-дай 'вставать', 'подниматься'.¹⁹

Общетунгусский вариант суффикса данного вида возводится к праформе *лу-.²⁰

§ 3. Видовой класс, обозначающий исходность действия (суфф. -сан-/сэн-, -сн-, -с-)

Наряду с формой начинательного вида с суфф. -л- в эвенском языке имеется и другая форма, указывающая на исходность действия. В литературе суфф. -сан-/сэн- известен как показатель „исходно-кратковременного вида“.²¹ Значения, вносимые данным суффиксом, - исходность действия и моментальность, кратковремен-

¹⁹ Р а м с т е д т Г.И. Введение в алтайское языкознание, с. 163-164.

²⁰ В e n z i n g J. Die tungusischen Sprachen..., S.120

²¹ Ц и н ц и у с В.И. Очерк грамматики..., с. 186.

ность его — сильно отличаются друг от друга. Вместе с тем оба значения неодинаковы по своей употребительности и продуктивности. Эти обстоятельства, а также зависимость значения исходности от лексических групп глаголов в конечном счете побудили нас признать их формами неодинаковой грамматичности.

В данном разделе мы рассматриваем обозначение указанным формантом исходности действия. В этом значении употребление интересующего нас форманта весьма ограничено, связано преимущественно с глаголами движения и перехода в состояние. Роль контекста в формировании значения исходности действия относительно велика. Примеры:

Мут өрөп этикэнур Ильян'ун туркич бэйд'ур ираснап, Алексей хотуснан. 'Мы с Ильей сами на нарте потащили того старика, Алексей принялся прокладывать дорогу'; Тэгэмэр гөнни: мин тэгэлгэму Һунриснэн. 'Царь сказал: пошатнулась моя жизнь'; Уйинд'э н'ан-да нулгэснэн. 'Уиндя опять отправился кочевать'; Дрозд хотарандула дон, тутэснэн, дэгнэ туркуттимдэс бидэй; н'ан дэгэлэсэнд'ин, н'ан дод'ин, н'ан дэгэлэсэнд'ин, н'ан дод'ин (Р. с. 16). 'Дрозд сел на дорогу и побежал, будто лететь не может: взлетит и сядет, взлетит и сядет'; Нэгни одни, мө эйэснэн (Толст. 14). 'Пришла весна, потекла вода'; Нонан амардадун би Һөпкэчэнтэки ойчиснив. 'За ним я стал подниматься в гору'. Летчик, куна өйдэлин дэгникэн, д'өрбу чакалнав өмэтэлд'и улэн, тадук дөмнэтки Һукэснэн (Сем. 20). 'Пролетая над мальчиком, летчик сбросил один за другим два тюка и повернул к берегу'.

Иногда значение этой формы различимо только в контексте. Например, глагол Һуклэсэндэй может быть воспринят как 'заснул' или 'выспался' (поспал короткое время). Также только контекст может уточнить значение таких глаголов, как курэкинисэндэй 'завертеться' или 'вертеться кратковременно', гиркасандай 'зашагать' или 'быстро шагнуть', эйэсэндэй 'поплыть', 'быстро проплыть' и др.

Данный видовой класс может обозначать и переход в какое-либо состояние, например: камталасандай 'побледнеть', чулбаласандай 'зазеленеть', н'эгчэлэсэндэй 'почернеть' и т.д. Эта группа глаголов довольно малочисленна.

§ 4. Конкретно-процессуальный (несовершенный) вид (суфф. -д'--/--д-, -д'ид'--/--д'ид--)

Одним из самых распространенных и характерных значений данного вида считается указание на действие в его совершении. Эта видовая форма обозначает действие, которое происходит, происходило или будет происходить в определенный отрезок времени. При этом действие носит очень конкретный характер. Говорящее лицо как бы присутствует здесь же и созерцает развивающееся и длящееся действие. Это значение противостоит конкретно-предельному значению общего вида. Ср.:

тэг-дэй 'сесть', тэг-э-д-дэй 'садиться'; дагам-дай 'приблизиться', дагам-а-д-дай 'приближаться'; ису-дэй 'вырасти', ису-д-дэй 'расти'; бокан-дай 'настичь', бокан-д'ид-дай 'настигать'; Һуклэ-дэй '(по)спать', Һуклэ-д-дэй 'спать' и др.

Примеры: Нонан тэгэнмэйдук энтукукэн иладдан. 'Он медленно поднимается со скамейки'; Нонан Һатарсиду Һо гору усив аталаддан. 'Он в темноте очень долго развязывал веревку'; Өмними иттэ: Һиткили ата телегаду бадуддан, телега амаргидун, кейэлий усич өн'эникэн, буди корова эмэддэн, эн'интэн амаргич Һ'атач коровав илбэддэн (Толст. 66). 'Вдруг видят: по улице едет на телеге бабушка, а у заднего колеса идет пестрая корова, за рога привязана, и идет сзади мать, хворостиной подгоняет'.

В этих предложениях в глаголах-сказуемых раскрывается развертывающийся процесс действия, происходящего в данном конкретном случае.

Другим оттенком значения этой видовой формы является обозначение действия, длящегося во времени. При этом процесс представляется как монолитный, не состоящий из отдельных актов. Примеры:

Д'абдал йак-вул эмривэн этуддэ, мадавур. 'Змеи караулят, чтобы убить всякого, кто придет'; Тик би надан м'ардула исаддам. 'Сейчас я достигаю семидесятилетнего возраста'; Укал адив-да инэну нонан н'ирин-да, бедэлэн-дэ энэддитэн. 'Уже несколько дней у него болели спина и ноги'.

В этих предложениях действия, выраженные сказуемыми, мыслятся непрерывно длящимися, как бы постоянными.

Эта видовая форма указывает также на действие, продолжающееся, но состоящее из единичных актов; действие воспринимается как неограниченное повторение аналогичных актов. Примеры:

Чукачанилби тэгэмэр д'ун окошкан төлдэлэн илуканни, тала Һэй-укэддэтэн. 'Птичек (своих) поставил (он) на подоконнике царского дома, чтобы они подпрыгивали (с чивиканьем)'; Качикачаму иргэчэнд'и энтукукэн кин'илдаддан, минтэки кейэтникэн. 'Щенок (мой) хвостиком чуть виляет и смотрит на меня'; Өмнэкэн би исагли гиркаддам, йакаву амардалав исни... 'Как-то раз я шагаю по лесу, и вдруг что-то сзади послышалось...'

Значение во многом может зависеть от семантики глагольной основы, но, как видно из примеров, не может быть сведено только к этому.

Иногда данная форма может обозначать не активное действие и не процесс, а статальное состояние. Примеры:

Кейэтли, та-ар, тар ангидали йак-ут-та чулбаладдан. 'Посмотри, вон та-ам, направо что-то зеленеется'; Окат бардамалан исаг н'эгчэлэддэн. 'Прямо на той стороне реки чернеет лес'; Эрэл амкачай-акар өйдэлитэн Д'өсэчэн бөнкэлэддэн. 'Над этими сопочками горбится (сопка) Дэсэчэн'.

Последнее значение, видимо, ограничено в своем употреблении и свойственно большей частью основам, образованным от прилагательных и наречий.

В целом круг значений конкретно-процессуального вида может быть определен следующим образом:

- а) показ подчеркнутой процессуальности единичного акта действия;
- б) обозначение непрерывного действия, длящегося в определенный отрезок времени;
- в) показ продолжающегося, развивающегося действия, состоящего из единичных актов;
- г) обозначение статального состояния.

Во всех этих разновидностях значения содержится идея незаконченности действия. Но, если учесть конкретные значения данной формы и то обстоятельство, что под „несовершенностью“ подразумевается иной характер протекания действия, то наиболее общим для этого вида эвенского глагола можно считать обозначение конкретно-процессуального действия; все остальные разновидности вытекают отсюда.

подавляющее большинство исследователей эвенского языка данную форму именуют „несовершенным видом“. Из вышеизложенного анализа значений этой видовой формы видно, что прямое отождествление ее с несовершенным видом русского глагола не вполне оправданно.²² В этом можно убедиться, если попытаться выразить значения несовершенного вида русского глагола средствами выражения протекания действия эвенского языка.

Подчеркнуто длительная разновидность конкретно-процессного значения несовершенного вида русского языка²³ выражается в эвенском языке суффиксом -ч-/-т-: Он все смотрел и смотрел на удаляющийся вертолет. 'Нонан кейэттин, кейэттин гөбэддив вертолету'.

Конативная разновидность этого же значения в эвенском языке передается суффиксом -счи-: Я догонял и догонял его, но не догнал. 'Би нонман бокасчирив, бокасчирив-да, туркурив бокна'.

Неограниченно-кратное и потенциально-качественное значения несовершенного вида русского глагола в эвенском языке могут

²² См. определение: М а с л о в Ю.С. Глагольный вид в современном болгарском литературном языке..., с. 307-312; Б о н - д а р к о А.В., Б у л а н и н Л.Л. Русский глагол, с. 31. - В процессе исторического развития русского языкознания возникло много различных определений. Их критический обзор см.: В и н о - г р а д о в В.В. Русский язык. (Грамматическое учение о слове). Изд. 2-е. М., 1972, с. 379-394; М а с л о в Ю.С. Вопросы глагольного вида в современном зарубежном языкознании..., с. 19-25. М у ч н и к И.П. Грамматические категории глагола и имени в современном русском литературном языке. М., 1971, с. 96-109, и др.

²³ Значения видов русского глагола взяты в основном из лекций проф. Ю.С. Маслова „Сопоставительная аспектология“ и из работ Ю.С. Маслова и А.В. Бондарко.

быть выражены формой вида обычного действия (суфф. -вач-/-вэч-):
Когда вы встаете утром? (неограниченно-кратное значение) 'һу ок
м'аллочис бад'икар?'

Потенциально-качественное значение: Он говорит по-русски (мо-
жет говорить). 'Ноһан н'учидич төрэвэттэн'.

Ограниченно-кратное и обобщенно-фактическое значения несовер-
шенного вида русского глагола в эвенском языке выражаются фор-
мой общего вида, т.е. формой с нулевым видовым показателем.

Обобщенно-фактическое значение: Вы мне писали? (факт письма):
'Һи минтэки дукрис-и?'

Ограниченно-кратное: Он три раза стрелял в медведя. 'Ноһан
илпракан накату пэктэрэнни'.

И только лишь одна разновидность конкретно-процессного значе-
ния несовершенного вида русского глагола выражается формой кон-
кретно-процессуального („несовершенного“) вида эвенского языка:
Что вы делаете? – Читаю. 'Һи йав н'экэд'ири? – Тайадам'.

Однако и из этого далеко не полного и схематичного сравнения
способов выражения значений несовершенного вида русского глаго-
ла средствами выражения протекания действия эвенского языка
видно, что под „несовершенным видом“ в русском и эвенском язы-
ках понимаются далеко не одинаковые грамматические явления.

Исследователи эвенского языка значение рассматриваемой фор-
мы в основном сводят к незаконченности, незавершенности дейст-
вия. Наличие аналогичной формы отмечается и в других тунгусо-
маньчжурских языках.²⁴

Г.И. Рамстедт, рассматривая эту форму на широком фоне алтай-
ских языков с привлечением материала корейского языка, происхож-
дение форманта выводит из значения корейского глагола 'са- 'поль-
зоваться, вкушать, быть чем-либо занятым'. Он считал это образо-
вание древним, хотя описывает в разделе „новообразования в тун-
гусском языке“.²⁵

Общетунгусский вариант форманта данного вида возводится к
праформе *-д'а-.²⁶

²⁴ C a s t r é n M.A. Grundzüge einer tungusischen Sprachlehre nebst kurzem Wörterverzeichnis. St.-Pb., 1856; М ы л ь н и к о в а К.М., Ц и н ц и у с В.И. Материалы по исследованию негидальского языка. – Тунгусский сборник, I. Л., 1931, с. 174–177; А в р о р и н В.А. О категории времени и вида в маньчжурском языке. – Изв. АН СССР, ОЛЯ, т. VIII, вып. I, 1949, с. 60–66; П а ш к о в Б.К. Маньчжурский язык. М., 1963, с. 36; А в р о р и н В.А. О категории времени и вида в нанайском языке. – В кн.: Язык и мышление, т. XI. Л., 1948, с. 48, и др.

²⁵ Р а м с т е д т Г.И. Введение в алтайское языкознание, с. 160–167.

²⁶ B e n z i n g J. Die tungusischen Sprachen..., S. 118–119.

§ 5. Непредельный вид (вид продолженного действия) (суфф. -ч-/-т-, -чи-)

Прежде чем рассматривать конкретные значения, вносимые данным формантом, отметим, что глаголы в этой видовой форме в целом обозначают действие (состояние) как бы на новом этапе его развития. Иными словами, действие как бы продолжается в новой плоскости. При этом предшествующее действие подразумевается. Все значения данной формы обусловлены этим обстоятельством.

Непредельный вид имеет следующие конкретные значения:

а) Обозначает состояние, как бы вызванное предшествующим этапом действия, например: д'авран 'поймал', но ц'авуттан 'держит' и т.д.:

Талеко качикачами нусмаван энтэкэйэ ц'авуттан (Сем. 16). 'Талеко крепко держал в руках морду щенка'; Эр-кэ д'ус анчиндун бэй-ил тэгэттэ. 'Вот, около (твоего) дома сидят люди'; Этикэнинд'э мину цэпки илаттан, нинкамид'и мину богудайи. 'Старичище стоит против меня с намерением бить меня костылем'; Н'ан'ин унэт һи-сэчирэптук ментэлсэ тегэчинд'ин кулибуттин (М.-С. 17). 'Небо еще с вечера было затянуто (низкими) осенними тучами' (105).

б) Данный вид может обозначать и активное действие:

Би ноһандун конфетав беттив, ноһан эч гамса. 'Я давал ему конфеты, (а) он не брал'. Врач ноһман меч колуттан. 'Врач поит его водой'; Нин улрэв носуттан. 'Собака обнюхивала мясо'; Һан н'арил эмгурбу, тадук-та Һентэв Һөллөчэк д'оданнон отта, асал-дамар абдулбу уттэ (Арс. 155). 'Остальные мужчины исправляли седла и прочее походное снаряжение, а женщины починяли одежду' (269).

Из анализа отдельных значений данной формы видно, что общим для них является значение непредельности.

Нами подсчитано, что с данным суффиксом сочетаются примерно 45% глагольной лексики из общего числа около тысячи основ. Наше предположение о том, что данный показатель является формантом непредельности, подкрепляется тем, что только непредельные глаголы не сочетаются с этим суффиксом. Что касается предельных и „нейтральных“ глаголов, то они могут принимать этот показатель в зависимости от выражаемого ими значения. Например, глаголы ин'индэй 'смеяться', һадай 'знать', омһадай 'забыть' и т.д. являются непредельными и не сочетаются с этим суффиксом.

Из вышеизложенного видно, что в эвенском языке имеется морфологически выраженная категория П:НП. Однако не все глаголы эвенского языка могут в своем внеконтекстуальном значении входить в эту оппозицию. Часть глагольной лексики „нейтральна“ к П:НП.

П:НП в эвенском языке играет разграничительную роль в определении значения формы настоящего времени изъявительного наклонения. Так как предельные глаголы обозначают законченность действия, то их можно соотносить в какой-то мере с формой совершенного вида русского языка.

П : НП в эвенском языке составляет категориальную оппозицию, влияющую и на другие характеристики протекания действия. Сильным членом этой оппозиции является неопределенность, отчасти выраженная специальным показателем. Он относится нами к видовым показателям, так как основные его грамматические характеристики совпадают с теми формами, которые нами включены в понятие „вида“ эвенского глагола.²⁷

Данная форма была впервые отмечена в эвенском языке В.Г. Богоразом. Последующие исследователи эвенского языка, выделяя ее как форму вида, именовали ее по-разному в зависимости от вкладываемого в нее содержания. Наиболее полное определение данной формы дано В.И. Цинциус. Эта форма вида „указывает на то, что действие как бы стабилизировалось на завершенной стадии своего развития“.²⁸ Здесь подчеркивается мысль о законченности предшествующего этапа действия, в то же время этот вид именуется „продолженным“, что прямо указывает на развитие действия на новой ступени.

Аналогичная форма отмечается и в других тунгусо-маньчжурских языках, хотя и называется она по-разному. Так, например, в эвенкийском языке она именуется видом „Continuativa“ (М.А. Кастрен), „интенсивности действия“ (Г.М. Василевич), „продолжительности действия“ (О.А. Константинова и Е.П. Лебедева), в негидальском – „длительностью действия“ (К. Мыльникова, В.И. Цинциус), „продолжительным видом“ (В.Д. Колесникова, О.А. Константинова); для нанайского отмечается „значение продолженности и постоянства“ (Т.И. Петрова) или она определяется как „вид продолжительности состояния, являющегося результатом того или иного действия“, „вид продолженности состояния“ (В.А. Аврорин); в удэгейском – „длительный вид“ (Е.Р. Шнейдер), в ороцком – „вид продолжительности“ (В.А. Аврорин, Е.П. Лебедева); в маньчжурском – „глагол многократный и учащательный“ (И. Захаров).

Наличие данной формы в тунгусо-маньчжурских языках свидетельствует о характерности описываемого явления в этих языках.

Общетунгусский вариант данного суффикса возводится к праформе *-чи-.²⁹

²⁷ Аналогичную категорию среди видовых форм встречаем у Г.А. Меновщикова. См.: Меновшиков Г.А. Грамматика языка азиатских эскимосов, ч. II, с. 41-42.

²⁸ Ц и н ц и у с В.И. 1) Эвенский (ламутский) язык. Грамматика. (Фонетика и морфология). Канд. дис. Л., 1941, с. 214; 2) Очерк грамматики..., с. 181.

²⁹ Benzing J. Die tungusischen Sprachen..., S. 119.

КРАТНОСТЬ ДЕЙСТВИЯ

Разнообразные оттенки многократности, многообъектности и множественности действия в совокупности могут быть названы кратностью действия. Различные характеристики кратности действия передаются в разных языках многообразными языковыми средствами неодинаковой грамматичности.³⁰ Рассматривая суффиксы глаголов, обозначающих многократность действия, известный алтаист Вл. Котвич отмечал: „Эта группа суффиксов более развита даже на монгольской и тюркской почве. Ее функция – обозначение многократных действий разных типов, действий, совершаемых одним лицом много раз, несколькими лицами в один и тот же промежуток времени или постоянно, по привычке”.³¹

В русском языке многократные действия рассматриваются как частные значения несовершенного вида (с неограниченно-кратным, обобщенно-фактическим, постоянно-непрерывным и ограниченно-кратным значениями), а также и как некоторые частные значения совершенного вида (наглядно-примерное и суммарное значения).³²

В эвенском языке многообразные тончайшие оттенки кратности выражаются специальными показателями, которые обычно рассматривают как видовые показатели. Эти форманты действительно обладают одинаковой аспектуальной значимостью: общей для них является функция обозначения не единичного, не за один прием, не в одном направлении совершаемого действия. Каждая отдельная форма является разновидностью проявления кратности действия. Но среди этих форм мы различаем виды и видовые классы.

§ 6. Вид неоднократного действия (суфф. -гра-/ -грэ-)

Исследователи эвенского языка данный вид именуют по-разному, определяя его значение как указание на действие, не раз совершающееся.³³

³⁰ См., например: С е р е б р е н н и к о в Б.А. О категории времени и вида в финно-угорских языках пермской и волжской групп. М., 1960, с. 86-91, 135-137 и сл.; М е н о в щ и к о в Г.А. Грамматика языка азиатских эскимосов, ч. II, с. 44-53; Х а р и т о в Л.Н. Формы глагольного вида в якутском языке. М.-Л., 1960, с. 12-39.

³¹ К о т в и ч Вл. Исследование по алтайским языкам. Пер. с польск. М., 1962, с. 205-206.

³² Б о н д а р к о А.В., Б у л а н и н Л.Л. Русский глагол, с. 52-61.

³³ Ц и н ц и у с В.И. Очерк грамматики..., 182; Н о в и к о в а К.А. Эвенский язык, с. 100.

Анализ материала показывает, что форма этого вида имеет несколько различных оттенков значения, из которых наиболее характерным является значение неоднократно совершающегося действия. При этом в большинстве случаев внимание концентрируется не на многократности или многообъектности действия, а также не на постоянстве и непрерывности его, а подчеркивается неопределенное повторение, т.е. неоднократность. Примеры:

Титэл Уньпа буйум унэт горла-да бисэкэн мэдгэрэн, тек-гэл, Һагдими, туркувэттэн. 'Раньше Унапа (кличка собаки) чуял дикого оленя издалека, а сейчас, состарившись, не может'; Кварталлан-да дигэм н'амав еликив баккаран. 'В каждом квартале добывал по четыреста белок'; Көйэтли, эмэкэн-тэкэн Һилгиттэ, тиливул. - Этэм, би нонман улиткэрэд'им-дэ, колуткарад'им-да (Толст. 52). 'Смотри же, не мучай его, а лучшепусти. - Нет, я его кормить и поить буду' (91); Һатар Һанин малтуматкаран - Һадун нэмкун, Һадун дирам огран, Һадун-дамар, помпаррид'и, н'ан-да Һамугран (Арс. 120). 'Темный дымовой столб порой изгибался - то делался тоньше, то становился толще; иногда его разрывало на части, которые соединялись вновь' (243).

Значение неоднократности может переходить в значение обычности, например:

Нонартан ок-та д'элгэнкэлбу ач надалач эстэн маграр. 'Они зверя без надобности не убивают (вообще, как правило)'; Эрэк мэнэлкэн Һуткан, Һунний бакурилан истала, гургэвчимнэлэ эмэбдэн, Һи мэн бэринэй мэтудэй бакубгарад'ик (Толст. 43). 'Пускай же этот кошелек с деньгами останется у работника, пока их хозяин найдет, а ты объяви о своей пропаже, может, она и найдет' (88); Нонан уроклан кунал эрэгэр Һойав м'амдав, анһамтав Һалгарар. 'На ее уроке дети всегда узнавали много интересного и нового'; Һи нонанд'ин эд'и нэлгэрэр. 'Ты его не бойся'; Тэгли тэгэн-мэйду, акми далидун. Би энинтэкис, Һину Һупкучэктэки тингэрэн гөнд'им (Толст. 69). 'Ну, садись на лавку возле брата, а я твою мать попрошу, чтоб пускала тебя в школу' (98).

Одной из функций этой видовой формы является обозначение непрерывно-постоянного действия: внимание говорящего или слушающего сосредоточивается не на неоднократности, а на постоянстве действия, которое воспринимается как непрерывное, например:

Титэл-титэл н'обати иманрач кулитти илаттил амкачар д'апкалан мут Һопкарти бигрэр. 'Давно-давно между горами, покрытыми белым снегом, жили (постоянно) наши предки'; Аманси инсин, айич бигрэрэл... Айич-та нулгэгрэрэл, эсеп Һилгарар (Т. 56). 'Когда был жив (твой) отец, жили хорошо. Хорошо кочевали, не мучались'; Мут титэл, эрэк бини эдлэн од, Һоч д'эбэмгэрэрэл, д'ут-та кэн'эли бигрэн, эптинэч д'уткараар. 'Прежде, когда еще не было этой жизни, мы очень голодали, и жилище наше плохим было, нашим жилищем служили и сшитые шкуры'.

В подобных примерах подчеркивается постоянный, длительный характер действия; при помощи лексических средств восприятие

постоянства действия может как бы ограничиваться некоторыми рамками или условиями. Примеры:

Инэн Дата билэкэн Һөнтэч ичугрэн (Арс. 113). 'При дневном освещении селение Дата имело совсем иной вид' (дословно: казалось иным); Һуннэ урэкчэн Һэйэлэн Һо эгд'эн бисин, тэми мут мэрур эсэл долдаграр... 'Ветер на вершине горы был очень силен, поэтому мы не слышали друг друга'; Өтэл айич кейэгрэри?... 'Раньше хорошо видел, да?'; Мин гиркэв, ораби титэл бэририд'и, буйускэрэн, дагрит олрамааткаран-да (Арс. 150). 'Мой приятель давно потерял оленей, он занимался теперь охотой, немного рыбачил'.

В непрерывно-постоянном значении чаще всего выступают не-предельные глаголы и глаголы состояния и отношения.

Формантом -гра-/-грэ- может передаваться и значение многократности действия. В данном случае под многократностью мы имеем в виду повторение одного и того же действия, относящегося к одному лицу или к ряду лиц. Примеры:

Адиракан нонан эчин мэнд'и дисуттив н'амичам магран (М.-С. 14). 'Сколько раз ему приходилось убивать таким образом жертвовавшую собою (досл. собой защищавшую) мать' (104); Амкачам ойчин Һо Һэчус бисин, теми би адира-да илгарарам, дэрэмкэткэрэрэм. 'Подъем в сопку был очень утомительным, поэтому я несколько раз останавливался и отдыхал'; Нонартан тогу мөв Һөкэлгэдэвур-ткэн дуругрэритэн. 'Они разжигали костер, только лишь чтобы согреть воду'; Һуннэ курэлэнни, ота Һирунари игэн допан би далилав биси бэй итэн тосартариван долдаграрив (Арс. 133). 'Порой сквозь завывание ветра и зловещий шум волн я слышал, как у моего соседа стучали зубы' (253). Талекко илракан илгаран, Һину илракан Һэлу-кэттэн (Сем. 6). 'Талекко трижды останавливался и трижды грозил псу' (40).

К этой же подгруппе можно отнести глаголы со значением выражения многообъектности. Хотя многократность и многообъектность — понятия близкие, но все же при конкретной ситуации речи они могут быть легко различимы, например:

Митрэй мунгэрэдукий н'эйкэв, фонарику, г'акитан банкалкам бэ-гэлбу Һэлинич нуггаран. 'Дмитрий поспешно извлекал из (своего) выючного мешка свечу, фонарик и лекарства в различных банках'; Парачакла Һорми, испискэ, тэбэк бисивэн иткэрэли. 'Когда пойдешь в магазин, посмотри (поищи глазами), есть ли спички и табак'; Би, удлан йав-да эдэй Һучур манрутми, бөдэли Һөрдэвэн, эрэли-дэ аймакан' кейэгрэри (Арс. 100). 'Я старался не упустить ни одной мелочи в следах и внимательно осматривал все у себя под ногами и по сторонам'; Инэинэ м'ам-да магран бэй таррочин өмнэ-кэн тилкур пэктирэвун'. 'В день человек убивал и десять таким однозарядным (стреляющим один раз) ружьем'.

Таким образом, вид неоднократного действия может выражать различные оттенки проявления многократности и множественности действия, однако значение неоднократности является наиболее общим и характерным. Различные оттенки значения в основном

создаются контекстом и семантикой глагольной основы, в том числе П : НП. Эта форма весьма употребительна и продуктивна и обладает максимальным охватом глагольной лексики.

В других тунгусо-маньчжурских языках аналогичная форма отсутствует. Некоторые исследователи эвенкийского языка выделяют под тем же названием видовую форму с суффиксом -ти.³⁴ Однако эти формы аспектуальности в эвенском и эвенкийском языках, по-видимому, не тождественны.

§ 7. Вид многократного действия (суфф. -кач-/-кэч-)

Формант -кач-/-кэч- определяется как показатель многократного вида.³⁵

Наиболее характерным значением этой видовой формы следует считать высокую итеративность действия с оттенком неполноты внутреннего проявления его, например:

тут-тэй 'бежать', тут-кэт-тэй 'бежать (туда-сюда)'; тусан-дай 'прыгать', тусан-кат-тай 'подпрыгивать'; чики-дай 'отрубить', чики-кат-тай 'отрубать'; куси-дэй 'воевать', куси-кэт-тэй 'драться'; и-дэй 'войти', и-кэт-тэй '(часто) заходить (во многие дома)'; д'эб-дэй 'есть', 'съесть', д'эб-кэт-тэй 'есть часто, много раз или из многих посуды'; нулгэ-дэй '(от)кочевать', нулгэ-кэт-тэй 'кочевать (непродолжительно, часто или во многих местах)'; өгэр-дэй 'поднять', өгэр-кэт-тэй 'быстро, много раз поднимать'. Примеры:

Нонан гулум гулрин, дагрит тог еннэн һэгтэли тусанкаттан. 'Он разложил костер, и тотчас пламенный язык запрыгал по веткам'; Тарак нусмай манакалд'и осиддан, нэмкун' дилганд'и чин'эддэн, терли дэсчикэттэн, тарбач и'ан-да тарав-ут-та гургэвчи-д'иллеттэн (Арс. 35). 'Он тер морду (лапами), кричал тоненьким голосом, валялся по земле, но затем вновь принимался за ту же работу'; Би долба м'алрив, олдами һукликэттид'и, илрив. 'Я проснулся ночью, проворочавшись с боку на бок, встал'. Д'уганиду нонартан төлдэтки, садтаки-да һэтэкэвэттэ, моли ойчикаччотта, мунн'ун... эвивэттэ (Ул. 7). 'Летом они бегали во двор и в сад, лазали на деревьях, играли вместе с нами'.

Данная форма служит также для выражения излишней частоты действия:

Көйэнри, тарал орар, амкачантаки көйэтникэр, дилалбур өгэркэттэ. 'Видишь, те олени, поглядывая в сторону горы, (часто) поднимают головы'; Тинив һи нив'-ут-тэ эриривус адира-да долчикаттив. Һи нив эрикэттис? 'Вчера я несколько раз слышал, что ты кого-то

³⁴ Константинова О.А., Лебедева Е.П. Эвенкийский язык, Л., 1953, с. 206.

³⁵ Цинциус В.И. Очерк грамматики..., с. 182-184.

звал. Ты кого звал?'; Ноһан тек н'имэрдулэ икэттэн. 'Он теперь заходил к соседям (часто, ко многим)'

Форма этого вида обозначает также многообъектность действия:

Эрэлбу молбу һинмач калтакатли. 'Быстро расколи (подряд) эти поленья'; Талеко дугунд'и иманрав кирпичилбу һавкач чикикаттан, таралд'и уркэгэй умивран (Сем. 13). 'Талеко ловко вырезал пешней снежные кирпичи и закладывал ими вход'; Эр н'екичэр дор, эрэлбу макатли, гэ. 'Вот утки сели, давай поубивай-ка их всех'.

Как видно из приведенных примеров, эта форма выражает многократность, многообъектность, однако основным значением следует считать подчеркнутую частотность, неполноту и раздельность повторяющегося действия.

Для эвенкийского языка суффикс -кат-, -кэт-, -кот- при глагольной основе характеризуется как „суффикс, выражающий ласковое отношение говорящего к тому, кто производит действие: дэпкэт-кэл! 'кушай!' (при обращении к детям)“.³⁶

§ 8. Вид обычного действия (суфф. -вач-/-вэч-)

Согласно имеющимся определениям, данная видовая форма „означает, что речь идет о действии, обычно совершающемся при тех или иных условиях“³⁷, или указывает на действие, „постоянно совершаемое“.³⁸

Действительно, форма обычного вида имеет многообразные оттенки значения, которые в большинстве случаев определяются контекстом или глагольной семантикой, и отчасти связана с категорией П : НП. Из этих разнообразных оттенков значений некоторые выступают довольно отчетливо, что позволяет выделить их как частные значения формы.

Наиболее характерным значением этой видовой формы является указание на обычно совершающееся действие. Примеры:

Навта, һед'экэн, һо-гору һед'д'эттэн, дигэм м'арбу анһану һевэттэн. 'До (полного) роста ягель (обычно) растет очень долго, в течение сорока лет растет (вообще)'. Ноһартан һойав орам иргэч-четтэ, буйум-дэ, өликив-дэ һойав баккотта. 'Они (вообще) выращивают много оленей и много добывают (вообще) диких оленей и белок'; Эду төрду накат д'умийан һойа бивэттэн. 'На этом месте бывает (обычно) много старых берлог медведя'.

Значение обычности действия в контексте может быть ограничено какими-то определенными условиями или вызвано ими. Примеры:

³⁶ В а с и л е в и ч Г.М. Эвенкийско-русский словарь. М., 1958, с. 761, см. также с. 713.

³⁷ Ц и н ц и у с В.И. Очерк грамматики..., с. 182.

³⁸ Н о в и к о в а К.А. Эвенский язык, с. 100.

Бөкэс, унд'ид'илми, отач һайубботтан, һөксигидэткн һөрүчэлэй, нэлкэ мэн гургэй мудакокоттан (Арс. 198). 'Лед начинает таять, его (обычно) ломает волнами и уносит на юг, где весна доканчивает (обычно) свое дело' (251); Д'улэг иманра эрэгэр ноһман урэн-чивкэвэттэн, набукаваттан-да (М.-С. 22). 'Первый снег всегда радовал его и наводил тоску...' (108); Эрречиндулэ һуннэлэ гиркарил-да дикэннөттэ. 'В такой буряне даже волки прячутся'; Переменила „атаман“ „разбойникалн'уми“ приют кунаһалбан нинтэклэччөттэ, тэмбэклэвэттэ-дэ, коритутан-да монһаватта (Гол. 27). 'В перемених „атаман“ и „разбойники“ подставляли приютским ножки и держали их за уши'.

Данная форма иногда может представлять действие как постоянный ряд повторений, которые не имеют конца, т.е. внимание говорящего или слушающего не сосредоточивается на окончании многократных действий. Примеры:

Бад'икар ок м'аллочис? 'Когда вы встаете утром?'; Орар нэлкэ тугуллеттэ. 'Олени телятся весной'; Пуннэ н'ан тэрэвэттэн, н'ан анһамтач энид'и һуннэллөттэн. 'Ураган то стихал, то бушевал с новой силой'. Еремка эрэгэр, ок-та-вул ноһан ирречим-дэ мунрукам д'эбэсми, д'эмэйөттэн (М.-С. 41). 'Еремка всегда голодал, даже когда ему случалось съесть какого-нибудь зайчонка'; Он таракам һу бид'ис? – ата мулин'н'оттан (Гол. 18). 'Что с вами тогда будет?' – горевала бабушка'.

Из этих примеров видно, что действия являются кратными, но повторяются неограниченно. Иногда это же значение под воздействием контекста может обозначать периодическое кратное действие, не содержащее оттенка неограниченности. Примеры:

Һадун н'ак баккоттан, энтирилбу, кабд'акав эмувэттэн һо һойа. 'Иногда добывал успешно, приносил очень много глухарей, куропа-ток'; Һалу-да бэйивэттэм, орам кесчисчими. 'И руки обмораживал, стараясь пасти оленей'.

Этому постоянно повторяющемуся кратному значению может противостоятъ постоянно-непрерывное значение, причем действие мыслится как постоянно совершаемое, но не кратное, а монолитное. Примеры:

Д'ускэн ноһаплан һинн'икаг эрэгэр бивэттэн. 'В начале горного ручейка всегда бывает (непроходимое) нагромождение камней'; Өкэрми кавелһадук һинмач һевэттэн. 'Белый мелкий ягель растет (обычно) быстрее, чем ягель крупнозернистый'; Илан долбу айич ичувэттэн. 'Полярная звезда ночью хорошо видна'; Буква „О“ эрэгэр мэрэти бивэттэн (Гол. 13). 'Буква „О“ всегда бывает круглой' (89).

Это значение выступает еще отчетливее в отрицательных предложениях. Примеры:

Эрречиндулэ исагла орат эсни балдават-та. 'В таком лесу трава не растет'; Урэкчэгди гилси мө гору эсни иһэммөттэ, тадук бөкэс чэлэлин һәнкэсэг оваттан (М.-С. 25). 'Горная холодная вода долго не замерзает, а потом лед везде проедается польньями'.

(111); Тараптук ноһан дэгив ок-та эсни бэйчивэттэ. 'С тех пор он никогда не охотился на птиц'.

Следует подчеркнуть, что постоянно повторяющееся кратное значение свойственно предельным глаголам и глаголам, употребленным в неопределенном значении, за исключением особых контекстов. Постоянно-непрерывное значение характерно в основном для неопределенных глаголов или глаголов, употребленных в неопределенном значении, например:

Эрэк бэгдэчимнэ һоч айич бэгдэччеттэн. 'Этот врач (всегда) очень хорошо лечит'; Кулума анһану чептэрэ, тугэниду-дэ, дуганиду-да чэлэвэн муту гилсич мөч колуччоттан. 'Круглый год, и зимой, и летом, Колыма поит нас всех студеной водой'.

В этих предложениях основы глаголов бэгдэч-четтэн и колуччоттан являются неопределенными.

Одним из отличий данной видовой формы от других является то, что она используется в тех случаях, когда требуется дать характеристику каких-либо свойств предмета, например:

Миша оранду айич бодуваттан. 'Миша хорошо ездит верхом на олене (т.е. он умеет ездить верхом)'; Байан' һи эвивэчинри? 'Ты играешь на баяне?' (т.е. умеешь играть на баяне); Оран килэбу-дэ, олрав-да д'эббэттэн. 'Олень и хлеб, и рыбу ест' (т.е. может есть); Нэсэгчэр икэрил амрак д'апкабботта (М.-С. 14). 'Молодые косточки скоро срастаются (т.е. способны скоро срастаться)' (123), и т.д.

В этих предложениях глаголы обозначают способность субъекта к тем или иным действиям. Данная видовая форма может выражать также действие, постоянно присущее предмету, или действие, характеризующее его с качественной стороны. Примеры:

Би-гэл накат улрэвэн эсэм-гэл-дэ д'эббэттэ. 'Я-то (никогда) не ем медвежатины' (т.е. я такой человек, который никогда не ест медвежатины); Самолетал таррочин игэлкэсэл бивэттэ (Сем. 18). 'Такой звук издают (имеют) самолеты' (т.е. самолетам свойствен такой звук) (48); Чэлэн долдар биситэн, өмэн-тэкэн буди свин'йаккан эн'ми эч долдаватта (Толст. 39). 'Все были послушны, один только пестрый поросенок ослушивался матери' (86); Д'өрмэн чэһэч йами-да олрав һорукаваттан (Сем. 9). 'Двойной крючок обязательно подцепит рыбку' (42) и т.д.

Кроме того, эта форма может выражать конкретное многократное действие. Примеры:

Гиро һекутич амантакий ичимэлдэвэттэн, чөнивэттэн-дэ. 'Гриша молча поглядывал на отца и вздыхал'; Адиракан-да мунрукантаки дагаммоттан, ноһман һосурид'и, оссоттан (М.-С. 40). 'Несколько раз подходил к зайцу, обнюхивал его и отходил' (121); Тарал һиналгачин т'аматникар мөлэ дибанукаватта, бокматникар, ичикмэт-никэр-дэ цилмаччотта (Арс. 140). 'Они, как собаки, плавают и ныряют, догоняя друг друга, борются, хватают друг друга зубами' (258); Дэгикэр һ'өчэлэтэн, дэгийл улбултэч ач муднач дэггөттэ; һан намтаки, һан, оһатлад'ур көчүкэм олрав, мэр билгаралду һу-

рэлдур д'эбукэндэвур, итмэнчиникэр, амаски, букчантаки дэггэттэ (Арс. 140). 'Вывелись птенцы, и теперь вереницы птиц беспрерывно летят: одни в море, а другие обратно, на остров, таща в клюве рыбешку для пропитания своих прожорливых детенышей' (258); Володя, укал урокэлби кимрид'и, терэвэттэн, Наралдуллоттан-да, нэнилби-дэ д'аргаван'иллоттан, муну-дэ Ёйиччоттан (Ул. 12). 'Володя уже выучил уроки и болтает, шалит, поддразнивает меньших и мешаает нам', и т.д.

Заметим, что глаголы движения в форме обычного вида в большинстве случаев показывают неопределенную направленность действия, например:

Д'удукур д'ербу-дэ, илам-да неделяв бидэвур Ёррэттэ (М.-С. 23). 'Из дому уходили недели на две, на три' (109); Кобыла инэну-дэ, долбану-да чептэрэ кунтэкли гиркаваттан (Толст. 25). 'Кобыла ходила и день и ночь в поле'; Эмэн-тэкен полицмейстер Петухов Томской полиция Ёуннин, тикун'ундуки чорд'и мучукэттэн, мэн д'улай Почтамскайла улицала Ёэтэкэвэттэн (Гол. 76). 'Только один полицмейстер Петухов, начальник Томской полиции, потрясая кулаками от злобы, бегал по квартире у себя на Почтамтской' и др.

Частные значения рассматриваемой видовой формы, указывающие на обычно совершающееся действие, действие, ограниченное каким-то пределом, периодически кратное действие, действие непрерывное, а также на свойство, сущность предмета или многократность действия, объединены общей семантикой постоянно повторяющихся, обычных действий. Для реализации этих восьми оттенков частных значений важна роль контекста и категории П : НП. Однако они не могут изменить основного значения.

Данной форме присущ всеобъемлющий охват глагольной лексики эвенского языка, она относится к числу наиболее употребительных видовых форм. Сходные по значению формы отмечаются в других тунгусо-маньчжурских языках. В эвенкийском языке ей по функции соответствует форма с суффиксом -нна-/-нне-/-нно-,³⁹ хотя и имеется аналогичный эвенскому суффикс -ват-/-вэт-.

В описаниях по другим родственным языкам также встречаем аналогичные формы, однако иногда под тем же названием включаются и другие форманты.⁴⁰

³⁹ В а с и л е в и ч Г.М. 1) Учебник эвенкийского (тунгусского) языка. Л., 1934, с.129; 2) Очерк грамматики эвенкийского (тунгусского) языка. Л., 1940, с. 96; также см.: К о н с т а н т и н о в а О.А., Л е б е д е в а Е.П. Эвенкийский язык, с.206; К о н с т а н т и н о в а О.А. 1) Эвенкийский язык. Фонетика и морфология. М.-Л., 1964, с. 165; 2) Эвенкийский язык. - В кн.: Языки народов СССР, т. V. Л., 1968, с. 78.

⁴⁰ А в р о р и н В.А. 1) Категории времени и вида в нанайском языке, с. 54-55. 2) Грамматика нанайского языка, ч. II. М.-Л., 1961, с. 45-48; 3) О категории времени и вида в нанайском

Рамстедт предполагал, что суффикс этого вида восходит к „исконной форме непрерывности действия“. ⁴¹

Общету́нгусская праформа данного суффикса восстанавливается в виде форманта -вачи-. ⁴²

§ 9. Вид повторно замедленного действия (суфф. -д'ан'-/ -д'эн'-)

Глаголы с видовым суффиксом -д'ан'-/ -д'эн'- характеризуют действия, которые совершаются в замедленном темпе и, в зависимости от семантики основы или контекста, могут обозначать действия, возобновляющиеся, повторяющиеся, например:

көйкэ-дэй 'стучать', көйкэ-д'эн-дэй 'стучать и стучать';

давса-дай 'махать', давса-д'ан-дай 'махать и махать';

долчи-дай 'слушать', долчи-д'ан-дай 'долго слушать';

нэн-дэй 'идти', нэн-э-д'эн-дэй 'идти долго, медленно';

нулгэ-дэй 'кочевать', нулгэ-д'эн-дэй 'кочевать и кочевать', 'кочевать медленно, еле-еле';

эви-дэй 'играть', эви-д'эн-дэй 'играть долго-долго';

чор-дай 'бить кулаком', чора-д'ан-дай 'бить и бить кулаком (долго, медленно)';

н'аналан-дай 'звенеть', н'анала-д'ан-дай 'звенеть и звенеть (долго, протяжно)';

төрэ-дэй 'говорить', төрэ-д'эн-дэй 'говорить и говорить (долго, медленно)';

нэйи-дэй 'ругать', нэйи-д'эн-дэй 'ругать и ругать';

мэргэт-тэй 'думать', мэргэч-ид'эн-дэй 'думать и думать';

Һон-дай 'плакать', Һон-а-д'ан-дай 'плакать и плакать';

дук-тай '(на)писать', дук-а-д'ан-дай 'писать и писать'.

Примеры: Киророт-шаман Мачилай д'ун уркэвэн анарид'и, ид'эн-рэн. 'Шаман Киророт, открыв дверь яранги Василия, медленно входит'; Д'э, тарав долдарид'и, д'уткий Һөрэд'энрэм, набутникан... 'Затем, услышав о том, плетусь домой, печалюсь'; Гиро, уркэв

языке, с. 139; Шнейдер Е.Р. Краткий удэйско-русский словарь. Л., 1936, с. 138-141; Суник О.П. Удэгейский язык. - В кн.: Языки народов СССР, т. V. Л., 1968, с. 227; Колесникова В.Д., Константинова О.А. Негидальский язык. - Там же, с. 118; Аврорин В.А., Лебедева Е.П. Ороцкий язык. - Там же, т. V, 1968, с. 202; Аврорин В.А. О категории времени и вида в маньчжурском языке, с. 36; Петрова Т.И. Ульчский диалект нанайского языка. Л., 1936, с. 71-74; Benzing J. Die tungusischen Sprachen..., S. 116, 119.

⁴¹ Рамстедт Г.И. Введение в алтайское языкознание, с. 166.

⁴² Benzing J. Die tungusischen Sprachen..., S. 119.

анарид'и, кейэн: Мико элэкэс илад'анран. 'Гриша, открыв дверь, увидел: Коля только начал (не торопясь, медленно) вставать'; Би, Гусчакачами тэттид'и, мэргэтникэкэн Һөрэд'эн'н'өттэм (Т. 90). 'Я, надев куртку, обычно уходил (медленно), раздумывая'.

Глаголы с суффиксом -д'ан'-/ -д'эн'- могут выражать повторяющиеся, аналогичные действия, например:

Ноһартан буйум кейэд'энрэдэ эстэн маватта. 'Они видели (несколько раз) дикого оленя, но не убивали'; Би-кэгди эрэгэр илад'анрив... 'Только я вставал (по утрам)' ...; Ноһан эникэн Һэлиһчир оранбу тинид'энрэн. 'Он, не торопясь, отпускал оленей; Куһал муһу иранудагур н'өр..., Һакита анчиндун илатникар, гору авурд'и давсад'анритан. 'Дети вышли провожать нас..., стоя у дерева, они (долго) махали шапками', и т.д.

Так как с этой формой связано представление о длительности, протяженности действия, то часто наблюдаются повторы. Примеры:

Туркид'анрам, туркид'анрам, илэ-дэ Һотаран ачча. 'Ездил, ездил (долго) - нигде нет дороги'; Тутэнэд'энрэн, тутэнэд'энрэн, кейэн - печка илаттан (Р. с. 30) 'Бежала, бежала, видит - стоит печка'; Петух иркад'анрин, иркад'анрин, кэркэв эририн - кэркэ эч долдар (Р. с., 26). 'Кричал петух, кричал, звал кота - не услышал кот'; Нэнэд'энрэ, нэнэд'энрэ, тарбач-та окатла исса (Р. с. 7). 'Шли, шли и дошли до реки'.

Эти значения замедленности, повторности действия трудно различимы вне контекста. Так, например, слово „нэд'эндэй“ без контекста обозначает, что или что-то тяжелое медленно кладется, или что-то кладется много раз, повторно; глагол „бид'эндэй“ может обозначать чисто эмоциональную оценку 'жить, поживать', 'только существовать' и т.п.

Итак, форма данного вида в конкретной языковой ситуации может обозначать замедленность действия, непрерывную повторность, протяженность его или даже вносить оттенок эмоциональной оценки.

В других тунгусо-маньчжурских языках аналогичная форма не отмечена. В эвенском языке выделяется как самостоятельный вид, но именуется различно. Наиболее полное определение находим у В.И. Цинциус.⁴³

§ 10. Вид изредка совершаемого действия (суфф. -ван'-/ -вэн'-, -ин'-)

Форма данного вида обозначает действие, которое совершается через определенные промежутки времени редко, нерегулярно, например:

бутэн-дэй 'болеть', бутэн-э-вэн-дэй 'болеть изредка';
уйукат-тай 'купаться', уйукач-и-ван-дай 'купаться изредка';

⁴³ Ц и н ц и у с В.И. Очерк грамматики..., с. 185.

д'эб-дэй 'есть', д'эб-э-вэн-дэй 'изредка есть', 'есть там и тут'; ил-дай 'остановиться', ил-а-ван-дай 'останавливаться с промежутками';

долда-дай 'слышать', долда-ван-дай 'слышать редко';

долчи-дай 'слушать', долчи-ван-дай 'слушать с промежутками';

көйе-дэй '(у)видеть', 'смотреть', көйэ-вэн-дэй 'видеть изредка, не часто';

гөн-дэй 'говорить', гөн-ин-дэй 'говорить изредка';

Һэпкэн-дэй 'схватить', Һэпкэн-ин-дэй 'иногда схватывать';

бокан-дай 'настичь', бокан-ин-дай 'изредка настигать, догонять';

В контексте возможны различные смысловые нюансы. Однако основное значение сохраняется довольно четко. Примеры:

Би н'ак одам, илаванрам... 'Мне стало лучше, я (изредка) встаю'; Би нипкирлэ өмнэкэтчэл нэнэвэнрэм. 'Я изредка бывал на запоре для ловли рыб'; Олинд'а төрэмэн долчиванрин. 'Крик ворона (он) слышал (изредка, с большими промежутками времени)'; Киророт Наман генинрин: илан аннан елтэнчэлэн эрэк төрлэ ни-дэ ачча оман (фольк.). 'Шаман Киророт говаривал: по истечении трех лет на этой земле не будет, видимо, никого';

При отрицательной форме глагола видовое значение сохраняется, отрицание направлено только на общий смысл основы: Укал д'эрбу неделяв этикэн мэн избачандуки эч н'өвэнрэ (М.-С. 31). 'Вот уже две недели (даже изредка) не выходил старик из своей избы'.

Однако если глагол в этой видовой форме сочетается с наречием „эрэгэр“ 'постоянно', то он приобретает значение „часто“. Выражение „эрэгэр ивэнрэн“ может быть переведено 'входит часто', что затрагивает основное значение данной видовой формы.

Исходя из контекста, эта форма может выражать, кроме того, как бы поочередность действия:

Өмэтэл йадавур илаван'ис, Һинмач илалра. 'Почему встаете один за другим, вставайте одновременно быстрее'; Эрэк долбанив бэйил адира-да н'өвэнритэн. 'В ту ночь мужчины несколько раз выходили (из дому)';

Контекст играет заметную роль в уточнении конкретных оттенков значений этой формы. Вне контекста данная видовая форма может восприниматься в различных значениях. Например, глагол „д'э-бэвэндэй“ может обозначать: а) 'изредка есть', б) 'есть и там и тут'; глагол „нулгэвэндэй“: а) 'кочует останавливаясь', б) 'редко кочует', и т.п.

Употребляется эта форма вида довольно широко, но с некоторым ограничением. Не случайно, в работах, посвященных диалектам эвенского языка – арманскому (Л.Д. Ришес), ольскому (К.А. Новикова), момскому (В.Д. Лебедев), эта видовая форма не отмечается. В литературе по эвенскому языку известна начиная с работы В.Г. Богораза под различными терминами, хотя в определении основного видового значения мнение исследователей в общем совпадает.

Среди других тунгусо-маньчжурских языков отмечена в эвенкийском, где суффикс -ван- рассматривается как разновидность суффикса -ват-/ -вэт-, причем терминология не всегда одинакова даже у одного и того же автора в разных работах.⁴⁴

§ 11. Видовой класс, характеризующийся суффиксом -с-

Глаголы эвенского языка с данным формантом обозначают или действие, совершающееся многократно, или множественность объектно-субъектных отношений, например:

Һин-дай 'сунуть, пихнуть', Һин'-у-с-тай 'совать (много раз или многих)';

н'ө-дэй 'выйти', н'ө-с-тэй 'выходить много раз';

д'ав-дай 'поймать', д'ав-у-с-тай 'ловить (много раз или многих)';

Һунри-дэй 'тронуть', Һунри-с-тэй 'трогать (много раз или многих)';

буйу-дэй 'пойти на охоту', буйу-с-тэй 'охотиться'.

Примеры: Нонан этикэрбу Һинуссан д'абдалдула. 'Он совал стариков змеям' (фольк.); Йами-да нонан телэски н'өссэн. 'Почему-то он (часто) выходит на улицу'; Һисэчин ставнял нипкэптэкэтэн, эрэк стена Һанарлин нонаму Һэлу болту Һин'уссотта (Гол. 74). 'Вечером, когда ставни закрываются, в это стенное отверстие вставляется железный длинный болт' (119); Тинив, удаладдакан, Мико Һотарандули Һэлинчиникэн нэнрин, улакча унтални бакарсиритан... 'Вчера, когда пошел дождь, Коля торопливо шел по тропе, и его мокрые торбаза скользили'; ...тарбач телэски н'өсэлрэм (Т. 57) '...потом стал выходить на улицу'; Тарак тикми Һентэлбу гаралбу Һунриссеттэн, чэ-лэн-дэ Һ'акита таракам өмними арроттан (Арс. 68). 'При падении он задевал за другие сучки, и тогда все дерево вдруг оживало'.

Продуктивность этой формы незначительна, но в разговорной речи она не является исключением, так как ею оформляются употребительные глаголы. Исследователи эвенского языка относили данный формант, впервые зафиксированный В.И. Цинциус,⁴⁵ к числу показателей многократности. Аналогичный суффикс многократности отмечен в маньчжурском и в нанайском языках.⁴⁶

⁴⁴ В а с и л е в и ч Г.М. 1) Учебник эвенкийского (тунгусского) языка, с. 129; 2) Очерк грамматики..., с. 94-97; К о н с т а н т и н о в а О.А., Л е б е д е в а Е.П. Эвенкийский язык, с. 206; К о н с т а н т и н о в а О.А. 1) Эвенкийский язык..., с. 166; 2) Эвенкийский язык. - В кн.: Языки народов СССР, т. У, с. 78.

⁴⁵ Ц и н ц и у с В.И. Очерк грамматики..., с. 183.

⁴⁶ З а х а р о в И. Грамматика маньчжурского языка. СПб., 1879, с. 165; А в р о р и н В.А. Грамматика нанайского языка, ч. II, с. 46.

§ 12. Видовой класс, характеризующийся суффиксом -у-

Незначительное число глаголов с суффиксом -у- обозначает действия, совершающиеся многократно-прерывно, например:

пэктэру-дэй 'стрелять' от пэктэрэн-дэй 'выстрелить';

Һэпкү-дэй 'хвататься' от Һэпкэн-дэй 'схватиться';

итму-дэй 'кусать' от итмэн-дэй 'укусить';

чаптару-дай 'давать осечку' от чаптаран-дай 'дать осечку';

мавутлу-дай 'бросать аркан' от мавутлан-дай 'бросить аркан'.

Примеры: Д'абда нонман н'икандулан, тинэндулэн, бөдэллэн-дэ итмурун. 'Змея кусала его в шею, в грудь и в ногу'; Би, кадарал олдардутан налд'и Һэпкүникэн, аран-аран ойчирив. 'Я еле-еле поднялся, хватаясь руками за выступы скалы'; Нонартан пэктэрэвуртэн чаптаруритан. 'Их ружья давали осечку'; Көйэри, мунрукарбу пэктэрурэп (М.-С. 49). 'Видишь, зайцев стреляем'.

Суффикс -у- со значением многократности в эвенском языке приводится В.И. Цинциус.⁴⁷

В отношении эвенкийского языка значение многократности гласного у, в связи с явлением противопоставления широких и узких гласных, отмечается В.И. Цинциус с иллюстрацией примеров: нода-м 'бросил (я)' - ноду-м 'бросал'; иктэ-м 'ударил' - икту-м 'бил'.⁴⁸ В.А. Горцевская также высказывала мнение, что „в ряде глаголов при помощи внутренней флексии выражаются различные видовые оттенки значения“, например: адага-ми 'увернуться' - адагу-ми 'увертываться', хоада-ми 'выстрелить' - хоаду-ми 'стрелять'.⁴⁹ Наконец, О.А. Константинова прямо указывает, что „путем чередования гласных в корне глагола (чаще путем изменения широкого а, э, о в узкий гласный у или и) выражается значение многократности действия“, например: пэктирэн- 'выстрелить' - пэктиру- 'стрелять', ана- 'толкнуть' - ану- 'толкать', усэндэ- 'бросить' - усэнду- 'бросать', хокто- 'сделать дорогу' - хокту- 'делать дорогу', ункеро- 'поклониться', - ункеру- 'кланяться', тирэ- 'задавить' - тиру- 'давить'.⁵⁰

⁴⁷ Ц и н ц и у с В.И. Очерк грамматики..., с. 183.

⁴⁸ Ц и н ц и у с В.И. Сравнительная фонетика тунгусо-маньчжурских языков. Л., 1949, с. 44.

⁴⁹ Г о р ц е в с к а я В.А. О флексии и словосочетании в эвенкийском языке. - Докл. и сообщ. Ин-та языкознания АН СССР, 1958, № 11, с. 26-27.

⁵⁰ К о н с т а н т и н о в а О.А. Эвенкийский язык, с. 168.

§ 13. Видовой класс, характеризующийся противопоставлением узкого гласного и широкому а/э

Этот видовой класс охватывает глагольные основы, образованные от имен с помощью суффиксов -ма-/-мэ-, -ми- и -ла-/лэ-, -ли. Форма с узким гласным указывает на неопределенную множественность действия, например:

олрами-дай 'рыбачить' - олрамадай 'пойти ловить рыбу';

элмидэй 'охотиться на белку' - элмэдэй 'пойти охотиться на белку';

буйумидэй 'охотиться на дикого оленя' - буйумэдэй 'пойти охотиться на дикого оленя';

некимидэй 'охотиться на уток' - некимэдэй 'пойти охотиться на уток';

тэвлидэй 'собирать ягоды' - тэвлэдэй 'пойти за ягодами';

молидай 'собирать дрова' - моладай 'пойти за дровами' и др.

Примеры: Амму Костян'ун тинив некимиритэн. 'Вчера отец с Костей охотились на уток'; Нонан д'уганив чептэрэ ач унталач, ач-та авнач тэвлирин. 'Все лето он собирал ягоды без торбазов и шапки'; Д'орминкан аннэнтан энэйэлдук д'ормирин. 'Воришка каждый год воровал у богатых'; Мут новайла истала, билэклэ эникэн ир, элмирит, томи эрэв квартал пламан нидук-тэ д'уллэ милтэрэмкэнит. 'Мы охотились на белок до Нового года, не заходя в поселок, поэтому раньше всех выполнили план этого квартала'.

Выражение многократного совершения действия с помощью противопоставления узкого гласного и широкому а/э наблюдается также в форме отпавительного вида с суффиксом -на-/-нэ-/ -ни-, например: итни-дэй 'ходить смотреть' - итнэ-дэй 'идти смотреть'; д'эбни-дэй 'ходить есть' - д'эбнэ-дэй 'пойти есть'; би энкэрбу итнирив, айил. 'Я (несколько раз) ходил смотреть телят оленей, хорошие'; Мут портатки самолету долчинирит. 'Мы несколько раз ходили (откуда-то) в порт узнавать о самолете' (т.е. о вылете самолета).

§ 14. Видовой класс, характеризующийся суффиксами -к- и -м-

Суффикс -к- образует значение множественности у переходных глаголов, характеризуемых формантом -л-. У глаголов непереходных с формантом -р- значение множественности передается суффиксом -м-. Примеры:

бутал-дай 'отломить' - бутак-тай 'отламывать';

бутар-дай 'отломиться' - бутам-дай 'отламываться';

насал-дай 'оборвать' - насак-тай 'обрывать';

насар-дай 'оборваться' - насам-дай 'обрываться';

кабал-дай 'отколоть' - кабак-тай 'откалывать';

кабар-дай 'отколоться' - кабам-дай 'откалываться';

тэбэл-дэй 'раздавить' - тэбэк-тэй 'раздавливаться';

тэбэр-дэй 'раздаввиться' – тэбэм-дэй 'раздавливаться';
 эмтэл-дэй 'проломить' – эмтэк-тэй 'проламывать';
 эмтэр-дэй 'проломиться' – эмтэм-дэй 'проламываться';
 калтал-дай 'расколоть' – калтак-тай 'раскалывать';
 калтар-дай 'расколотья' – калтам-дай 'раскалываться';
 тэкэл-дэй 'разорвать' – тэкэк-тэй 'рвать';
 тэкер-дэй 'разорваться' – тэкэм-дэй 'рваться';
 чөлбэл-дэй 'проткнуть' – чөлбэк-тэй 'протыкать';
 чөлбэр-дэй 'проткнуться' – чөлбэм-дэй 'протыкаться';
 Һэгдэл-дэй 'разорвать' – Һэгдэк-тэй 'разрывать';
 Һэгдэр-дэй 'разорваться' – Һэгдэм-дэй 'разрываться';
 нэбдэл-дэй 'вырвать' – нэбдэк-тэй 'вырывать';
 нэбдэр-дэй 'вырваться' – нэбдэм-дэй 'вырываться';
 набдал-дай 'разорвать в клочья' – набдак-тай 'рвать в клочья';
 набдар-дай 'разорваться в клочья' – набдам-дай 'разрываться в клочья';

боргал-дай 'разрушить' – боргак-тай 'разрушать';

боргар-дай 'разрушиться' – боргам-дай 'разрушаться'. 51

Примеры:

Гиркэри, энкэчэм, ичимнин-тэ, Һөттэн, нойман итчи, остад'и-да насакалран. 'Как только увидел волк олененка, кинулся, начал рвать его зубами и когтями'; Нойан, палаткадук н'өрид'и, окаттаки Һөр-рэн, тобард'и бөкэсу эмтэкрэн, тадук адалалби йарутад'илран. 'Он, выйдя из палатки, пошел к реке, прорубил (в нескольких местах) лед топором и начал проверять сети'; Нойан дулакакандулан исси-макан бөкэс кабамрин. 'Когда он дошел до середины (реки), лед потрескался (во многих местах)'; Һойала билэктэннэ кадар бутам-рин, намна-да Һэткэттин (Арс. 125). 'Во многих местах скала выветрилась и обвалилась в море'; Опра нанран амаргаг гиратлан манучалан, тэтилбур Һунмэлбэн тэкэкрид'ур, унтагавур Һананривун (Арс. 100). 'Когда был израсходован последний лоскуток рыбьей кожи, мы стали рвать полы полушубков и ими подшивать унты' и т.д.

§ 15. Видовой класс, характеризующийся суффиксом -н-, -на-/-нэ-

Общим для этого класса можно считать не столько показ многократности или повторяемости, сколько обозначение неоднократной прерывности. Это, видимо, объясняется тем, что он образует многократность действия в основном от неопределенных основ:

туттэй 'бежать' – тутэндэй 'бегать туда-сюда';

Һордай 'запутаться', 'зацепиться' – Һорандай 'запутываться', 'зацепляться';

51 Впервые на это явление обратила внимание и привела значительное число систематизированных примеров В.И. Цинциус. См.: Ц и н ц и у с В.И. Очерк грамматики..., с. 183–184.

Һэд'эдэй '(по)плясать' – Һэд'эндэй 'плясать и плясать';
нулгэдэй '(от)кочевать' – нулгэндэй 'кочевать и кочевать'.

Примеры: Нинал иртэки–тартаки тутэнритэн, н'ан һ'акитал элгэ-литэн Һоранритан. 'Собаки бегали туда–сюда и путались между деревьями'; Ноһан нэнэддэн, өмэтэлд'ин тэвтэв таваддан, икэнрэн–дэ, тарбач–та мен (Р.с. 10). 'Она идет – ягоды за ягодой собирает, песни поет – и заблудилась'; Избачан мэни эрэлэк мэрэлдэнрэн (Р.с. 3). 'Изба кругом себя кружится'; Эн'му тэлэйрэн: айич бисэп, эсэп бутэнрэ, Һойаракан нулгэнрэл эрэв тутэнив (Т. 76). 'Мать рассказывает: живем хорошо, не болеем, этой зимой кочевали много раз'.

Если основа глагола предельная, то форма многократности с показателем –на–/–нэ– образуется только с присоединением суффикса неопределенности –ч–/–т–. Примеры:

Этэргэр Һэмэритнэритэн, тис'ачалд'и–да таду–тта көкэтнэритэн (Арс. 32). 'Муравьи корчились и гибли на месте тысячами'.

Новая основа с суффиксом –ч–/–т– от глагола көкэ–дай 'умереть' в современном эвенском языке не употребляется, но в сочетании с суффиксом –на–/–нэ– встречается весьма редко. Сочетание –т– + –н(а)– может употребляться в этом же значении и в случае раздельного употребления их:

Тарал ач йалалцула–да д'олалдула дотнаритан (Арс. 127). 'Они же садились на свободные камни'; Мико айич тамкатнарин иманрала каб'ав, энтирив–дэ уд'илбан. 'Коля хорошо отличал следы куропатки и тетерева на снегу'; Ноһан эрэгэр Һуптутнарин, мун уд'илбун бэритнэрин, Һотарандук–та Һуйэтиэрин (Арс. 45). 'Он часто отставал, терял наши следы и отклонялся в сторону'; Буйун дэсчид'экэн эрэклэ истала Һойаракан бакатнаптан. 'До сих пор места, где лежали дикие олени, попадались часто'; Би ноһан илатнаникан Һөррив. 'Сперва я пошел, останавливаясь'.

Если учесть различные формы кратного вида и показатели видовых классов, то наблюдается наличие значительного количества аффиксальных морфем выражения многократности вообще.

Помимо того, кратность может выражаться лексическими средствами. Сюда относятся: а) повторы – гургэвчин, гургэвчин 'работал, работал', Һуклэрин, Һуклэрин 'спал и спал'; б) сочетание числительного с глаголом – д'эрэкэн 'дважды', илракан 'трижды', тунһаракан 'в пять раз' и т.д.:

Д'эрэкэн м'амси иг исни. 'Дважды слышался странный звук'; Би н'ан'интаки илракан пэктэрэнэм... 'Я трижды выстрелил в воздух'; в) различные наречные слова типа бумһувэн 'всех', Һойаракан 'много раз', адиракан–да 'несколько раз' и т.д.

Наряду с этим имеются глагольные основы, которые всегда обозначают многократность действия: чөлэкэдэй 'подпрыгивать', чилдай 'жевать', Һурундэй 'крошить', 'толочь', чочаннадай 'топтаться', мэйидэй 'качаться', гилтидэй 'жевать' (о животных), Һемкэдэй 'кашлять', кайилчидай 'шуршать', мэкуктэй 'метаться', 'кидаться', докландай 'хромать (о животных)', митинчидэй 'морщиться' и т.д.

Примеры:

Итэлбу кабалнитан, би Ёилгэнив... 'Зубы(мой) стучали, я дрожал...'; Качикачами, мину мулами, г'ананикан, эсэлуникэн мэкукрэн (Т. 65). 'Шеночек (мой) хотел прийти ко мне, пищал и метался, оборачиваясь' (досл.: ...жалея меня...); Окат бардалан Ё'акитал элгэлитэн тог д'эрэлкинрин. 'На той стороне реки между деревьями мелькал огонь'; Д'элгэнкэ тадук төру кэврилрэн (Арс. 24). 'Зверь начал грызть землю'; Кунал нонман каркиддитан, эми манчимса, мочун'канд'ур столли кёнкэритэн (Гол. 25). 'Ребята ждали его и от нетерпенья стучали по столу деревянными ложками'; Богач иркад'анрин, налди-да улрин (М.-С. 49). 'Богач продолжал кричать и махать руками'.

Обилие показателей для характеристики многократности свойственно ряду языков. 52

НАПРАВЛЕНИЕ ДЕЙСТВИЯ

В эту группу включается отправительный вид (суфф. -на-/-нэ-), три видовых класса, характеризующихся формантами -рга-/-ргэ-, -лга-/-лгэ- и -нас-/-нэс-. Общим звеном, объединяющим их, является семантическая близость, которая выражается в том, что совершение тех или иных действий как бы сопряжено с дополнительным действием, связанным с понятием „передвижения“.

§ 16. Отправительный вид (суфф. -на-/-нэ-)

Глаголы с суффиксом -на-/-нэ- указывают на действие, происходящее с передвижением действующего лица, причем передвижение для совершения действия воспринимается как способ осуществления его. Таким образом, в формах этого вида представление о передвижении не связано с осуществлением обособленного действия „хождения“.

В зависимости от семантики глагольной основы или контекста значение, вносимое данной формой, может отличаться с точки зрения однократности и постоянства на фоне разового „передвижения“

52 Котвич Вл. Исследование по алтайским языкам, с. 205-208; Серебренников Б.А. О категории времени и вида..., с. 85-91; 135-137 и т.д. Санжеев Г.Д. Сравнительная грамматика монгольских языков. Глагол. М., 1964, с. 65-71; Бертагаев Т.А. Бурятский язык. - В кн.: Языки народов СССР, т. V. Л., 1968, с. 26; Харитонов Л.Н. Формы глагольного вида в якутском языке, с. 12-39; В.З. Панфилов. Грамматика нивхского языка. Ч. II. М.-Л., 1965, с. 73-76. Меновщикова Г.А. Грамматика азиатских эскимосов. Ч. II. с. 37-54 и др.

к действию. Значение совершения разового действия после однократного перемещения находим в примерах типа:

Гэлэ, кунал-а, столтаки тэгнэлрэ (Гол. 58). 'А ну, проходите, ребята, к столу'; Тек Ыинмач окатла авнали, д'апкандула нэмэгнэмнэс. 'Сейчас иди быстрее к реке мыться, (ты) в восемь (часов) должен идти в гости'; Сережа д'эбнэми адалани эмэнин (Толст. 52). 'Пошел Сережа обедать и сетку оставил'; Би, аврид'и, алдуссон чикинад'им (фольк.). 'Я, вымыв, пойду вырубить дерево для гроба'; Би самолету кейэтнэрэм, Ыэбд'эми. 'Иду я посмотреть самолет, интересно'.

Иногда действие может восприниматься как неоднократное, а передвижение к нему как однократный акт:

Эн'му гэнни: ноһарн'унтан төлэски эвинэли. 'Мать моя сказала: „(Иди) с ними играть на улицу“'; Мачилий Ыивэгинд'этки бэйчинэрин. 'Василий пошел охотиться в (местность) Хивэгинде'; Би, нам Ыолидун тэгрид'и, отач нодавдад'илрив, мин г'ав-дамар, табаку коладникан, өмнэкэн м'ан-надан орочил илан' эгд'эмкэрэч момич нам д'элгэнкэвэн буйунэчэвутэк телэйрин (Арс. 114). 'Я сел на берегу и стал любоваться прибоем, а мой спутник закурил трубку и рассказал, как однажды семнадцать человек орочей на трех больших лодках отправились за морским зверем'; Элэ олра ачча бисин, тэми-дэ Талэко олрапчив төру гэлэтнэн (Сем. 18). 'Но рыбы здесь не было, и он пошел искать место, где более много рыбы', и др.

В зависимости от контекста действие может быть понято и как постоянное:

Би эдук д'улэски ондатрав бэйчинэд'им. 'В дальнейшем я буду ездить добывать ондатру'; Мину тили, би бэбэчимнаду гургэвчинкэ-дэку, Ыи өмэккэн Ыурэли'уми бидэй (Толст. 65). 'Отпусти меня, я пойду в няни, а ты, может, одна с детьми останешься (управишься)'; Энэйэлтэки бэйилтэки ойутан уктитнан, моставутан авнан, празниктаки-да д'увутан Ыилкатнан (Гол. 7). 'Пошла стирать к богатым людям, мыть у них полы, убирать к праздникам' и т.д.

Эта форма довольно продуктивна и употребительна. Лишь часть глаголов движения и состояния не образуют этой формы, например: нэндэй 'идти', 'ехать', н'өдэй 'выйти', идэй 'войти', бутэндэй 'болеть', эндэй 'болеть (о части тела)', мудандай 'кончиться', ундэй 'таять' и др.

По-видимому, такие отглагольные существительные, как Ыөлнэд' 'гость', н'имэгнэд' 'гость-сосед', содержат данный формант.

По значению с этой видовой формой сходны отыменные глаголы, образованные с помощью суффиксов -ма-/мэ- и -ла-/лэ-, например:

олрамадай 'пойти ловить рыбу' от олра 'рыба';
өлмэдэй 'пойти охотиться на белку' от өлики 'белка';
некимэдэй 'пойти охотиться на уток' от некичэн 'утка';
тэвлэдэй 'пойти собирать ягоды' от тэвтэ 'ягода';
дэвэннитлэдэй 'пойти за грибами' от дэвэннит 'грибы';
мола-дай 'пойти за дровами' от мо 'дрова';
мөлэдэй 'пойти за водой' от мө 'вода' и др.

В этих глаголах само содержание действия предполагает передвижение, поэтому на русский язык они переводятся со словом „пойти“, хотя по-эвенски это значение специально не выделяется. Вместе с тем отглагольные образования с суффиксом -на-/-нэ- почти независимы от лексических групп глаголов, тогда как суффиксы -ма-/-мэ- и -ла-/-лэ- образуют отыменные глаголы от ограниченного круга лексических единиц.

Таким образом, формант -на-/-нэ- выступает как грамматический показатель, а суффиксы -ма-/-мэ-, -ла-/-лэ- являются лишь словообразовательными.

Впервые на эту видовую форму обратил внимание акад. А. Шифнер в материалах по анадырскому говору эвенов.⁵³ В.Г. Богораз, В.И. Левин, В.И. Цинциус, Л.Д. Ришес, И. Бенцинг, К. Менгес, именуя эту форму не всегда одинаково, выделяют ее как форму вида (аспекта), обозначающую отправление к совершению действия.⁵⁴

Аналогичная форма выделяется в эвенкийском, негидальском, нанайском, удэгейском, ульчском, солонском и маньчжурском языках.

В определении грамматической сущности этих форм точка зрения исследователей тунгусо-маньчжурских языков весьма различна. Одни считают их видовыми формами (например, вышеупомянутые исследователи эвенского языка и в отношении эвенкийского языка – Г.М. Василевич).⁵⁵

Другие же, О.А. Константинова и Е.П. Лебедева, а также Г.М. Василевич – в эвенкийском, К.А. Новикова – в эвенском, Т.И. Петрова – в ульчском и в нанайском, К.М. Мыльникова и В.И. Цинциус – в негидальском, относят аналогичные формы к словообразованию. Е.Р. Шнейдер и О.П. Суник в удэгейском языке и О.П. Суник в ульчском считают эти формы второобразными основами, обозначающими

⁵³ Schiefner A. Baron Gerhard von Maydel's tungusischen Sprachproben. - Mélanges Asiatiques, St.-Pb., 1874, v. VII, S. 330-391. - Он выделяет ее не как форму вида, а как словообразовательный элемент.

⁵⁴ Богораз Г. Материалы по ламутскому языку. - В кн.: Тунгусский сборник, I. Л., 1931, с. 29-31; Левин В.И. 1) Самоучитель эвенского языка. М.-Л., 1935, с. 236-236; 2) Краткий эвенско-русский словарь. Л., 1936, с. 197; Цинциус В.И. Очерк грамматики..., с. 187; Ришес Л.Д. Арманский диалект эвенского языка. Канд. дис. Л., 1947, с. 247; Цинциус В.И., Ришес Л.Д. Русско-эвенский словарь. Л., 1957, с. 743; Benzing J. Lamutische Grammatik. Bibliographie, Sprachproben und Glossar. Wiesbaden, 1955, S. 45; Menges K. Die tungusischen Sprachen, S. 117.

⁵⁵ Василевич Г.М. Учебник эвенкийского (тунгусского) языка..., с. 129. - Однако в последующих работах эта форма Г.М. Василевич не рассматривается как видовая.

одновременно не одно, а несколько действий. В.А. Аврорин рассматривает эту форму наряду с некоторыми другими как категорию породы.

Известный исследователь маньчжурского языка И. Захаров дает весьма интересное объяснение происхождению суффикса -на-, -нэ-, -но-. По его предположению, этот суффикс образовался в результате сокращения глагола гэнэ-мби 'иду', 'отправляюсь куда, отхожу'.⁵⁶

В.И. Цинциус отмечает, что „в ульчском и нанайском языках соответствие н/д перед гласными наблюдается в форманте, придающем глагольным основам дополнительное значение передвижения для совершения действия, а именно в суффиксе:

эвенк. -на, эвен. -на, сол. -на, -нна, нег. -на, ороц. -на, уд. -на, -нна, ульч. -нда, нан. -нда, ма. -на и подчеркивает, что точка зрения И. Захарова не лишена основания, так как можно предположить следующее развитие: нэнэ- > ннэ ~ ндэ ~ ннэ ~ ндэ > нэ".⁵⁷

Г.И. Рамстедт происхождение этого форманта связывает с корейским глаголом на- 'выходить, происходить'.⁵⁸

Общетунгусский вариант данного форманта возводится к суффиксу * -nda-.⁵⁹

§ 17. Видовой класс, характеризующийся суффиксом -рга-/ -ргэ-

Этот суффикс придает глагольной основе значение обратного действия. Примеры:

Һулинд'а, Илья айинан учиккон кейэчиддэкэн терид'и, Наман эмэддивэн ичимнин-тит, Ильяду бергэрэн. 'Хулиндя (имя собственное), отобрав на виду у Ильи самого лучшего ездового оленя, как только увидел, что идет шаман, отдал (его) Илье обратно'; Бэтигэнд'э Һэйэлэн иссаку, н'элтэн Һэргилэ тикэргэрин. 'Когда я достиг вершины Бытыгынде, солнце садилось' (досл.: 'снова падало вниз'); Гусэтэ, д'эплэнгэй гэлнэми дэггэттид'и, Һурэлтэкий эмэргэвэттэн (Толст. 40). 'Орел летал на добычу и ворочался к своим орлятам (87)', и др.

Таким образом, эта форма может указывать на возвращение субъекта действия туда, откуда было совершено действие:

⁵⁶ Захаров И. Грамматика маньчжурского языка, с. 133.

⁵⁷ Цинциус В.И. Сравнительная фонетика тунгусо-маньчжурских языков, с. 205.

⁵⁸ Рамстедт Г.И. Введение в алтайское языкознание, с. 161.

⁵⁹ Benzing J. Die tungusischen Sprachen..., S. 120.

Буйусэмнэ эрэв инэну һинмач эмэргэрэн. 'Охотник сегодня быстро возвратился'; Самолетал дэтлэлд'ур кутлигал нондардутан һунри-сэннэгчин тикэргэритэн (Сем. 31). 'Самолеты снизились настолько, что казалось, крыльями заденут выступы торосов' (58) (досл.: самолеты падали обратно).

В этих предложениях само содержание примеров, контекст предполагают наличие возвращения, но это значение формы сохраняется и вне контекста:

Һатараладдан. Н'ан'индула осикатал ичулрэ. Б'аганд'а Һэргилэ тикэргэн (Сем. 20). 'Спускались сумерки. Загорелись одна за другой звезды. Луна спускалась все ниже и ниже (т.е. падала)' (49).

Суффикс данного видового класса -рга-/-ргэ- не привносит в семантику глагольной основы никаких оттенков, кроме свойственного ему значения возвращения и обратного действия. Поэтому кажется убедительным предположение Г.И. Рамстедта о том, что раньше это был сложный глагол.⁶⁰

Впервые для эвенского языка эта форма отмечается В.И. Цинциус: „Эта видовая форма употребляется в эвенском языке крайне редко, хотя она известна представителям ольского говора, положенного в основу литературного эвенского языка. Весьма широко распространена аналогичная видовая форма в тунгусо-маньчжурских языках Приамурья, в особенности в негидальском, а также в нанайском, ульчском и удэгейском языках“.⁶¹

И. Бенцинг и К. Менгес выделяют эту форму как вид (аспект), причем первый объединяет с ней форму и с суффиксом -лга- под общим наименованием обратный вид (invertiver Aspekt).⁶²

Аналогичная форма выделяется и в других тунгусо-маньчжурских языках, но в определении ее грамматической сущности мнения существенно расходятся.⁶³

⁶⁰ Р а м с т е д т Г.И. Введение в алтайское языкознание, с. 166.

⁶¹ Ц и н ц и у с В.И. Очерк грамматики..., с. 185.

⁶² В e n z i n g J. Lamutische Grammatik..., S. 47; М e n g e s К. Die tungusischen Sprachen..., S. 117.

⁶³ М ы л ь н и к о в а К.М., Ц и н ц и у с В.И. Материалы по исследованию негидальского языка, с. 175-176; Ш н е й - д е р Е.Р. Краткий удэгейско-русский словарь, с. 138-141; С у - н и к О.П. Удэгейский язык, с. 227; К о л е с н и к о в а В.Д., К о н с т а н т и н о в а О.А. Негидальский язык, с. 118; П е т - р о в а Т.И. Очерк грамматики нанайского языка. Л., 1941, с. 62; А в р о р и н В.А. 1) О категории времени и вида в нанайском языке, с. 55; 2) Грамматика нанайского языка, с. 54-55; 3) Нанайский язык. - В кн.: Языки народов СССР, т. V, с. 139; А в р о - р и н В.А., Л е б е д е в а Е.П. Ороцкий язык, с. 202; П е т - р о в а Т.И. Ульчский диалект нанайского языка, с. 71-74.

§ 18. Видовой класс, характеризующийся суффиксом
-лга-/-лгэ-, -г-

Суффикс -лга-/-лгэ-, -г- придает значение действия, антонимичного действию, указанному основой глагола. Примеры:

Нөрчэлэв нэкудук мин тэтив нэкулгэнэйри. 'Когда (я) уеду, принеси мою верхнюю одежду из лабаза' (нэку-дэй 'положить в лабаз'); Н'эмэкэл д'увур наһиракатан, чоравутан чоралгадавур. 'Когда соседи снимут покрышку яранги, (мы) снимаем жерди яранги' (чорадай 'ставить жерди яранги'); Көсчимнэ мавуту илчалгаддан. 'Пастух расплетает аркан' (илчадай 'сплетать'); Н'обати оран иннон инэгли. 'Сними выюк белого оленя' (инудэй 'выючить'); Укал туркий алулгадай н'экрив, туркий Һэрдэдун дэсчисэндэй, өмними даличандула конаткакар кингэлчиривутэн долдарам (Толст. 61). 'Хотел уже сани отпрягать да под сани ложиться, слышу - недалеко бубенцы погромыхивают' (94) (алудай 'запрягать').

Этот видовой класс имеет, пожалуй, наименьшее распространение, но в любом словесном окружении или при комбинации аспектуальных суффиксов отчетливо сохраняет вносимое значение. Впервые эта аспектуальная форма была выделена в негидальском языке.⁶⁴ В эвенском языке В.И. Цинциус выделяет ее как вид противоположного действия.⁶⁵ Наличие и распространенность этой формы в других тунгусо-маньчжурских языках свидетельствуют о том, что она имеет значительную долю грамматичности.

§ 19. Видовой класс, характеризующийся суффиксом -нас-/-нэс-

Глаголы с суффиксом -нас-/-нэс- обозначают действие, которое осуществляется при перемещении из какого-либо пункта, и возвращение обратно, например: гургэвчинэстэй 'сходить на работу (один раз и вернуться)' от гургэвчидэй 'работать'; Һаратнастай 'сходить купить (один раз и вернуться)' от Һараттай 'купить', 'покупать'.
Примеры:

Д'орминкан нам бардалан биси ариңка тэгэмэринтэки ун'капман д'орминассин. 'Воришка съездил к царю чертей, живущему за океаном, украсть его кольцо'; Йак-ман н'эсэнри? Йак-та эмд'инэдун орардулат долчинассам. 'Почему на улицу выходишь? Как бы кто-нибудь не пришел к нашим оленям, (поэтому) сходил послушать'; Пача тинив орам д'аванассин. 'Павел вчера съездил поймать оленя'; Кунал окатла уйукатнасситан. 'Дети сходили выкупаться в реке'; Тинив нонартан исагтаки кедр Һойа бисивэн итнэсситэн (Арс. 60). 'Вчера ходили смотреть, много ли в лесу кедров'.

⁶⁴ М ы л ь н и к о в а К.М., Ц и н ц и у с В.И. Материалы по исследованию негидальского языка, с. 175-176.

⁶⁵ Ц и н ц и у с В.И. Очерк грамматики..., с. 186.

Действие, которое совершается при этом, может мыслиться однократным или многократным в зависимости от предельности и не-предельности глагольной основы. Что же касается самого передвижения, оно мыслится однократно осуществленным туда и обратно. В контексте при сочетании с наречиями, указывающими на неоднократность действия, глаголы с данным суффиксом также выражают неоднократность. Примеры:

Аринкакайа Ђойара буйунэссин. 'Черт много раз ходил поохотиться'; Экспедициял тарав урэкчэн Ђэйэткин адира-да гирканасситан. 'Экспедиции несколько раз ходили к вершине этой горы'.

Продуктивность и употребительность формы с суффиксом -нас-/-нэс- выше, чем с суффиксом -ни-.

Таким образом, в эвенском языке имеются три суффикса, непосредственно связанных с понятием передвижения к месту действия. Сопоставим эти формы:

иттэй 'посмотреть, увидеть', итнэдэй 'пойти посмотреть', итнидэй 'ходить смотреть', итнэстэй 'сходить посмотреть';

мэтудэй 'сообщить, известить', мэтунэдэй 'пойти сообщить, известить', мэтунидэй 'ходить сообщить, известить', мэтунэстэй 'сходить сообщить, известить';

колдай 'пить', 'выпить', 'курить', колнадай 'пойти пить', 'выпить', 'курить', колнидай 'ходить пить', 'курить', колнастай 'сходить пить, выпить', 'курить'.

В эвенском языке представление о передвижении может выражаться специальными глаголами или путем контекста, например:

Но҂андулан тинив аманни Ђөлсин. 'Вчера к нему съездил отец'; Элэ, стадала совхос бэгэнни бисин. 'Здесь в стаде был (побывал, приезжал) директор совхоза'.

В этих предложениях говорящему и слушающему совершенно понятно, что глагол „Ђөлсин“ обозначает и 'приход' и 'уход', что отец этого мальчика съездил, т.е. приехал и уехал обратно. Во втором предложении глагол „бисин“ обозначает только сам факт, что директор был здесь. Но из контекста понятно, что его здесь уже нет, т.е. что он уехал. А если речь идет об участнике разговора, то это значение становится еще отчетливее, хотя в предложении логическое ударение может быть сделано и на другом значении, например:

Нилэ ан҂аттис Среднеколымскайду? 'У кого ты остановился (ночевал) в Среднеколымске?'

Из этого предложения нетрудно понять, что субъект действия уезжал в Среднеколымск и вернулся или ушел оттуда, т.е. сейчас находится в другом месте: Аманси он биддэн? 'Как живет (твой) отец?'. Из этого предложения вытекает, что участник разговора пришел (или приехал) оттуда, где сейчас находится его отец.

Но для уточнения представления о местонахождении субъекта действия в момент разговора в связи с понятием о передвижении служат рассмотренные выше суффиксы -на-/-нэ-, -ни-, -нас-/-нэс-.

Основное отличие при передаче представлений о передвижении с использованием суффиксов *-на-/-нэ-*, *-ни-*, *-нас-/-нэс-* от контекстуального выражения состоит в том, что в последнем случае основное внимание сосредоточено на самом факте действия, тогда как передвижение только подразумевается. При суффиксальном же оформлении подчеркивается, что действие совершается не там, где происходит разговор о нем, а где-то в другом месте. Отсюда и вытекает значение „передвижения“ к месту действия.

Сказанное выше можно представить графически. Отметим буквой А пункт пребывания или место, где говорится о действии, другой пункт обозначим Б. Знак \longrightarrow фиксирует внимание на отправлении; знак \longleftarrow указывает на возвращение; знаки \rightleftharpoons обозначают „приход“ и „уход“, но внимание на них не сосредоточивается; знак \downarrow показывает, что внимание сконцентрировано на действии, знак \uparrow — внимание на действии не концентрировано.

Используя эти условные обозначения, контекстуальные выражения передвижения в предложении: Нилэ аннаттис Среднеколымскаяйду? 'У кого ночевал в Среднеколымске?' — можно изобразить следующим образом: $A \rightleftharpoons \rightleftharpoons \rightleftharpoons \downarrow B$. Здесь основное внимание сосредоточено на действии, передвижение как бы само собой подразумевается.

Предложение: Нонандулан аманни Һэлсин. 'К нему съездил отец' получит следующее изображение: $A \rightleftharpoons \longrightarrow \rightleftharpoons \downarrow B$.

Значение глаголов с суффиксом *-на-/-нэ-* типа итнэдэй 'пойти посмотреть' графически можно представить так: $A \longrightarrow \downarrow B$.

Значение глаголов с суффиксом *-ни-* (итнидэй 'ходить смотреть'): $A \rightleftharpoons \rightleftharpoons \rightleftharpoons \downarrow B$.

Значение глагольных форм с суффиксом *-нас-/-нэс-* (итнэстэй 'сходить посмотреть'): $A \rightleftharpoons \rightleftharpoons \rightleftharpoons \downarrow B$.

Действия, в связи с которыми совершается передвижение, не ставятся в зависимость от передвижения. Они как бы слиты воедино, и вряд ли следует переводить такие предложения придаточным оборотом цели „идти, чтобы (посмотреть)“, который обозначает, что действие происходит в зависимости от передвижения. В эвенской форме отсутствует подчеркнутость этой последовательной взаимозависимости движение — действие. Они отражаются слитно в повествовательном плане.

Эти формы настолько характерны для эвенского языка и так употребительны, что даже первые исследователи эвенского языка не могли пройти мимо них.

ИНТЕНСИВНОСТЬ ДЕЙСТВИЯ

В аспектуальную группу интенсивности действия мы включаем две видовые формы — вид моментального действия (суфф. *-сан-/-сэн-*) и интенсивный вид (суфф. *-малчи-/-мэлчи-*), а также видовые классы, характеризующиеся формантами *-счи-* и *-со-*.

§ 20. Вид моментального действия (суфф. —сан—/—сэн—, —сн—, —с—)

Эта форма зафиксирована всеми исследователями эвенского языка начиная с работ акад. А. Шифнера. В литературе известна как форма вида, обозначающая моментальность и исходность действия.⁶⁶

Анализ материала показывает, что существует несколько разновидностей значений вида моментального действия, которые зависят от контекста. Вне контекста глаголы с этим суффиксом выступают в основном значении:

дур-дэй '(с)гореть', дур-э-сэн-дэй 'сгореть моментально';
ит-тэй '(у)видеть', ич-и-сэн-дэй 'взглянуть';
д'эб-дэй '(съ)есть', д'эб-э-сэн-дэй 'съесть моментально';
кол-дай '(вы)пить', кол-а-сан-дэй 'выпить залпом';
мулгат-тай '(по)думать', мулгач-и-сан-дай 'призадуматься (в какой-то миг)';
оси-дай '(о)царапать', осн-сан-дай 'царапнуть';
пасак-тай 'бить в ладоши', пасак-а-сан-дай 'хлопнуть в ладоши';
ут-тай 'обмотать', уч-и-сан-дай 'обмотнуть';
тэт-тэй 'одеться', тэт-э-сэн-дэй 'моментально одеться';
ирка-дай '(про)кричать', ирка-сан-дай 'крикнуть';
һон-дай 'отрубить', һон-а-сан-дай 'рубануть'.

Таким образом, основной функцией данного вида можно считать выражение моментальности, мгновенности совершения действия. Примеры:

Д'у долан тэгэтчэл Һунэлэтэн Һеснин. 'У сидевших в доме (на лицах) вспыхнул румянец'; Уньпа, ноһман иттид'и, иргэд'и кин'ал-даснан, энтукукэн-дэ чинэснэн. Уньпа (кличка собаки), увидев его, вильнула хвостом и тихо взвизгнула'; Лилит Һакарин оһатан Һурэн Һилгэснэн (Сем. 9). 'У Лилита вздрогнул черный кончик носа' (42); Ноһан, мэн аликлай ичиснид'и, энтукукэн кэргэлрэн (Толст. 57). 'Она посмотрела (взглянула) на свою чашку и зарычала не так громко' (93); Ноһан Һикэри өгэррэн, өмнэкэн-тэ д'өрбу олрав нугас-нан (Сем. 10). 'Он потянул леску и вытащил сразу две рыбки' (42); Коля, илрид'и, качикачами нантаснан. 'Коля остановился и схватил собачонку (свою) на руки', и т.д.

Как видно из приведенных примеров, здесь речь идет о действиях, не содержащих процессуальности. Это моментально происходящие действия.

В зависимости от семантики глагольной основы или контекстуального окружения данная форма может выражать одноактное, однократное действие. Примеры:

Д'абда тала гэлэтэддэкэн, ноһан сабл'аван гадид'и, гэдэмэклен Һонуснан. 'Когда змей искал там, он взял его саблю и рубанул по затылку'; Эрэд'ин, кансай гадид'и, Һемкэснэн. 'Рядин кашлянул, взяв курительную трубку'; Тинив, гойумчав накату гэлэтэддэкэтэн,

⁶⁶ Там же.

төр улдаснан. 'Вчера, когда (они) искали раненого медведя, вздрогнула земля'; Кумав марам! – Талеко, иркаснид'и, элрэкми кука-танд'и тэсэснэн (Сем. 32). '„Убил тюленя!“ – вскрикнул Талеко и потер щеку рукавицей' (59); Мико, нэлэм оддиван уталрид'и, куниснан: „Һинмач, тартаки Һерэсли“. 'Коля понял, что делается страшное, крикнул: „Быстрее иди прочь“'.

С этим видовым суффиксом связано и значение быстроты совершения процесса действия; иногда еле заметно, однако в контексте вполне различимо. Примеры:

Ноһан ораббу эйду укал илбэснэн. 'Он всех оленей уже повыгонял'; Микулэй этикэн ноһан Һэвквивэн гадни, һейкэлдэснин, гуд'эснин Һэвквив. 'Старик Николай взял его икону, (быстро) наклонился и прикоснулся губами к иконе' (досл.: быстро поцеловал); Нечэнни Лиза ноһан Һеплэн чулбан'ав һейэкэчэнэн Һин'аснин (Гол. 67). 'Сестренка Лиза сунула ему в карман голубой платочек' (115); Тадук Д'орминкан столла бисив ун'капман һантаснин. 'Затем воришка (быстро) схватил перстень, лежавший на столе'.

Данный видовой суффикс может обозначать кратковременность процесса действия или состояния. Это значение находится в прямой зависимости от принадлежности глаголов к категории П:НП. Так, неопределенные и нейтральные глаголы в неопределенном значении в сочетании с суффиксом данного вида в большинстве случаев выражают кратковременность протекания действия или непродолжительность состояния. Примеры:

Би, иһэн'ду теллэ илачиснид'и, д'алби эникэн алатта, палаткала ирив. 'Я постоял на морозе и, не дождавшись товарищей, зашел в палатку'; Би дагрит тэгэснэм, тэгэчиснэку, Һөнтэ гургэ бакун. 'Я на минуту присел, но только посидел (недолго), как нашлась другая работа'; Нэкэ, больницыала бэгдэчиснид'и, укал ай одни. 'Иннокентий, полечившись (недолго) в больнице, уже поправился'; Мут, Һөнтэ бригада оралчимһалбан алачиснид'ур, часки Һөррит. 'Мы, прождав (недолго) оленеводов другой бригады, поехали дальше'.

Некоторые предельные глаголы и глаголы в предельном значении в форме данного вида довольно четко могут выражать значение неполноты действия, например:

Болгитач бэгдэччөттөп минэсми, Һонусми бөдэлу, мола н'экэсми. 'Кедровником мы лечимся (обычно), когда (немножко) порежемся, или рассекши (немножко) ноги или поранив себя деревом'; Мурчами илбэснэм – Һотаран ачча-н'ун-да (Толст. 60–61). 'Погнал я лошадь: ... все выезду нет' (94); Мэн Һөһи ичукэсчими, ноһан Һэтэкэдникэн, мола бисив йаблокав мүдэснид'и, часки Һэтэкэнин (Ул. 26). '(Она)... попыталась показать нам свою удаль тем, что с разбегу откусила от яблока на дереве и промчалась дальше'; Йами-вут-та би этикэндук дагрит эмэбэснэм, тадук-та-мар нэлэлэснэм. 'Почему-то я отстала (немного) от старика, затем-то испугалась (немного)'; Тадук дулакакам ун'кам гадид'и, г'адук аликтук д'эбэснэн. Тадук көчүкэкэм ун'кам гадид'и көчүкэндук аликтук д'эбэснэн (Толст. 56). 'Взяла среднюю ложку и похлебала из

средней чашки. Потом взяла маленькую ложку и похлебала из маленькой чашки¹ (12).

Таким образом, данная форма вида имеет некоторые частные значения, которые создаются контекстом, а иногда зависят от категории П:НП. Однако основным значением можно считать моментальность, кратковременность действия. Так, при частом употреблении этой формы в одном отрывке в целом создается впечатление быстроты (моментальности) действия, в каких бы конкретных значениях ни употреблялись глаголы:

Пэктэрэнэм –эл–э... Нинув Ёочиснан, эгд'этэ Ёэткэнчин. Мулкан бисин. Ёулундулан Ёучиснэм, имсэлкэн... Дагрит Ёигэснэм, д'уткий бадусанам–а–си. '(Наконец, как следует) выстрелил, собака (моя) погналась (сразу), лось упал. Был двухгодовалый. В спину пырнул (ножом) – жирный... Моментально разделал и тронулся домой верхом на олене¹.

В данном небольшом отрывке глаголы Ёочиснан 'погнался (сразу)' и бадусанам–а–си 'и тронулся (верхом на олене)' обозначают исходность движения, но на фоне контекста воспринимаются как незамедлительные действия. Глагол Ёучиснэм 'пырнул' показывает моментальность, однократность. Что касается глагола Ёигэснэм 'быстро разделал', то здесь он указывает на быстроту процесса разделывания. Однако в целом все эти действия воспринимаются как действия, происходящие быстро, кратковременно. Вид моментального действия довольно широко употребителен и продуктивен.

Общетунгусский вариант данного суффикса возводится к праформе *–су–.⁶⁷

Если судить по исследованиям в других тунгусо–маньчжурских языках, аналогичная форма в основном отмечается как форма исходности и начала действия.

§ 21. Интенсивный вид (суфф. –малчи–/–мэлчи–)

Основа глагола с присоединением суффикса –малчи–/–мэлчи– обозначает не столько быстроту протекания действия, сколько интенсивность совершения его, например:

гирка–дай 'шагать', гирка–малчи–дай 'быстро, энергично шагать';
көйэ–дэй 'смотреть', көйэ–мэлчи–дэй 'быстро смотреть';
тут–тэй 'бежать', тут–э–мэлчи–дэй 'мчаться';
тэт–тэй 'одеться', тэт–э–мэлчи–дэй 'быстро одеться';
нук–тай 'снять', нук–а–малчи–дай 'быстро снять', 'сдернуть';
бараг–дай 'ответить', бараг–а–малчи–дай 'моментально ответить';
ойчи–дай 'подняться', ойчи–малчи–дай 'быстро вскарабкаться';
ун–дэй 'растаять', ун–мэлчи–дэй 'моментально растаять';
д'эб–дэй 'съесть', д'эб–э–мэлчи–дэй 'быстро съесть';

⁶⁷ Benzing J. Die tungusischen Sprachen..., S. 119.

атал-дай 'распутать', атал-а-малчи-дай 'быстро распутать';
өтэм-дэй 'заколоть (в затылок оленя)', өтэм-э-мэлчи-дэй
'быстро заколоть';

н'өдэй 'выйти' — н'өмэлчи-дэй 'выскочить'.

Примеры: Митрэй, мугдэкэн ойдун тэгэснид'и, пулеруктук н'урам нугамалчин. 'Дмитрий, присев на пень, быстро выдернул патрон из патронташа'; Поп икэрий оддакан, Огда утэндук иидук-тэ д'уллэ н'өмэлчин. 'Когда кончил петь поп, Огда раньше всех выскочила из юрты'; Талеко букэс н'улкэ Һэйэлэн Һинмамакан' ойчималчин (Сем. 19). 'Талеко быстро вскарабкался на вершину ледяной глыбы'; Ноһан, Һэһкэлэ Һэтэкэнид'и, флагу аталамалчирид'и, долбани Һатардун д'уй бэридэй нэлникэн, нонаптук-та Һинмадмарач амаски Һэтэкэнни (Сем. 33). 'Он, пробежав (к полынье), быстро отвязал флаг и в сумерках ночи, боясь потерять направление, еще быстрее побежал обратно'; Опо, мөлкэм екэв кумэркинид'и, палаткадук төлэски миркэмэлчин. 'Афоня, опрокинув кастрюлю с водой, выполз (ментально) из палатки'; Ноһан Һинмамакан д'уй уркэвэн аһамалчин, аканду дукум бөн. 'Он очень быстро распахнул дверь и дал старшему брату письмо'.

Для передачи значения особенной быстроты и интенсивности действия данная форма вида обычно употребляется в сочетании с суффиксом -сан- (-малчи- + -сан-). Эта комбинация весьма употребительна и продуктивна. Примеры:

Тэгэмэр аһинан Һинмамакан' тэтий нукамалчиснан. 'Жена царя (ментально) сняла (свою) одежду'; Гиро ноһман Һиркан' Һучиснакан, ноһан ирканикан иламалчиснан. 'Когда Гиро ткнул его ножом, он с криком вскочил'; Н'ончак, иламалчиснид'и, ноһман д'эбдэй н'экрэн (Толст. 32). 'Волк вскочил и хотел его съесть'; Свиһня Һутчэми бичэткин тибамалчиснан, төрлэ-ткэн Һунэлэн чургатлан, н'ончак-та уд'ин булэли ичун (Толст. 39). 'Прибежала свиһня к тому месту, где был поросенок, а его уже нет, только забрызгана земля кровью, и волчьи следы по пыли виднеются'; Эвенкил, орарбур инэгэмэлчиснид'ур, элбэкэлбур тулэд'илритэн (Арс. 146). 'Эвенки быстро развьючили оленей и принялись ставить палатки'; Сережа Һинмач өмэм стакам өкэн'у Һакарин' хлеби'ун коламалчиснан (Гол. 70). 'Сережа наскоро выпил стакан молока с черным хлебом'.

Эти суффиксы настолько близки по своим значениям, что воспринимаются как одно целое. В рамках данного вида значение быстроты, ментальности граничит с неожиданностью действия или высшей степенью собранности субъекта. Примеры:

Йак исни, долчили Һинмач, — гөнни этикэн, энтэкэе Һемкиникэн. Би долчималчирам. 'Что слышно, послушай скорей', — сказал старик, сильно кашляя. Я прислушался (тут же очень быстро); Унэт өмэм инэну алаттитан, тар-н'ан долба эвенки ачча омалчин (Арс. 148). 'Переждали еще день, а ночью эвенк неожиданно умер'; Ноһан, самолету ичимэлчидэй н'ан'им аймакан көйэттин. 'Он, чтобы поскорее увидеть самолет, хорошенько разглядывает небо'.

Исследователи эвенского языка определяют эту форму как вид, обозначающий быстроту действия.⁶⁸

Кроме эвенского языка аналогичная форма зафиксирована и в эвенкийском языке, хотя авторы расходятся по терминологии, но основное значение определяют почти одинаково как вид, показывающий быстроту действия.⁶⁹

§ 22. Видовой класс, характеризующийся суффиксом -счи-

Наиболее характерным для этой формы является обозначение неполноты проявления действия или признака едва не завершившегося действия. Примеры:

Тинив удкакан удасчирин, инэн'дэ Һуннэ Һуннэрин. 'Вчера накрапывал дождик и дул холодный ветер'; Ноһан Һо һонам бисин, дилан потолокла исасчирин. 'Он был очень высоким, голова (его) чуть не достигала потолка'; Аран ичусчирин нэрин бөкэсу, иманрав-да Һиткив табдаҕ ин (Сем. 17). 'Слабый свет проникал через лед и снежную стену'; Ноһан прийтүтэки энтуккэн Һавкасчилран (Гол. 24). 'Он понемногу стал привыкать к приюту'; „Тилрэ, акнилбу, - гөнни, - н'амалдаку, дэрэмкэттэку-дэ, би йами-да бутэнэсчирэм" (Уш. 32). '„Пустите, - говорит, - братцы, обогреться да отдохнуть: что-то мне неможется"'; Удан укал тэрэсчид'илрин. 'Дождь уже редел'; Һо Һакарар төгэчир элгэлитэн н'элтэн аран-аран Һутарасчирин. 'Между черными тучами еле-еле краснело солнце'.

§ 23. Видовой класс, характеризующийся суффиксом -со-

Основным значением этого форманта можно считать выражение слабой степени проявления количественного признака действия и неполноту его интенсивности, например:

Эрэв минду бөд'инри, тэтитсодэку? 'Дашь мне это, чтоб я (немножко) поносил?'; Нанрав улрид'и четлэрэку, н'обаласансорин. 'Когда, намочив шкуру, поскоблил, - побелела'.

В рамках общего значения в зависимости от ситуации эта форма может иметь дополнительные оттенки. Одним из таких оттенков является неполная уверенность в совершении действия, обусловленная наличием каких-то препятствий или причин:

⁶⁸ Ц и н ц и у с В.И. Очерк грамматики..., с. 187; Н о в и к о в а К.А. 1) Ольский говор эвенского языка. Канд. дис., Л., 1948, с. 541-566; 2) Эвенский язык, с. 100.

⁶⁹ В а с и л е в и ч Г.М. 1) Очерк грамматики..., с. 94-97; 2) Эвенкийско-русский словарь, с. 771. К о н с т а н т и н о в а О.А., Л е б е д е в а Е.П. 1) Эвенкийский язык..., с. 166; 2) Эвенкийский язык. - В кн.: Языки народов СССР, с. 78.

Эрэк иин орам масод'ин-да, йак Һад'ин. 'Кто знает, возможно, эта собака убьет оленя'; Һинтэки эч гэн-гу эмсод'ин-гул ноһан ти-мина? 'Не говорил ли тебе, придет ли он завтра?'; Ачча бисивэн Һарид'и-да, илан инэни елтэнчэлэн би урадантаки Һерсорив. 'Хотя я и знал, что там нет, все же через три дня отправился (нехотя) к амбару'.

Иногда значение этой формы может по-русски передаваться смысловым глаголом со словами „ладно“, „пусть“, например:

„Элэкэн, – Костя баргун, – эчин нэнсодэн“. 'Не надо, – ответил Костя, – пусть уж идет так'; Пача, Һи эрэв инэну буйусоли-дэ. 'Ладно, Павел, ты сегодня иди на охоту'.

В речевой ситуации могут возникать и некоторые другие оттенки значения, например: Ноһан йаддан? Бисон. 'Что он делает? Ничего не делает'. Такие значения неустойчивы и зависят от обстоятельств или от индивидуального выбора говорящего.

Впервые эту форму отметил В.И. Левин. Он выделяет ее как „вид вынужденного действия“. ⁷⁰ Иную трактовку данного форманта встречаем у К.А. Новиковой. Ею она названа „видом продолженности и повторности действия“. ⁷¹ И. Бенцинг² характеризует эту форму, как обозначающую волей-неволей совершающееся действие. ⁷²

ДЕЗИДЕРАТИВНОСТЬ ДЕЙСТВИЯ

В аспектуальной группе дезидеративности действия мы выделяем желательный вид и два видовых класса. Форма желательного вида (суфф. –м–) и видовой класс (суфф. –мал–/–мэл–) выражают по существу две степени дезидеративности и служат для характеристики действия, совершить которое имеется потребность. В литературе по эвенскому языку известна как форма желательного вида (суфф. –м-са–/–м-сэ–) и вида готовности совершить действие (суфф. –мал–/–мэл–). ⁷³

§ 24. Желательный вид (суфф. –м–)

Формой с суффиксом –м– выражается желательность совершить действие не столько со стороны говорящего лица, сколько со стороны лица, о котором идет речь. Это обстоятельство не позволяет относить данную форму к группе наклонений, и мы определяем ее как форму вида глагола. Обратимся к примерам:

⁷⁰ Левин В.И. Краткий эвенско-русский словарь, с. 196.

⁷¹ Новикова К.А. Ольский говор эвенского языка, с. 551–552.

⁷² Benzling J. Lamutische Grammatik..., S. 46–47.

⁷³ Цициус В.И. Очерк грамматики..., с. 187–188.

Нонан өтэрэптук д'уткий Һөрэмсэн. 'Он давным-давпо хочет поехать домой'; Мико ач наланна эч мучумса. 'Николай не хотел вернуться с пустыми руками'; Тарбач Гришук улрэткити эч-тэ-кит ичимсэ (М.-С., 9). 'Но Гришук и смотреть не хотел на мясо (100)'.
Как видно из примеров, данная форма обозначает действие, совершить которое имеется потребность, т.е. она как бы выражает модальное отношение желательности.

Глаголы с суффиксом -м- могут относиться и к неодушевленным предметам. В таких случаях фактически мы не можем говорить о значении „желательности“. Примеры:

Удан эсни одамса. 'Дождь не прекращается (досл.: не хочет прекратиться)'; Тинив тикчэ иманра эсни унамса. 'Выпавший вчера снег что-то не тает (досл.: не хочет растаять)'; Н'ан'индула агдирилкан төгэчир чакур, тарав-тит ун-дэ эсни агдиримса'. 'На небе собрались грозовые тучи, но пока гром не собирается греметь'; Нонан Һэлиңэч пэктэрэвми довасчиддан, тарма, тикун' бидэн, өмэн н'уран магазиннай коробка долан Һоррин, чомакан-да эч нипкубэмсэ (Арс. 24). 'Он поспешно заряжал винтовку, но, как на грех, один патрон застрял в магазинной коробке, и запор не закрывался' (178); Кирик наллан ичик иданан эсни н'өмсэ. 'В руке Кирика застряла колючка шиповника, и не вытащить (досл.: не хочет выйти)'.
Общетунгусский вариант суффикса возводится к форме * -ма,

* -му. 74

§ 25. Видовой класс, характеризующийся суффиксом -мал-/-мэл-

Глаголы с суффиксом -мал-/-мэл- передают сильное желание, готовность субъекта совершить действие. Примеры:

Нонан эинни игэлкэн таңривус долчималран. 'Его мать очень хочет слышать твое громкое чтение'; 'Кира тарав төру ичимэлрэн. 'Кира очень хочет (готов) увидеть ту местность'; Орарбур Һойа одатан манрутми Һойав орам эсэп-да д'эббэттэ, томи Һадун Һоч д'эбэмэллөттэп. 'Стараясь увеличить (количество) оленей, мы не ели (обычно) много оленей, поэтому иногда очень голодали'; Ан-матмаган мөв коламалрин (Толст. 27). 'Хотела галка пить воды' (82).

Существуют две точки зрения на природу данного форманта. Одни исследователи выделяют его как самостоятельный формант. К ним относятся В.И. Цинциус, В.Г. Богораз, В.И. Левин.⁷⁵ И. Бен-

74 Benzling J. Die tungusischen Sprachen..., S. 121.

75 Цинциус В.И. Очерк грамматики..., с. 187-188; см. также: Богораз В.Г. Материалы по ламутскому языку, с. 29-31; Левин В.И. Краткий эвенско-русский словарь, с. 197.

цинг считает его комбинацией суффиксов (-м- + -л-).⁷⁶ Приведем еще ряд примеров:

Унийимнэ эсни элгимэчимэлрэ гургэвчимнэду тис'ачав рубл'у бэн (Толст. 43). 'Купец не стал спорить и отдал работнику тысячу рублей' (88); Н'ан удэхэйэц эч алачивра д'элгэнкэ ичулэннэвэн эсни алачималра (Арс. 28). 'Но удэгеец не стал дожидаться появления непрошенного гостя' (181) и др.⁷⁷

§ 26. Видовой класс, характеризующийся суффиксом -счи-

Данный формант служит для указания на попытку, стремление совершить действие. В литературе по эвенскому языку указывается именно это значение. Примеры:

Дан'тав мину гасчирин. 'Мой дядя (младший брат моей матери) пытается взять меня (к себе)'; Ноһартан эрэгэр намтаки ичимэлдэритэн, н'ан'интаки кейэттитэн, төгэчир-да һогнарилитан ирречин инэн биннэвэн һасчиритан (Арс. 129). 'Поэтому они все время поглядывали на море, смотрели на небо и по движению облаков старались угадать погоду' (249); Качикайакан энтэкэйэ гогникан ноһман һечисчирин. 'Щенок громко лаял и бросался на него, гоняясь'; Гой-умча онаки эгд'эндулэ һ'акитала ойчисчирин, н'ан туркун. 'Раненая росомаха попыталась залезть на большое дерево, но не смогла'; Мину емэн накат урэвчэдукун, би накату пэктэрэвундук тиккендэй һэмкэсчивэттэм (М.-С. 28). 'Как один медведь меня починил, ну я уж из ружья норовлю его свалить' (113); Сережа эний мудақлин н'эсчирин, тарбач кунал һойал биситэн (Гол. 24). 'Сережа вырывался изо всех сил, но ребят было много' (94); Симбирскэйлэ ноһан д'огрил-да, крестьян-да һурэлтэн һупкучэкэтэн һойадмару осчиран (Ул. 4). 'В Симбирске он старался устроить побольше школ для бедных, для крестьянских детей'.

Значение этой формы граничит с модальностью. Но, как видно из вышеприведенных примеров, ей присущи не только дезидеративность, но и характеристика начавшегося, но не доведенного до конца действия или действия в процессе совершения. С учетом этого мы предпочитаем отнести данную форму к аспектуальной характеристике действия.

Исследователи эвенского языка В.Г. Богораз, В.И. Левин, В.И. Цинциус, Л.Д. Ришес, К. Менгес относили эту форму к видам глагола. А. Шифнер, К.А. Новикова, И. Бенцинг, не конкретизируя ее грамматической природы, называют ее „отглагольным образованием“.

Аналогичная по функции форма имеется и в других тунгусо-маньчжурских языках. В.А. Аврорин в нанайском языке относит ее (наряду с другими суффиксами) в особую категорию породы.⁷⁸

⁷⁶ Benzing J. Lamutische Grammatik..., S. 44-45.

⁷⁷ Подробнее см. главу III.

⁷⁸ Аврорин В.А. Грамматика нанайского языка..., с. 59-64.

Общетунгусский вариант данного суффикса возводится к праформе **-кча*.⁷⁹

В целом анализ значений форм дезидеративности показывает, что они могут иметь значение неполноты проявления признака действия (суфф. *-счи-*), могут выражать и „желание“ неодушевленных предметов (суфф. *-м-*), а также отчасти выражать начальный этап процесса дезидеративности (суфф. *-мал-/—мэл-*). И эти оттенки в целом в контексте перекрывают значение дезидеративности. Указанные обстоятельства, а также то, что они абсолютно независимы от склонения, побуждает нас считать их формами аспектуальности.

ИМИТАЦИЯ ДЕЙСТВИЯ

Этот аспектуальный разряд представлен одной видовой формой — видом имитации действия.

§ 27. Вид имитации действия

Это единственный вид эвенского глагола, который образуется аналитической конструкцией: суффикс *-сан-/—сэн-/—сон-* + вспомогательный глагол бидэй 'быть'. Вид имитации действия указывает на подражание действию, которое выражено основной смыслового глагола, например: *пэктэрэнсэн бидэй* 'сделать вид, будто стреляешь', *колсон бидэй* 'сделать вид, будто пьешь', *долчисан бидэй* 'сделать вид, будто слушаешь', *гургэвчисэн бидэй* 'сделать вид, будто работаешь'.

Основной смысл подражания, имитации действия заключен в новой видовой основе с суффиксом *-сан-/—сэн-/—сон-*, которая не выражает ни времени, ни лица, ни числа. Эти функции несет вспомогательный глагол бидэй 'быть'. Примеры:

Һи дэриснэри, Һотарандули кучунгэйи гэлнэсэн бидэй. 'Ты побежишь по дороге, как будто идешь за спальным мешком (своим)'; *Һан оран бисэн бивэттэп, Һан бэйил бисэн бивэттэп; Һан-да йавчисан бивэттэп, куналбу оран бисэн бидэтэн* (Т. 68). 'Некоторые из нас делают вид, будто мы олени, некоторые — будто люди; а некоторые — будто ночью пасем оленей, чтоб дети будто стали оленями'; *Гриша, картинав көйэчисэн биникэн, Һинду книгав бэд'ин, тарав Һи минду эмунэри.* 'Гриша даст тебе книгу, как будто разглядывая картинку, а ты принесешь ее ко мне'; *Һи мину алачисан бисэнригу?* 'Ты делаешь вид, будто меня ждешь?'

Данная видовая форма относится к числу продуктивных, хотя своеобразие ее семантики создает впечатление малоупотребительности. Морфологически она имеет четкий механизм образования и

⁷⁹ B e n z i n g J. Die tungusischen Sprachen..., S.121.

обладает присущим только данному виду значением. О грамматикализированности данной конструкции свидетельствуют следующие признаки:

- 1) устойчивость структуры данного сочетания;
- 2) грамматическая неразложимость: значение имитации действия присуще данной конструкции в целом; при этом учитывается неделимость сочетания, которая проявляется в том, что только в совокупности его компоненты (части) имеют данное значение;
- 3) разнообразие синтаксической функции данной конструкции, выступающей в различных глагольных формах наклонений, деепричастий;
- 4) широкое распространение данной конструкции: почти полный охват ею глаголов любой семантики.

Данный вид впервые отмечен в эвенском языке В.И. Левиным („вид симуляции действия“).⁸⁰ В.И. Цинциус характеризует его как форму вида имитации действия.⁸¹

В эвенкийском языке аналогичной формой следует считать конструкции причастия фиктивности, имитации с суфф. -гса-/ -гсэ, -гсо, -кса/ -ксэ, -ксо с глаголом о-ми, согласно Г.М. Василевич,⁸² например: д'эвд'эксэ о-ми 'делать вид, что ешь'. О.А. Константинова указывает, что „причастие фиктивное (аффикс -хсан, -гсан) обозначает неподлинное действие (как предикативный признак, приписываемый лицу). Употребляется оно обычно в сочетании с деепричастием цели, образованным от основы би- 'быть'.⁸³

Таким образом, эвенский формант имитации действия -сан-, по видимому, восходит к *-ксан ~ *-гсан.

В плане алтайском о формах, в известной степени напоминающих данный вид эвенского глагола, по материалам тюркских и монгольских языков см. работу Вл. Котвича.⁸⁴ Прилагаем сравнительную таблицу некоторых аспектуальных показателей тунгусо-маньчжурских языков (табл. 2).

⁸⁰ Левин В.И. Краткий эвенско-русский словарь, с. 198.

⁸¹ Цинциус В.И. Очерк грамматики..., с. 188-189.

⁸² Василевич Г.М. Эвенкийско-русский словарь, с. 708, 752, 763.

⁸³ Константинова О.А. Эвенкийский язык..., с. 146.

⁸⁴ Котвич Вл. Исследование по алтайским языкам, с. 211-213.

Таблица 2

маньчжурских языков

Сравнительная таблица некоторых аспектуальных показателей тунгусо-

Вид	Языки			
	эвенский	эвенкийский	негидальский	орочский
Общий (совершенный)	0	0	0	0
Начинательный	-л	-л	-л	-ли
Конкретно-процессуальный	-д'/-д	-д'а/-д'э	-д'а/-д'э	-
Нопредельный (прод.)	-ч/-т, -ча/-чэ	-ч/-т, -ча/-чэ	-ч/-т, -ча/-чэ	-
Исходный	-сан/-сэн	-син	-син	-
Неоднократный	-гра/-грэ	-	-	-
Многократный	-кач/-кэч	-кач/-кэч	-кач/-кэч	-
Обычный (многокр.)	-вач/-вэч	-вач/-вэч	-вач/-вэч	-вачи/-вэчи
Многократный	-т	-кта/-ктэ	-кта/-ктэ	-кта/-ктэ
Повторный	-д'ав'/-д'эв'	?	?	?
Изредка совершаемого действия	-ван'/-вэн'	-ван/-вэн	?	?
Отправительный	-на/-нэ	-на/-нэ	-на/-нэ	-на/-нэ
Обратный	-рга/-ргэ	?	-йги, -лги	-ги
Интенсивный	-малчи/ -мэлчи	-малча/ -мэлчэ	?	-
Желательный	-м-са/ -м-сэ	-му-си	-му-с(и)	-му-си
Стремления	-счи	-кси, -сса/-ссэ	-тча/-тче	-
Имитация	-сон	-ксон	-	-

Языки					
удэйский	ульчский	орокский	нанайский	маньчжурский	праформа
0	0	0	0	0	0
-ли	-лу	-лу, -л	-ло/-лу	-	-лу
-	-	-	-	-	-д'а/-д'э
-си, -нхи	-чи	-чи	-ча/-чэ	-ша/-шэ	-чи, -ча/чэ
?	-	-пин	-си, -псин	-	-(п)син
-	-	-	-	-	-гара/-гэрэ
?	-	-катчи/ -кэтчи	-качи/ -кэчи	-	-качи/-кэчи
-васи/-вэчи	-пачи/-пэчи	-	-пачи/-пэчи	-	-пачи/-пэчи
-	-	-	-кта/-ктэ	-	-кта/-ктэ
-на/-нэ, -ниа/-ннэ	-нда/-ндэ	-нда/-ндэ, -нда/-ндэ	-нда/-ндэ, -нда/-ндэ	-на/-нэ	-нэнэ
-ги	-д'о/-д'у	-до/-ду	-го/-гу	-	-ргу -малчи
-му-хи	-мси	-	-мо-си/ -му-си	-	-му-си
-кча/-кчэ	-йча/-йчэ, -дича/-дичэ	-гита/-гитэ, -кита/-китэ	-йча/-йчэ	-	-кича/-кичэ
-	-	-	-	-	-гсан/-ксан

ХАРАКТЕРНЫЕ СЛУЧАИ КОМБИНАЦИЙ АСПЕКТУАЛЬНЫХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ ЭВЕНСКОГО ЯЗЫКА

Агглютинативный характер эвенского языка способствует переплетению самых различных показателей в рамках одной глагольной основы. На это интересное явление неоднократно указывали исследователи тунгусо-маньчжурских языков. „Путем различных комбинаций видовых и залоговых показателей в семантике эвенских глаголов можно достичь выражения многих оттенков значения“.¹ Некоторые типы комбинаций аспектуальных суффиксов приводятся И. Бенцингом.² Имеется общая характеристика порядка следования глагольных суффиксов в тунгусо-маньчжурских языках: „Глагольные морфемы располагаются в следующем порядке: основа + залог + вид + выделит.-уточнит. ф. + субъективн. оценка + модальность + накл. (время, деепр., прич., мн.ч.) + личн. (возвр.) ф.“³

Общие закономерности строения в тунгусо-маньчжурских языках рисуются следующим образом: „1) начальная основа со своим суффиксом или суффиксами первой категории; 2) суффикс второй категории со своим суффиксом первой категории; 3) другой суффикс второй категории со своим суффиксом первой категории и так далее, максимум до пяти-шести (в зависимости от числа суффиксов второй категории в каждом из языков)“.⁴ Анализ конкретного материала маньчжурского, нанайского, эвенкийского и эвенского языков приводит к выводу о том, что „в составе одной основы могут быть одновременно два или более сходных по звучанию и близких по своему значению форматива... Количество же разных по звучанию и по значению видовых и залоговых суффиксов может достигать в одной основе сразу трех-четырёх единиц и более. Все это ставит

¹ Ц и н ц и у с В.И. Очерк грамматики эвенского (ламутского) языка. Ч. I. Л., 1947, с. 189.

² B e n z i n g J. Lamutische Grammatik. Bibliographie, Sprachproben und Glossar. Wiesbaden, 1955, S. 42-49.

³ Ц и н ц и у с В.И. Порядок и иерархия аффиксов в агглютинативных языках. (По материалам языков тунгусо-маньчжурской группы). - В кн.: Морфологическая типология и проблема классификации языков. М.-Л., 1965, с. 148-149.

⁴ С у н и к О.П. Глагол в тунгусо-маньчжурских языках. Морфологическая структура и система форм глагольного слова. М.-Л., 1962, с. 133.

исследователя в затруднительное положение, ибо практически получается так, что одно и то же глагольное слово одновременно относится сразу к нескольким видам и нескольким залогам".⁵

В рамках установленных закономерностей мы попытаемся описать наиболее характерные случаи комбинаций аспектуальных суффиксов эвенского языка.

Под комбинацией, или сочетаемостью, аспектуальных показателей мы имеем в виду соединение (переплетение) двух или более суффиксов в рамках одной глагольной основы.

Наиболее подходящим представляется нам описание комбинационных вариантов по отдельным группам аспектуальных показателей. При этом более подробно мы рассматриваем двувидовые сочетания.

Из имеющихся показателей фаз действия в тех случаях, когда эти показатели занимают в глагольной основе последнее место в морфемном ряду, могут быть отмечены начинательный (суфф. -л-) и конкретно-процессуальный (суфф. -д'-).

Показатель начинательного вида -л- может следовать за другими показателями фаз действия и, в частности, как уже говорилось в главе II, образует с предшествующим ему суффиксом конкретно-процессуального вида -д'- формы со значением начала конкретно совершающегося действия.

-д'- + -л-: Би такам часки мурчи-д'ил-рив 'Я стал карабкаться через бурелом'; Ноһан Һавайич гургэткий кима-д'ил-ран. (Б. 71). 'Он взялся за дело умело' (121); Дымов һалд'и ин'имэч давса-д'ил-ран (Губ. 22). 'Дымов смешно замахал руками' (78).

Употребительны такие сочетания с суффиксом неопределенного вида.

-ч- + -л-: Ноһан он-да кимэлбу аччалтадай мулга-чил-ран (Толст. 29). 'Она начала думать, как блох уничтожить'; Н'эчэ Һилэси олги-чил-ран (Черк. 9). 'Растения начали осушать свою росу'; Би пэктэрэвми энтукукэн өгэррэм, имка-чил-рам-да (Арс. 58). 'Я осторожно поднял ружье и стал целиться' (200).

Следуя за показателями кратности действия, начинательный суффикс указывает на начало многократного или множественного действия. Приведем соответствующие примеры на интересующие нас сочетания.

-кач- + -л-: Биракчан долиһи Һэнэддэку, һину, йав-ут-та уһну-рид'и, курэлдэ-кэчил-рэн. 'Когда я шел по ручью, моя собака, почувяв какой-то запах, начала кружиться'.

-вач- + -л-: Елтэнчэ анһандук мутгулэ накат гирка-вачил-ран. 'С прошлого года к нам стал похаживать медведь'; Тараптук Мико

⁵ Там же, с. 121. - Выходя за рамки наших языков, мы видим аналогичную комбинацию (контаминацию) видовых суффиксов и в языках других систем. См.: Серебрянников Б.А. О категории времени и вида в финно-угорских языках пермской и волжской групп. М., 1960, с. 100-103, 187-188, 244.

бэйилн'ун буйусэктэки Һөл-лечил-рин. 'С тех пор Коля стал ходить на охоту со взрослыми'.

Это сочетание может также указывать на начало кратного или повторного действия с оттенком уменьшительности или неполноты объема, например:

Чжан-Бао Һэлинэч пэктэрэвми мирдуки аталалрин, н'ан өмними кабарга тибачил-рин (Арс. 69). 'Чжан-Бао поспешно снял ружье, чтобы стрелять, но вдруг кабарга заметалась' (207).

-д'ан'- + -л-: Тарини армакан Һигэ-д'эн'ил-рам. 'Ту (свою добычу потихоньку) начал свежевать'.

-с- + -л-: Пача кунараптуки айич буйу-сэл-рэн. 'Павел с детства начал хорошо охотиться'; Тарбач телэски н'ө-сэл-рэм (Т. 13). 'Затем начал выходить на улицу'.

Встречаются сочетания начинательного показателя с суффиксом вида интенсивного действия.

-малчи- + -л-: Н'анин Һатараддиван мэддид'и, би гирка-малчил-рив. 'Заметив наступление темноты, я зашагал быстрее'.

В дезидеративных формах суффикс -л- может сочетаться с суффиксом -счи-.

-счи- + -л-: Лилит долбо Һогналран, налдукун Һучи-счил-рин, кэргэд'илрэн-дэ (Сем. 16). 'Ночью Лилит завозился, стал вырываться из рук и рычать'; Өмнэкэн Һисэчин өмэн аси д'удуки мелэдэй н'ө-счил-рин (Арс. 87). 'Как-то вечером одна женщина хотела было выйти из юрты за водой'.

Что касается возможности сочетаний суфф. -м-(са)-/-м-(сэ), то они, как уже отмечалось в главе II, по-видимому, образовали формант -мал-/-мэл-, ср.:

Тараптук гусэтэ-дэ эсни д'эплэвэттэ, свинья-да исагтаки эсни гирка-мал-ра (Толст. 40). 'С тех пор перестал орел летать за добычей, а свинья не ходила больше в лес'; Олрал ун-дэ айидмарач Һэпкэ-мэл-ритэн (Сем. 10). 'Рыба ловилась все лучше и лучше'; Унийимнэ эсни элгимэчи-мэл-рэ, гургэвчимнэду тис'ачав рубл'у бөн (Толст. 43). 'Купец не стал спорить и отдал работнику тысячу рублей'.

Суффикс конкретно-процессуального вида -д'-/-д-, -д'ид'-/-д'ид'- по своим возможностям и употребительности в сочетаниях с различными аспектуальными показателями занимает одно из первых мест, уступая в данном случае, пожалуй, лишь форманту вида обычного действия -вач-/-вэч-. Приведем соответствующие иллюстрации:

-ч- + -д'-: Коля амаргагла классла Һупку-чид-дэн. 'Коля учится последний год'; Бригадир ноиман алатми тэгэ-чид-дэн. 'Бригадир сидит, ожидая его'.

-кач- + -д'-: Н'арикан, Һэккетникэн, Һон'-качид-дин (Гол. 68). 'Мальчик переступал с ноги на ногу и всхлипывал'; Городовойил стенал Һанарлитан листовкалбу гэлэчиддэкэтэн, томскай губернатор Азанчевский писарьду Петербургдаки телеграммав дуку-кач-и-д-дин (Гол. 81). 'Пока городовые искали в стенных дырах листовки, томский губернатор Азанчевский диктовал писарю телеграмму в Петербург'.

-вач- + -д'-: Эрречиндун инэиду би исагли гирка-вачид-дай айав-
воттам, д'улдэлэ-мэкэн олгиткич-та, н'амалкич-та н'ам мал бисэ-
кэн (М.-С. 52) 'Я люблю в такую погоду бродить по лесу, особен-
но когда впереди есть теплый уголок, где можно обсушиться и обо-
греться' (128). Овцал исаг далилин онка-вачид-дитан (Толст. 24).
'Овцы ходили под лесом' (досл.: паслись обычно).

-д'ан'- + -д'-: Д'уткий мучидникэн, Гиро этикэн нулгэ-д'эн'ид-
дивэн бакалдарид'и, нонандун учикий анирам. 'Возвращаясь домой
и встретившись со стариком Григорием, который перекочевывал
(медленно), я подарил ему своего верхового оленя'.

-с- + -д'-: Мико Чиритинэ окатли буйу-сэд-дэн. 'Коля охотится
на диких оленей по реке Чиритна'.

-рга- + -д'-: Танмари тикэ-ргэд-ди бисин (Сем. 18). 'Туман
опускался и опускался'.

-лга- + -д'-: Кунал усив Ынмасукан учи-лгэд-дитан. 'Дети
быстро разматывали веревку'.

-сан- + -д'-: Исаг укал чулбала-санд'ид-дан. 'Лес уже начал
зеленеть'.

В данном случае суффикс -сан-/-сэн- употреблен для обозначе-
ния неполноты действия.

-малчи- + -д'-: Тарак амардадун акми Ёссэки тутэ-мэлчид-ди-
вэн-ткэн иттив. 'После этого видел только, как (мой) старший
брат бежал вниз по склону'; Гэлэ-э, Ынмач пэктэрүмэлчили, каб'ав-
нас тутэ-мэлчид-дэн. 'Давай, стреляй скорей, а то куропатка (твоя)
убегает (быстро)'.

-счи- + -д'-: Нонан Ёэлиңэч пэктэрэвми дова-счид-дин. 'Он по-
спешно заряжал ружье'; Н'ан'ин аран-аран нэрилэ-счид-дин. 'Небо
чуть-чуть начинало светлеть'.

В аспектуальной группе кратности действия второе (последнее)
место в двувидовых сочетаниях могут занимать показатели видов
действия неоднократного (суфф. -гра-/-грэ-), обычного (-вач-/
-вэч-) и повторно замедленного (суфф. -д'ан'-/-д'эн'-). Обратим-
ся к соответствующим иллюстрациям.

В комбинациях с суффиксом неоднократного вида действие всег-
да воспринимается как совершающееся несколько раз.

-ч- + -гра-: Би уд'тану чэлэвэн аймакан' йару-ткара-рам. 'Я
очень внимательно проверял каждый след'.

-вач- + -гра-: Эн'му бэйилду бэл-лөткэрэ-н, нанравутан игрэн,
ойгатан Ынангаран (Т. 15). 'Мать (моя) помогала людям, обра-
батывала шкуры, шила (не раз) одежду'.

-с- + -гра-: Ыпкучэктү эч Ыпкуттэ бими, нонан титэл буйурбу
буйу-скэрэ-чэ бимчи. 'Если бы он не учился в школе, давно ходил
бы охотиться на диких оленей'.

-счи- + -гра-: Амаргаг оран эрэгэр Ыпту-счигрэ-н. 'Последний
олень (каждый раз) пытается отстать'.

Показатель обычного действия (-вач-/-вэч-) выделяется среди
других аспектуальных суффиксов своими богатыми комбинационными
возможностями, занимая при этом, как правило, конечную позицию.

-л- + -вач-: Сережа гору һуклэнэ туркуттин, йасалг нимрурэкэн, чивкачанан һирадди, дэсчидди ичу-ллет-тэн (Толст. 53-54). 'Сережа не мог заснуть: всякий раз, как он закрывал глаза, ему представлялся чижик, как он лежит и дышит'.

-д'- + -вач-: П'аканчи-д'д'от-там, һаканчи-д'д'от-там, иннамал-лоттам-дакит (М.-С. 28-29). 'Слушаешь, слушаешь, иногда слеза проймает' (113); Эрэгэр бу нонман гэлэтэ-д'д'от-ту, һойав времяв бэритнэвэтту (Арс. 45). 'Каждый раз мы разыскивали его, теряли много времени'.

-ч- + -вач-: Кусин д'угулин эстэн-дэ мулга-ччот-тап. 'О войне и не думаем'.

-кач- + -вач-: Д'элгэнкэл мэр доливур тачин куси-кэччет-тэ. 'Звери так дерутся друг с другом'.

-вач- + -вач-: Пинду мавча гиркари һурэли'уми эли һотаранду-ли гирка-ваччот-титан. 'Убитый тобою волк с волчатами ходили (не раз) по этой тропе'; Н'амтаки төртэки һидук-дэ д'уллэ чөкчэ-нэл дэг-гөччет-тэ 'Раньше всех в теплые страны (обычно) улета-ют кулики'.

Как видно из примеров, в данном случае имеет место дублиро-ванное употребление суффикса -вач-/-вэч-.

Между этими дублированными сочетаниями может быть вклинена другой суффикс, в большинстве случаев формант конкретно-процес-суального вида -д'-. Образованная таким образом комбинация -вач- + -д'- + -вач- выражает обычное повторение сравнительно долго длившихся многократных действий, например:

Нонан... губернияли һөл-лөчид'д'от-тэн (Ул. 4). 'Он (обычно) ездил (длительно) по губерниям' (37); Инэну чөптэрэ Микулэй исагли гирка-вачид'д'от-тан. 'Целыми днями Николай (долго) бро-дил по лесу'.

Это весьма любопытное явление морфологии эвенского языка мало изучено. Оно, видимо, известно и другим языкам тунгусо-маньчжурской группы: „Употребление в одной и той же простой основе одновременно двух одинаковых суффиксов, различных лишь по своему фонетическому облику, — пишет О.П. Суник, — возможно в тех случаях, когда один из них сросся с начальной основой, а дру-гой выступает живым, подвижным элементом”.⁶ Это общее поло-жение применимо и в данном случае. При таком дублированном сочетании данного суффикса первая часть обозначает многократность или множественность действия, а последняя сохраняет свое основ-ное значение — обозначение обычно совершаемого действия.

-ван'- + -вач-: Би накату емнэ-кэтчэл кейэ-вэн'н'ет-тэм. 'Обыч-но изредка вижу я медведя'; Эрэв аннану тугэниду һо инэн' бисин, томи һадун-ткан нулгэ-вэн'н'ет-тит. 'В этом году зимой было хо-лодно, поэтому (мы) перекочевывали изредка'.

⁶ Суник О.П. Глагол в тунгусо-маньчжурских языках..., с. 132.

-с- + -вач-: Тарак асаткан ондадалкан' буйу-ссет-тэн, амми Хасанд'ад'ин ондад'и (Э.Н. 18). 'Девушка охотилась с оленем-манщиком, с отцовским манщиком, Хасанджаем' (32); Тарак тикми Һөнтэлбу гаралбу Һуври-ссет-тэн, чэлэн Һ'акита таракам өмними арроттан (Арс. 69). 'При падении он задевал за другие сучки, и тогда все дерево вдруг оживало' (205).

-у- + -вач-: Н'ан этикэн минтэки Һуклэриб д'элгэнкэв энмэй пэктэр-увэттэ бисивэн гөнин (Арс. 58). 'Но старик сказал мне, что стрелять в спящего зверя нельзя' (200).

-н(а)- + -вач-: Эн'му, гургэвчими, эрэгэр икэв икэ- ннөт-тэн. 'Мать за работой все пела песни'; Нэсэгчэр аннэнтан, фестивалыла чакапид'ур, Һэд'э-н'н'өт-тэ. 'Молодые люди каждый год, собравшись на фестиваль, танцуют (обычно)'

-на- + -вач-: Таприй оддид'и, нонан нонн'уми асаткан'ун эвинэвэт-тэн, тарма гөнчэгчин', нонан этилбу-дэ тивсэр бис дуйама-чарбу эвирбу айаврин (Ул. 7). 'Начитавшись, он бежал с сестрой играть, причем, как было уже сказано, любил большие, шумные, подвижные игры' (39). Володя Һупкучимнэтки өмэм-ул, Һадун д'өр-бу-вул часу инэйнэ Һупкут-нэвэт-тэн (Ул. 11). 'Володя (обычно) идет к учителю заниматься иногда в день час или два часа' (41).

-нас- + -вач-: Нонан эрэгэр өсчимэт-нэссөт-тэн, тэк-дэ Һөррэн, коли. 'Он всегда ходит на соревнования, смотри, и сейчас пошел'; Мөликич тэгэлэ бисэкин, нонан инэну чөптэрэ мөли-нэссөт-тэн. 'Так как водоем находится далеко, он целый день ходит за водой'

-малчи- + -вач-: Гойумча д'элгэнкэ эрэгэр исагла дикэ-мэлчивэт-тэн. 'Раненый зверь обычно всегда (быстро) прячется в лесу'

-сан- + -вач-: Нонан Һадун уд'и далидун дэсчи-сэnnөт-тэ. 'Он иногда заляжет около своего следа'

-м- + -вач-: Эрэк бини эдлэн од, таррочин' нэлэм аннэанна мут, эвэсэл, эрэгэр-дэ д'эвэ-ммөт-тит. 'Когда не было этой жизни, в такой страшный год мы, эвены, (обычно) голодали'

Перейдем к рассмотрению примеров, когда последнее место в двувидовых сочетаниях занимает суффикс вида повторно-замедленного действия -д'ан'-/-д'эн'-.

-ч- + -д'ан'-: Эр Маша мулгачид'илран, он-гал накаттук н'ондай. Мулга-чид'ан-ран, мулга-чид'ан-ран, тарбач мулган (Р.с. 10). 'Вот стала Маша думать, как бы от медведя убежать. Думала, думала и придумала' (76).

-кач- + -д'ан'-: Би өмөтэлбу Һэгэпу ит-кэчид'эн-рэм. 'Я видел соболей поодиночке'

-вач- + -д'ан'-: Эрбэчил-Һусил дэг-гөчид'эн-рэ, дэг-гөчид'эн-рэ, иркад'анра, иркад'анра... (Р.с. 34-35). 'Гуси-лебеди полетели-полетели, покричали-покричали' (86).

-рга- + -д'ан'-: Нонартан тачин-тит-та часки Һөрритөн, мут төрэнтэкивур эмэргэд'эн-рит. 'Они так и поехали дальше, мы медленно возвращались на родину'

-счи- + -д'ан'-: Нонан инэнтэн тачин-тит-та гургэвчи-счид'эн-рэн, гургэвчи-счид'эн-рэн-дэ, унэт йав-да эсни мудаkra. 'Он каж-

дый день старается работать и работать, но все еще ничего не закончил'.

В этих комбинациях действие воспринимается как повторное, но в замедленном темпе. Приведем ряд примеров сочетаний с суффиксом вида моментального действия -сан-/сэн-, -сн-, -с-.

-л- + -сан-: Гойумчав онакив дэпки мун нинун тутэ-лэсн-ин. 'Навстречу раненой росомaxe рванулась наша собака'. Дэгнэ туркут-тэмдэс бидэй н'ан дэгэ-лэсэн-д'ин, н'ан дод'ин, н'ан дэгэ-лэсэн-д'ин, н'ан дод'ин (Р.с. 16). 'Будто лететь не может, взлетит и сядет, взлетит и сядет' (78).

В приведенных примерах выражается подчеркнутая внезапность начала действия.

-д'- + -сан-: Ноһан, мукалра Нэйэлэн ойчирид'и, аллад'ин би-д'исн-эн. 'Он, поднявшись на вершину кочки, красиво застыл на какое-то мгновение'.

-вач- + -сан-: Тиба-вачисан-д'ин, эвисэнд'ин, амаски-да мучу-д'ин, д'эбдэй айавалми (М.-С. 45). 'Побегаёт, поиграет и назад придет, когда есть захочет' (121).

-рга- + -сан-: Кесчимнэ д'уткий Гинмач эмэ-ргэсн-эн. 'Пастух (дневной) быстро вернулся домой'.

-малчи- + -сан-: Авлайакандула иса-малчисн-аку ай бимчэ (Марш. 17). 'Скорее бы до полянки добраться'; Асикан амрак д'эбэ-мелчисн-эн, бачивав гэнни (Р.с. 34). 'Девочка поскорее съела и спасибо сказала'.

Приведем также примеры сочетаний с аспектуальным показателем -со-, обозначающим неполноту, ослабленность признака действия.

-л- + -со-: Ноһан, тарав д'угулин долдамнин-тит, д'уллэ өринчи-лсорид'и, тек набучид'илрэн. 'Он как только услышал об этом, сперва обрадовавшись, сейчас стал печалиться'.

-ч- + -со-: Эмули, очкий тэти-тсо-дэку. 'Дай-ка (на время) надену (твои) очки'.

-с- + -со-: Мико эрэв инэну, Гивэгинд'эли буйу-ссо-рид'и, эм-рэн. 'Николай пришел сегодня, (немножко) поохотившись по Хивэгинде (название местности)'.

Суффиксы дезидеративности действия не обладают столь широкой возможностью комбинироваться, как суффиксы других семантических групп. Из наиболее характерных комбинаций можно отметить следующие.

-ч- + -мал-: Асикан, тэгэ-чимэл-рид'и, стол анчиндулан илам тэгэнмэю иттэн (Толст. 56). 'Девочка захотела сесть и видит у стола три стула'.

-н(а)- + -мал-: Наһанамна, энэйэ одид'и, эрэгэр мэнэни эту-вэттэн, эсни-дэ икэ-нэмэл-рэ (Толст. 29). 'Портной стал богат и все стерег свои деньги, а петъ уже не стал' (32).

-с- + -мал-: Ноһан некичэрбу буйу-сэмэл-рэн. 'Он захотел поохотиться на уток'.

-сан- + -счи-: Өмнэкэн тарак дэсчи-сэсчи-рин-дэ-тит, тарма нөкэчэм йак-утта илуканни, часки-да нэнукэнин (Арс. 58). 'Один раз он даже пробовал лечь, но что-то принудило лося подняться и идти дальше' (200); Мико Ёоч нэлэлрэн, Н'акитав д'ерид'ин налц'и кэм-нун, иркасасчи-н, мурчи-сасчи-н, тарбач-та туркун. 'Коля очень испугался, обеими руками обхватил дерево, пытался крикнуть и залезть на дерево, но не смог'.

Из комбинаций с суффиксом неопределённого вида особо следует отметить сочетание -ч- + -н(а)-, которое обозначает многократность действия и имеет несколько частных значений.

А. Обозначает повторяющиеся аналогичные действия: Уси эрэгэр гаралдула Ёора-тна-рин. 'Веревка постоянно задевала за сучки'; Ёадун-да би ила-тна-рив... 'Иногда я останавливался'; Билэк эч булдути бис, д'угурма-да өгэрэбэ-тнэ-рин, Ёэссэки тикэ-тнэ-рин-дэ, тэми фонарь-да, делам гиркари Ёогнаригчинни, төртэки-дэ да-гаммоттан, өгэски-дэ өгэрэббөттэн (Арс. 123). 'Так как местность была неровная и тропа то поднималась немного, то опускалась в выбоину, фонарь, согласуясь с движениями таинственного пешехода, тоже то понижался к земле, то поднимался кверху' (245).

Б. Обозначает множество субъектно-объектных отношений или многократность действия. Эта комбинационная основа часто показывает предметную распространённость и множественность действия вообще, например:

Дэгил ач Ёэтнэч дэтлэлд'ур багатматникар, Ёоч иркаритан... Н'ан-да иннаталтан тикэ-тнэ-ритэн (Арс. 41). 'Птицы неистово хлопали крыльями и издавали пронзительные крики... Опять посыпались перья'; Нонан мэлунчирин..., амардадун иманра-ткан Ёэбгэ-тнэ-рин... 'Он прыгнул..., сзади только снежные хлопья влетали...'

Эта комбинация интересна тем, что между формантами не может быть вклинен ни один суффикс, они срослись в единое целое. В принципе даже можно было бы говорить об едином суффиксе -тна-. Эта особенность подчеркивается в тех случаях, когда суффикс -ч-/-т- с корнем (без суффикса -н(а)-) не создает законченную основу, например:

Нонан бу чэлэд'ур ин'имэч көкэ-тнэ-вэту (Арс. 45). 'Сначала мы помирали со смеху'; Ёан-такан оарар Ёэссэки тибаритан, ади-да минутал елтэнчэлэтэн амаски мучу-тна-ри-тан. 'Только некоторые олени убежали вниз, но через несколько минут возвращались обратно'.

Мы ограничились рассмотрением комбинаций с двумя аспектуальными суффиксами. Однако в рамках одной глагольной основы встречаются и более сложные сочетания – от трех до пяти аспектуальных суффиксов. Приведем ряд примеров.

-ч- + -д' + -л- обозначает начало процесса действия, к которому приступают снова (т.е. раньше это действие было, имело место), или начало процесса непрерывного, постоянного действия, например:

Тэгэмэр, атиканни-да илэ-дэ дикэндэвур мулга-чид'ил-ра. 'Царь и жена (его) стали думать, где бы им спрятаться'; Мико д'улай

ин, Һарандула тэгрэн, Мишав алатми тэгэ-чид'илрэн. 'Коля зашел домой, сел на кровать и, ожидая Мишу, стал так сидеть'.

-кач- + -д'- + -л-: Дагрит дэрэмкэрид'и н'ан-да ойчи-качид'ил-ритан. 'Отдохнув немножко, они опять начали взбираться'.

-с- + -ч- + -л-: Элэкэс-тэ көнкэ-сэсчил-рэкэн, тадук н'обатим-риндук д'удук иргатал дэгэлрэ (Б. 18). 'Только она хотела постучаться - вдруг из серого дома вылетели осы' (98).

-ч- + -н(а)- + -л- указывает на начало многократного или множественного действия (вообще), например:

Инэнтэн буйусэмнэ некэчэн далидун дэрэмкэ-тнэл-рэн (Арс. 60). 'С каждым днем охотник начал устраиваться на отдых все ближе и ближе к лосю' и др.

-ч- + -счи- + -л-: Но гору бутэнрэм, тинэптук аран тэгэ-чисчил-рэм. 'Очень долго болею, со вчерашнего дня начал немножко сидеть'.

-с- + -н(а)- + -л- обозначает начало аналогичных многократных действий: Исаг Һогналрин, Һ'акиталдук төрлэ иманра тикэ-тнэл-рин (Арс. 99). 'Лес зашевелился, и с деревьев начал сыпаться снег'; Д'улэгэч Гусев эмэбэ-тнэл-рин (Арс. 47). 'Первым стал отставать Гусев'.

-вач- + -д'- + -л-: Долбо д'орминал, котондула ирид'ур, тэми-вэчид'ил-рэ (Толст. 35). 'Воры ночью вошли в денник и стали шупать'.

-н(а)- + -кач- + -д'-: Сергей городской анчиндулин мэрэлдэнкэчид-дилбу н'арикарбу иттэн (Гол. 79). 'Сергей увидел мальчишек, которые вертелись и прыгали около городского'.

-ч- + -на- + -гра-: указывает на отправление для совершения неоднократного действия:

Пэктэрүмнэл аннакла гургэвчиддылэтэн, би, свободнай время бисэкэн, эрэли бисин төру көйе-тнэгрэ-рэм (Арс. 45). 'Когда стрелки работали на биваке, когда было свободное время, отправился я осматривать окрестность'.

-вач- + -на- + -гра-: Эгд'этэв гэлэтми, баргаг төнэрэлбу эрэли гирка-ватнагра-рам. 'Охотясь на лосей, (обычно) отправлялся ходить вокруг озер, которые находятся по ту сторону реки'.

-д'- + -л- + -вач- обозначает начало какого-то действия, которое обычно повторялось не раз, например:

„Биддэн бугла Но нодуч Иван-тэгэмэр н'арудан“, - эн'инни Һе-валчин' тэлэнэ-д'иллот-тэн (Гол. 9). '„Жил-был на свете прекрасный Иван-царевич...“, - начинала (обычно) шепотом мать'; Тачин-та инэнтэн энэйэду гургэвчи-д'иллет-тэн. 'Каждый день так (он) обычно начинал работать у богача'.

-ч- + -д'- + -вач- обозначает постоянно возобновляющийся процесс какого-то действия или повторяющийся один и тот же процесс:

Маша обеду елэ-чид'д'эт-тэн, избав тэсэд'д'эттэн (Р.с. 10). 'Маша готовила обед и избу прибирала' (78). В этом предложении второй глагол тэсэ-д'д'эттэн имеет то же самое значение, хотя не содержит суффикса -ч-. Этот и другие подобные случаи объясняются тем, что основа „тэстэй“ является неопредельной.

-ч- + -л- + -вач- обозначает начало действий, которые обычно повторяются, например: Ёупкучэклэ бад'икар д'апкандула часла Ёупкучиллет-тэ (Гол. 39). 'Занятия начинались в училище ровно в восемь часов'; Ноһан эһни өһнэмит барагготтан. Сашатки-кана кейэ-чиллеттэн (Ул. 14). 'Он обычно не отвечал сразу, а (каждый раз) начнет смотреть на Сашу'.

-с- + -л- + -вач- обозначает начало обычно совершающихся многократных действий: Эрэв иткав эти һамса бэй эрэгэр кэн'элич буйу-сэллет-тэн (Арс. 58). 'Человек, нарушивший этот обычай, навсегда лишается успеха в охоте' (досл.: (обычно) всегда начинает плохо охотиться).

-кач- + -л- + -вач-: Ноһан һадун-да мундук дикэн-кэчиллет-тэн (Ул. 6). 'Он иногда прятался от нас' (38).

-ч- + -д'ан'- + -вач-: Би һоч набутникан тэгэ-чид'эн'н'өт-тэм (Т. 36). 'Я обычно грустный сживал'.

-рга- + -д'- + -вач- показывает обратный процесс действия, совершающегося неоднократно: Инэһу чөптэрэ ноһан исагли гиркава-чид'д'от-тан, тарма эрэгэр-дэ һаларагдад'и эмэ-ргэд'д'өт-тэн (Арс. 71). 'Целыми днями он бродил по лесу и всегда возвращался с пустыми руками'.

-лга- + -д'- + -вач- показывает процесс не раз совершающегося противоположного действия: Атав мин көчүкэн бийсив ача один, ноһан эн'му һ'уриттэн илча-лгад'д'от-тиван-ткан д'өһчирам. 'Бабушка (моя) умерла, когда я был маленький, помню только, как она обычно расплетала косы матери (моей)'.

-н(а)- + -кач- + -вач-: һадун-да һуклэрил бэйил һогнаватта, тэгэ-һкэччет-тэ-дэ (Гол. 63). 'Иногда сонные люди шевелились, поднимались'.

-сан- + -ч- + -н(а)-: Гойумча д'элгэнкэ һадун бөкэслэ дэсчи-сэтнэ-рин. 'Раненый зверь иногда ложился на льду'.

-рга- + -ч- + -н(а)-: Уд'ил бөһкөлөлдүли, кэһрэлдүли-дэ тэрин-тэкин эвэнки һэһритэн, мэрэлдэһритэн, амаски-да эмэ-ргэтнэ-ритэн (Арс. 71). 'Следы шли по рытвинам и канавам в ту и другую сторону, шли поперек, делали круги и возвращались обратно'.

-лга- + -малчи- + -сан- обозначает кратковременное интенсивное действие, противоположное действию, указанному первичной глагольной основой: Эвенкил орарбур инэ-лгэмэлчисни-д'ур, элбэ-кэлбур тулэд'илритэн (Арс. 14). 'Эвенки быстро развьючили оленей и принялись ставить палатки'.

В современном эвенском языке характерными являются комбинации, состоящие из двух-трех суффиксов. Однако встречаются и более сложные комбинации аспектуальных показателей, состоящих из четырех-шести. Обратимся к примерам.

Комбинация -ч- + -д'- + -л- + -вач- обозначает обычно повторяющийся или возобновляющийся неопредельный процесс действия или состояния, например:

Тадук һ'ан-да до-чид'иллот-тан гарду, буһнид'д'өттэн-дэ. 'Потом опять посидит на ветке и опять ждет, высматривает'.

-ч- + -кач- + -д'- + -л- указывает на начало процесса многократного (иногда поочередного) акта действия:

Нинал уд'илбу носу-ткачид'ил-ритан, би-дэ-мэр пэктэрэвми довад'илрам. 'Собаки начали обнюхивать следы, а я начал заряжать ружье'.

-ч- + -н(а)- + -д'- + -л- указывает на начало процесса многократно повторяющегося действия, например:

Таракам дэги, д'эгэндэдуки Һогардуки мунрукани эникэн мултур, ангидад'и Һогард'и, Һотарандули бакутнарили Һ'атакагли, илэни-дэ оракагли д'ава-тнид'ил-ран (Арс. 38). 'Тогда хищная птица, не выпуская из левой лапы своей добычи, правой на бегу стала хвататься за все, что попадалось по дороге: за стебли растений и сухую траву' (186); Н'уч тэгэмэрэн д'ун уркэлни, окошколни-да мэркэр нипкубэтнэд'ил-ритэн. 'Двери и окна дома русского царя начали сами закрываться'.

-кач- + -д'- + -л- + -вач-: Тар утална туркутивэн уталукачид'иллот-тан (Гол. 34). 'И ему объяснял, что было непонятно' (100).

-н(а)- + -д'- + -л- + -вач- обозначает начало процесса многократного действия, которое обычно повторяется, например:

Эгд'эр тимбэтэл гарал, мэрдукур н'обатив ойур улэрид'ур, нунэл оватта, н'элтэнтэки тис'ачалд'и алмас тогалд'ин эвирич иманра Һултэнд'ин, ойгич Һэссэки чэлэвэн Һ'акитав дассид'ур мэйилдэ-нэд'иллет-тэ (Арс. 68). 'Большие размашистые ветви, сбросив с себя белые капюшоны, сразу распрямлялись и начинали (обычно) качаться, осыпая все дерево сверху донизу снежной пылью'; Атав, нанрав четлэникэн, Һадун икэ-нэд'иллет-тэн. 'Бабушка (моя), обрабатывая шкуру скребком, иногда начинала петь'.

-вач- + -счи- + -д'- + -л- + -со-: Муту нулгэ-вэчисчид'илукэн-со-дэнур-дэтит н'экникэн йами-вут-та орарбур мавкатта (фольк.) 'Хотя, вероятно, (они) только пытаются заставить нас продолжать кочевать, почему-то заставляют забивать оленей'.

-кач- + -счи- + -д'- + -л- + -со-: Удалкан-да инэнэл бисиклэтэн, олранат мунд'ин геникэн, ноһартан, мут эмэсэнд'эддэкэт, олраналбур олги-качисчид'илсо-ритан. 'Когда мы собирались уезжать, несмотря на то, что стояли дождливые дни, они, полагая, что испортится пойманная ими рыба, начинали пытаться высушивать поодиночке каждую рыбешку (зная, что из этой попытки может ничего не получиться)'.

-кач- + -счи- + -д'- + -л- + -со- + -вач-: Энэйэ Һулинд'а оралбан кесчимнэл д'ула илбэритэндутэн, кесчимнэл емэм-дэ орам д'э-бэтчэл бид'ир геникэн, нонан орарби таң-качисчид'илсоват-тан-ткан-н'ун. 'Каждый раз, когда пастухи пригоняют оленей богача Хулинди, он, полагая, что пастухи могли забить какого-нибудь оленя, каждый раз начинал пытаться безуспешно пересчитывать их (хотя он никогда не смог бы пересчитать)'.

Подобное употребление аспектуальных суффиксов является характерной особенностью эвенского языка.

Сочетаемость аспектуальных показателей

Аспектуальный показатель	Фаза дей- ствия			Кратность действия						Направление действия			Интенсивность действия			Дезидера- тивность действия			
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	
последующий	-л	-д'	-ч	-гра	-кач	-вач	-д'ан'	-зан'	-с	-н(а)	-на	-рга	-лга	-сан	-малчи	-со	-м(ал)	-счи	
Фаза действия																			
1. -л						+					+			+					
2. -д'	+					+				+				+					
3. -ч	+	+		+		+	+			+				+			+		+
Кратность дей- ствия																			
4. -гра						+													
5. -кач						+	+								+				+
6. -вач						+	+							+					+
7. -д'ан'						+	+												+
8. -ван'						+	+												+
9. -с						+	+												+
10. -н(а)						+	+												+
Направление действия																			
11. -на	+					+													
12. -рга			+			+	+			+									
13. -лга						+									+				
Интенсивность действия																			
14. -сан						+													+
15. -малчи						+													
16. -со						+													
Дезидератив- ность действия																			
17. -м(ал)	+					+													+
18. -счи	+	+		+		+	+												+

Итак, мы рассмотрели некоторые наиболее распространенные типы комбинаций аспектуальных суффиксов. Вышеизложенное суммарно можно представить в виде таблицы „Сочетаемость аспектуальных показателей“ (табл. 3). В таблице по вертикали помещены аспектуальные показатели, которые предшествуют аспектуальным показателям, расположенным по горизонтали. Таким образом, по горизонтальным линиям знаком + отмечены суффиксы, которые могут следовать за формантом, стоящим в левом столбце. Например, суффиксу -вач-/-вэч- предшествуют все представленные в таблице форманты аспектуальности (графа 6). В свою очередь, за суффиксом -вач-/-вэч- могут находиться те форманты, которые отмечены знаком + по горизонтали 6 (-л-; -д'-/-д-; -гра-/-грэ-; -кач-/-кэч-; -вач-/-вэч-; -д'ан'-/-д'эн-; -на-/-нэ-; -сан-/-сэн-, -со-, -счи-) и т.д.

Согласно нашим наблюдениям, при комбинации аспектуальных показателей не могут занимать последнее место суффикс неопределенного вида -ч-/-т-, суффиксы кратности действия -кач-/-кэч-, -ван'-/-вен'-, -с-; суффикс обратного и противоположного действия -рга-/-ргэ-, -лга-/-лгэ- и, за некоторыми исключениями, суффикс интенсивности -малчи-/-мэлчи-.

В большинстве случаев комбинации замыкаются суффиксами -д'-/-д-, -л-, -вач-/-вэч-, -гра-/-грэ- и отчасти -сан-/-сэн-.

Аспектуальные суффиксы обладают неодинаковой степенью продуктивности с точки зрения комбинационных способностей. Из 18 наиболее употребительных суффиксов аспектуальности, представленных в таблице, большими комбинационными способностями обладают следующие суффиксы: -вач-/-вэч-, который комбинируется со всеми 18 формантами; -д'-/-д-, -ч-/-т- — с 12; -л- — с 13 другими суффиксами. Из показателей видовых классов большим охватом обладают форманты: -счи- (11); -н(а) (8); -с- и -со- (7).

Наименьшей способностью обладают суффиксы -ван'-/-вен'-, -малчи-/-мэлчи-, -гра-/-грэ- и др. Из суффиксов видовых классов сюда можно отнести -лга-/-лгэ-, -рга-/-ргэ-.

Наиболее часто встречающимися и почти универсальными комбинационными сочетаниями можно считать: -д'- + -л-; -ч- + -вач-; -ч- + -д'-; -вач- + -д'-; -вач- + -гра-; -счи- + -гра-; -ч- + -д'- + -л-; -кач- + -д'- + -л-; -малчи- + -сан- и др.

В сложных комбинационных ситуациях чаще встречаются суффиксы -ч-/-т-; -д'-/-д-, -л-; -вач-/-вэч-, -кач-/-кэч- и др.

Таким образом, комбинация аспектуальных суффиксов эвенского глагола является богатейшим арсеналом выражения весьма сложных и тонких оттенков характера протекания действия.

Эвенский язык обладает богатым арсеналом (преимущественно аффиксальных) средств для выражения характера протекания действия. Результаты исследования позволили нам выделить среди них 14 видов (из них 5 форм кратности действия) и 14 видовых классов. Эти аспектуальные показатели в целом весьма употребительны и многозначны. При этом многозначность их зависит от категории П:НП и контекстуального окружения.

Как уже говорилось, аспектуальные формы выделялись и предыдущими исследователями эвенского языка. Они видели свою задачу в выяснении основной семантики данных формантов и рассмотрении их функционирования. Вместе с тем это одна сторона дела. Не менее актуальна другая сторона – интерпретация грамматического статуса, определения их места в системе форм эвенского глагола. Возникает вопрос о причинах и сущности избирательности присоединения тех или иных аффиксов к первичной основе глагола. Важным вопросом является также выяснение соотношения аффиксальных средств со всей системой образования характеристики действия. Не менее актуальна и проблема выяснения аспектуального значения временных форм. Большой интерес представляет также соотношение аспектуальных форм эвенского глагола с аналогичными формами других тунгусо-маньчжурских языков. Каждый из этих вопросов может быть предметом специального исследования. Итоги же нашего исследования позволяют сделать следующие выводы.

Эвенский язык характеризуется своей особой системой видов и видовых классов.

Первичная основа глагола с нулевым видовым показателем в контексте обозначает два различных значения, связанных с завершенностью и незавершенностью процесса действия, каждый из которых имеет свои частные значения. Эти значения находятся в прямой зависимости от категории предельности и неопределенности.

Аспектуальные формы эвенского глагола в семантическом отношении образуют стройную систему характеристики протекания действия, которая образует шесть групп: 1) фазы действия, 2) кратность действия, 3) направление действия, 4) интенсивность действия, 5) дезидеративность действия, 6) имитация действия.

Аспектуальные формы эвенского глагола обладают рядом свойств, приближающих их к грамматическим категориям. Сюда относятся: специальный грамматический показатель, максимальный охват глагольной лексики, т.е. независимость формантов от лексических групп глаголов, относительная независимость от контекста, независимое выражение своих основных аспектуальных значений от времени и наклонения, незаменяемость суффиксов аспектуальности в выражении основных своих значений и широкая употребительность их. Суффиксы, обладающие вышеперечисленными свойствами и относящиеся к аспектуальной характеристике протекания действия, нами названы видовыми суффиксами (формантами).

Видом эвенского глагола называем такую категорию, которая выражается путем аффиксального усложнения первичной глагольной основы, вследствие чего новая основа приобретает дополнительные оттенки значения, связанные с представлением о характере протекания действия.

По типу видовое образование в основном морфологическое, т.е. суффиксальное. Исключение составляет вид имитации действия, выражаемый аналитической конструкцией.

Как структурно-грамматический тип виды эвенского глагола образуются путем типичных и регулярных модификаций глагольной основы. Эти изменения не влияют на семантику первичной основы, а дополняют только видовым значением. Поэтому видовое образование эвенского глагола следовало бы называть основоизменятельным, но не „словоизменятельным“ и не „словообразовательным“.

В эвенском языке имеется аналогичная с видами абстракция аспектуальности, отличающаяся от видов своей зависимостью от лексических групп глаголов и меньшим охватом глагольной лексики. Их выделяем как видовые классы. Видовыми классами эвенского глагола называем такие абстракции аспектуальности, которые имеют специальные грамматические показатели, относительно независимые от времени и наклонения, от контекста, имеющие ограниченный охват глагольной лексики, выражающие представление о характере протекания глагольного действия. В других тунгусо-маньчжурских языках аналогичные некоторым из этих видовых классов образования могут иметь широкий охват глагольной лексики, т.е. быть видом глагола; например, суфф. *-рга-/-ргэ-* обладает широким охватом лексики в негидальском, нанайском, ульчском, удэйском языках.

Категория предельности и неопределенности в эвенском языке является грамматикализованной (а не чисто лексической) категорией, отчасти имеющей специальный грамматический показатель (суфф. *-ч-/-т-, -чи-*). Таким образом, категория П:НП в эвенском языке составляет категориальную оппозицию, сильным членом которой является неопределенность. Нами в работе она названа „неопределенным видом“.

Виды эвенского глагола обладают частными значениями, которые „определяются условиями функционирования глагольных форм“.

или ином контексте".¹ Так, по нашим данным, общий вид и вид обычного действия (суфф. -вач-/-вэч-) имеют по шесть частных значений; вид моментального действия (суфф. -сан-/-сэн-) — пять; конкретно-процессуальный вид (суфф. -д'-/-д-) и вид неоднократного действия (суфф. -гра-/-грэ-) — по четыре; начинательный (суфф. -л-), повторно-замедленный (суфф. -д'ан'-/-д'эн'-) и отправительный (суфф. -на-/-нэ-) виды — по три; неопределенный вид (суфф. -ч-/-т-) и вид многократного действия (суфф. -кач-/-кэч-) — по два частных значения.

Образование аспектуальных основ достигается присоединением к первичной глагольной основе более 20 различных суффиксов. Это само по себе является богатейшим арсеналом выражения различных оттенков характера протекания действия. Однако еще большая возможность в этом плане достигается путем разнообразных комбинаций аспектуальных суффиксов в рамках одной глагольной основы. Под комбинацией аспектуальных суффиксов имеем в виду взаимопереплетение суффиксов видов и видовых классов в рамках одной глагольной основы. Комбинационная способность видовых формантов выше, чем показателей видовых классов.

Так, из приведенных в работе около 90 наиболее употребительных комбинаций более половины приходится на комбинации с видовыми формантами -вач-/-вэч-, -д'-/-д-, -л- и -гра-/-грэ-.

Имеются различия между аспектуальными показателями и в местонахождении в комбинациях. Суффиксы видов неопределенного -ч-/-т-, кратности действия -кач-/-кэч-, -ван'-/-вэн'-, -с-, обратного и противоположного действия -рга-/-ргэ-, -лга-/-лгэ- и, за некоторыми исключениями, суффикс вида интенсивности действия -малчи-/-мэлчи- в комбинациях не могут занимать последнее место. В большинстве случаев замыкающими в комбинациях являются суффиксы -л-, -д'-/-д-, -гра-/-грэ-, -вач-/-вэч- и др.

Наиболее часто встречающимися комбинациями являются: -ч- + -д'-, -д'- + -л-, -ч- + -вач-, -вач- + -гра-, -счи- + -гра-, -малчи- + -сан-, -ч- + -д'- + -л-, -кач- + -д'- + -л- и др.

В одной глагольной основе может быть до шести только аспектуальных суффиксов.

Суффиксы видов и видовых классов, как уже давно установлено исследователями тунгусо-маньчжурских языков, образуют второбразные (простые и сложные) основы. В связи с этим для отграничения от других основообразующих суффиксов целесообразно было бы ввести понятие „видовой основы“ глагола эвенского языка.

¹ М а с л о в Ю.С. Глагольный вид в современном болгарском литературном языке (значение и употребление). — В кн.: Вопросы грамматики болгарского литературного языка. М., 1959.

А в е р ь я н о в А.П. Лексическое и грамматическое значение префиксальных глаголов в современном русском языке. — В кн.: Некоторые вопросы лексики и грамматики русского языка и методики его преподавания иностранцам. Л., 1966, вып. 3.

А в и л о в а Н.С. Двувидовые глаголы с заимствованной основой в русском литературном языке нового времени. — ВЯ, 1968, № 5.

А в и л о в а Н.С. О категории вида в современном русском литературном языке. — РЯНШ, 1959, № 4.

А в р а м о в В.М. Некоторые теоретические вопросы сопоставительного изучения видо-временных систем в современной зарубежной лингвистике. — Уч. зап. МПНИИЯ им. Мориса Тореза, 1966, т. 35.

А в р о р и н В.А. Грамматика нанайского языка, т. I. Фонетическое введение и морфология именных частей речи. М.—Л., 1959; т. II. Морфология глагольных и наречных частей речи, междометий, служебных слов и частиц. М.—Л., 1961.

А в р о р и н В.А. О категории времени и вида в нанайском языке. — В кн.: Язык и мышление, т. XI. М., 1948.

А в р о р и н В.А. О категории времени и вида в маньчжурском языке. — Изв. АН СССР, ОЛЯ, 1949, т. VIII, вып. 1.

А в р о р и н В.А., Л е б е д е в а Е.П. Ороцкий язык. — В кн.: Языки народов СССР, т. X. Л., 1968.

А л и е в а З.И. Категория глагольного вида в азербайджанском языке. Автореф. канд. дис. М., 1959.

Б а л и н Б.М. Немецкий аспектологический контекст в сопоставлении с английским. Калинин, 1969.

Б а с к а к о в Н.А. Каракалпакский язык, ч. II. Фонетика и морфология. М., 1952.

Б а х м у т о в а Е.А. Развитие видовой соотносительности в русском языке. Видовые пары, образованные путем префиксации. Казань, 1962.

Б о г о р а з В.Г. Материалы по ламутскому языку. — Тунгусский сборник, I. Л., 1931.

Б о г о р о д и ц к и й В.А. Введение в татарское языкознание в связи с другими тюркскими языками. Казань, 1934.

Б о й ц о в а А.Ф. Сравнительная характеристика времени и видов эвенкийского и русского глаголов. — В кн.: Очерки по методике преподавания русского и родного языков в национальной школе. М., 1954.

Б о н д а р к о А.В. Опыт общей характеристики видового противопоставления русского глагола. — Уч. зап. Ин-та славяноведения АН СССР, 1962, т. XXIII.

Б о н д а р к о А.В. Проблема функционально-семантических категорий. — ВЯ, 1967, № 2.

Б о н д а р к о А.В. Система времен русского глагола (в связи с проблемой функционально-семантических и грамматических категорий). Автореф. докт. дис. Л., 1968.

Б о н д а р к о А.В. Общие и частные значения грамматических форм. — ВЯ, 1968, № 4.

Б о н д а р к о А.В. Вид и время русского глагола (значение и употребление). М., 1971.

Б о н д а р к о А.В. Виды глагола и способы действия в русском языке. — РЯНШ, 1971, № 2.

- Бондарко А.В. Грамматическая категория и контекст. Л., 1971.
- Бондарко А.В., Буланин Л.Л. Русский глагол. Л., 1967.
- Бородич В.В. К вопросу о формировании совершенного и несовершенного видов в славянских языках. – ВЯ, 1953, № 6.
- Быкова Л.А. О видовой соотносительности приставочных глаголов несовершенного вида со значением сложного длительного действия. – Уч. зап. Харьковского гос. ун-та, т. 109. Труды филол. ф-та, 1960, т. 8.
- Василевич Г.М. Учебник эвенкийского (тунгусского) языка, Л., 1934.
- Василевич Г.М. Очерк грамматики эвенкийского (тунгусского) языка. Л., 1940.
- Василевич Г.М. Очерки диалектов эвенкийского (тунгусского) языка. Л., 1948.
- Василевич Г.М. Эвенкийско-русский словарь. С приложением и грамматическим очерком эвенкийского языка. М., 1958.
- Васильев В.М. Видовые свойства глаголов в марийском языке. – В кн.: Некоторые вопросы марийского языкознания. Козьмодемьянск, 1948.
- Виноградов В.В. Русский язык. (Грамматическое учение о слове). Изд. 2. М., 1972.
- Волосова З.П., Калабина С.И., Кессельман И.С., Кокин А.М., Литвин Ф.А., Токмакова Т.С., Уман Л.М., Шерстова Е.М. К вопросу о грамматической категории вида. – В кн.: Научная конференция „Проблемы синхронного изучения грамматического строя языка“. – Тезисы докладов и сообщений. М., 1965.
- Вопросы грамматики тюркских языков. Алма-Ата, 1958.
- Ганиев Ф.А. Видовая характеристика глаголов татарского языка. Казань, 1963.
- Гейн Н.В. О категории вида в русском и немецком языках. – Труды ВНИИЯ, М., 1952.
- Гладкова Н.И. Наречия времени в эвенкийском языке. Автореф. канд. дис. Л., 1970.
- Головин Б.Н. О приставочных формах выражения внутривидовых значений в современном русском глаголе. – Уч. зап. Московск. пед. ин-та. М., 1952, т. 64, вып. 3.
- Головин Б.Н. Соотносительность глагольных основ и вопрос о месте вида в форме и словообразовании современного русского языка. – Уч. зап. Вологодск. пед. ин-та, 1958, т. 22.
- Горцевская В.А. Характеристика говора Баргузинских эвенков. Л., 1936.
- Горцевская В.А. Формы отрицания в эвенкийском языке. Л., 1941.
- Горцевская В.А. Очерк истории изучения тунгусо-маньчжурских языков. Л., 1959.
- Грамматика бурятского языка. Фонетика и морфология. М., 1962.
- Грамматика русского литературного языка, ч. 1. М., 1952.
- Грамматика русского языка, т. 1. Фонетика и морфология. Изд-во АН СССР, М., 1960.
- Грамматика современного русского литературного языка. Изд-во „Наука“, М., 1970.
- Григорян С.С. Видовые соотношения приставочных глаголов в современном русском языке. – Сб. научных трудов Ереванского арм. пед. ин-та. Сер. русск. яз., 1963, № 1.
- Гусева Е.К. Система видов в современном корейском языке. М., 1961.

- Д е м и д е н к о Л.П. Способы выражения начала глагольного действия в русском языке. - Уч. зап. ЛГПИ им. А.И. Герцена, 1953, т. 248.
- Д о л г о п о л ь с к и й А.Б. Категория вида в русском языке и вероятностный характер связи означаемого с означающим. - В кн.: Проблемы структурной лингвистики. М., 1973.
- Д о л и н и н а И.Г. Вопросы описания категории предельности в системе глагола. Нальчик, 1963.
- Д о л и н и н а И.Г. Предельность в языке и ее философское обоснование. Нальчик, 1961.
- Е с п е р с е н О. Философия грамматики. Пер. с англ. М., 1958.
- З а х а р о в И. Грамматика маньчжурского языка. СПб., 1879.
- К а л и н и н И.А. О некоторых различиях в употреблении видов глагола. - Уч. зап. Горьковск. пед. ин-та, 1955, т. 16.
- К о д у х о в В.И. Грамматические и понятийные значения. - В кн.: Материалы по русско-славянскому языкознанию. Воронеж, 1963.
- К о л е с н и к о в а В.Д. Основные черты фонетики и морфологии подкаменно-тунгусских говоров. - Уч. зап. ЛГПИ им. А.И. Герцена. Л., 1954, т. 101.
- К о л е с н и к о в а В.Д., К о н с т а н т и н о в а О.А. Негидальский язык. - В кн.: Языки народов СССР, т. V. Л., 1968.
- К о н о н о в А.Н. Грамматика современного узбекского литературного языка. М.-Л., 1960.
- К о н с т а н т и н о в а О.А. Эвенкийский язык. Фонетика и морфология. М.-Л., 1964.
- К о н с т а н т и н о в а О.А. Эвенкийский язык. - В кн.: Языки народов СССР, т. V. Л., 1968.
- К о н с т а н т и н о в а О.А., Л е б е д е в а Е.П. Эвенкийский язык. Учебное пособие для педучилищ. Л., 1953.
- К о т в и ч Вл. Материалы для изучения тунгусских наречий (с приложением образцов языка сунгарийских гольдов). - Живая старина, СПб., 1909, вып. II-III.
- К о т в и ч Вл. Исследование по алтайским языкам. Пер. с польск. М., 1962.
- К о ш м и д е р Э. Турецкий глагол и славянский глагольный вид. - В кн.: Вопросы глагольного вида. М., 1962.
- К р е й н о в и ч Е.А. Юкагирский язык. М.-Л., 1958.
- К р е й н о в и ч Е.А. Глагол кетского языка. Л., 1968.
- Л е б е д е в В.Д. Момский говор эвенского языка. Канд. дис. Л., 1970.
- Л е б е д е в а Е.П. О сложных словообразовательных аффиксах в тунгусо-маньчжурских языках. - В кн.: Вопросы языка и литературы. Вып. 1, ч. 2. Новосибирск, 1966.
- Л е в и н В.И. Самоучитель эвенского языка. М.-Л., 1935.
- Л е в и н В.И. Краткий эвенско-русский словарь. С приложением грамматического очерка. Л., 1936.
- Л и м а р ь Л.С. Некоторые соображения относительно вида как категории. - НДВШ. Сер. Филол. науки. 1961, № 2.
- М а з о н - А. Вид в славянских языках (принципы и проблемы). Доклад, представленный французской делегацией на IV Международном съезде славистов. М., 1958.
- М а к о в с к и й М.М. О "лексическом" выражении видовой дихотомии в германских языках. - НДВШ, Сер. Филол. науки. 1967, № 3.
- М а с л о в Ю.С. Вид и лексическое значение глагола в русском литературном языке. - ОЛЯ, 1948, т. XII, вып. 4.

М а с л о в Ю.С. Вопросы происхождения глагольного вида. Доклад на IV Международном съезде славистов. – ВЯ, 1959, № 2.

М а с л о в Ю.С. Глагольный вид в современном болгарском литературном языке (значение и употребление). – В кн.: Вопросы грамматики болгарского литературного языка. М., 1959.

М а с л о в Ю.С. Вопросы глагольного вида в современном зарубежном языкознании. – В кн.: Вопросы глагольного вида. М., 1962.

М а с л о в Ю.С. Роль так называемой перфективации и имперфективации в процессе возникновения славянского глагольного вида. М., 1958.

М а с л о в Ю.С. Значение данных болгарского языка для общей теории славянского глагольного вида. – В кн.: Славянское языкознание. Доклады советской делегации на V Международном съезде славистов. М., 1963.

М а с л о в Ю.С. Морфология глагольного вида в современном болгарском литературном языке. М.–Л., 1963.

М а с л о в Ю.С. Заметки о видовой дефективности (преимущественно в русском и болгарском языках). – В кн.: Славянская филология. Л., 1964.

М а с л о в Ю.С. Система основных понятий и терминов славянской аспектологии. – В кн.: Вопросы общего языкознания. Л., 1965.

М а х е к В. О происхождении категории вида в славянских языках. Резюме. – В кн.: Славянская филология. IV Международный съезд славистов. М., 1958.

М е н о в ш и к о в Г.А. Грамматика языка азиатских эскимосов, ч. II. Л., 1967.

М е ш а н и н о в И.И. Глагол. М.–Л., 1948.

М е ш а н и н о в И.И. Соотношение логических и грамматических категорий. – В кн.: Язык и мышление. М., 1967.

М и х а й л о в М.С. Перифрастические формы и категории вида в турецком языке. М., 1957.

М о л о ш н а я Т.Н. О категории вида русского глагола в работах Ю.С. Маслова и А.В. Исаченко. – В кн.: Лингвистические исследования по общей и славянской типологии. М., 1966.

М о р к о в и н а Н.В. К проблеме изучения дистрибуций предельных и неопредельных глаголов в современном немецком языке. – Уч. зап. Калининск. пед. ин-та, 1967, т. 59.

М у ч н и к И.П. Развитие системы двувидовых глаголов в современном русском языке. – ВЯ, 1966, № 1.

М у ч н и к И.П. Грамматические категории глагола и имени в современном русском литературном языке. М., 1971.

М ы л ь н и к о в а К.М., Ц и н ц и у с В.И. Материалы по исследованию негидальского языка. – В кн.: Тунгусский сборник, I. Л., 1931.

Н а с и л о в В.М. К вопросу о грамматической категории вида в тюркских языках. – Труды МНВ, М., 1947, т. 4.

Н а с и л о в Д.М. О способах выражения видовых значений в алтайских языках. – В кн.: Проблема общности алтайских языков. Л., 1971.

Н а с и л о в Д.М. Формы выражения способов глагольного действия в алтайских языках. – В кн.: Очерки сравнительной морфологии алтайских языков. Л., 1978.

Н г у е н – Н а м. Функционирование видов русского глагола (частные видовые значения в рамках изъявительного наклонения) и аспектуальность во вьетнамском языке. Автореф. канд. дис. Л., 1972.

Н е ф е д о в В.Ю. О некоторых лингвистических возможностях различия предельности / неопредельности в немецком глаголе. – Уч. зап. Калининск. пед. ин-та, 1968, т. 59.

- Новикова К.А. Ольский говор эвенского языка. Канд. дис. ЛГУ, Л., 1948.
- Новикова К.А. Основные особенности эвенских говоров Якутской АССР. — Доклады и сообщения Ин-та языкознания АН СССР, 1958, вып. XI.
- Новикова К.А. Очерки диалектов эвенского языка. Ольский говор, ч. I. М.-Л., 1960.
- Новикова К.А. Эвенский язык. — В кн.: Языки народов СССР, т. V. Л., 1968.
- Орлов А. Грамматика маньчжурского языка. СПб., 1873.
- Панов М.В. Русский язык. — В кн.: Языки народов СССР, т. I. Индоевропейские языки. М., 1966.
- Панфилов В.З. Грамматика нивхского языка, ч. II. М.-Л., 1965.
- Пашков Б.К. Маньчжурский язык. М., 1963.
- Пепинова С.А. Структурно-семантические (видо-временные) особенности форм прошедшего времени в немецком и азербайджанском языках. Баку, 1966.
- Петрова Т.И. Краткий нанайско-русский словарь. С приложением грамматического очерка. Л., 1935.
- Петрова Т.И. Ульчский диалект нанайского языка. Л., 1936.
- Петрова Т.И. Очерк грамматики нанайского языка. Л., 1941.
- Петрова Т.И. Нанайско-русский словарь. Л., 1960.
- Петрова Т.И. Орокский язык. — В кн.: Языки народов СССР, т. V. Л., 1968.
- Петрова Т.И. Язык ороков (ульта). Л., 1967.
- Поппе Н.Н. Материалы по солонскому языку. Л., 1931.
- Потебня А.А. Из записок по русской грамматике, т. IV. М.-Л., 1941.
- Расмуссен Л.П. О глагольных временах. — Журнал Министерства народного просвещения. М., 1891, июль.
- Рамстедт Г.И. Введение в алтайское языкознание. Пер. с нем. Под ред. и с предисл. Н.А. Баскакова. М., 1957.
- Рачков Г.Е. Предельные глаголы в корейском языке. — Учен. зап. ЛГУ, 1962, № 306.
- Реформатский А.А. Дихотомическая классификация¹ дифференциальных признаков и фонематическая модель языка. — В кн.: Вопросы теории языка в современной зарубежной лингвистике. М., 1961.
- Ришес Л.Д. Арманский диалект эвенского языка. (Очерк грамматики, тексты и словарь). Канд. дис. Л., 1947.
- Ройзензон Л.И. Существуют ли чисто видовые приставки в славянских языках. — В кн.: Научная конференция по языкознанию (к 75-летию проф. Е.Д. Поливанова). Самарканд, 1966.
- Романова А.В., Мыреева А.Н. Очерки токкинского и томпонского диалектов. Л., 1962.
- Романова А.В., Мыреева А.Н. Очерки учурского, майского и тотгинского говоров. М.-Л., 1964.
- Ромм З.М. К вопросу категории предельности. — Уч. зап., I МГПИИЯ, М., 1959, т. XXIII.
- Санжеев Г.Д. Сравнительная грамматика монгольских языков. Глагол. М., 1964.
- Семеновна Р.В. О некоторых особенностях категории вида в глагольных фразеологических единицах. — В кн.: Вопросы языкознания, ч. I. Уч. зап. Мордовск. ун-та, Саранск, 1970, вып. 86.
- Серебрянников Б.А. Проблемы глагольного вида в тюркских языках. — В кн.: Вопросы грамматики тюркских языков. Алма-Ата, 1958.

Серебряников Б.А. О категории времени и вида в финно-угорских языках пермской и волжской групп. М., 1960.

Сигалов П.С. Две группы русских инхоативных глаголов. — НДВШ, Сер. Филол. науки. 1962, № 4.

Сидоров С.А. Синтаксические и лексико-семантические формы выражения глагольного вида в коми языке. — Лингвистический сборник, № 1. Сыктывкар, 1952.

Смирницкий А.И. Лексическое и грамматическое в слове. — В кн.: Вопросы грамматического строя. М., 1955.

Смирницкий А.И. Морфология английского языка. М., 1959.

Смирнов Л.Н. Глагольное видообразование в современном словацком литературном языке. М., 1970.

Спагис А.Е. Образование и употребление видов глагола в русском языке. М., 1961.

Стрекалова З.Н. Из истории польского глагольного вида. М., 1968.

Суник О.П. О типах основ и окончаний слова в тунгусо-маньчжурских языках. — Советское востоковедение, 1957, № 6.

Суник О.П. Кур-урмийский диалект. Исследования и материалы по нанайскому языку. Л., 1958.

Суник О.П. О морфологическом составе слова в агглютинативных языках. — Изв. АН СССР. ОЛЯ, 1958, т. 17, вып. 4.

Суник О.П. Тунгусо-маньчжурские языки. — В кн.: Младописьменные языки народов СССР. М.-Л., 1959.

Суник О.П. Глагол в тунгусо-маньчжурских языках. Морфологическая структура и система глагольного слова. М.-Л., 1962.

Суник О.П. Удэгейский язык. — В кн.: Языки народов СССР, т. V. Л., 1968.

Суник О.П. Ульчский язык. — В кн.: Языки народов СССР, т. V. Л., 1968.

Тронский И.М. Заметки о видо-временной системе латинского глагола. — В кн.: Вопросы грамматики. К 75-летию акад. И.И. Мещанинова. М.-Л., 1960.

Турчанинов Г.Ф. О категории вида в черкесском языке. — Изв. АН СССР. ОЛЯ, 1949, т. XIII, вып. 3.

Уюкбаев И.К. Категория глагольного вида в современном казахском языке. Автореф. канд. дис. Алма-Ата, 1954.

Фомина Н.П. Способы выражения характера протекания действия (состояния) в немецком языке. — Учен. зап. ЛГПИ им. Герцена, Л., 1967, т. 318.

Харисов А.И. Категория глагольного вида в башкирском языке. Уфа, 1944.

Харитонов Л.Н. Формы глагольного вида в якутском языке. М.-Л., 1960.

Холодович А.А. О предельных и непредельных глаголах (по данным корейского и японского языков). — В кн.: Филология стран Востока. Л., 1963.

Цинциус В.И. Краткий конспект эвенской (ламутской) грамматики в 20 схемах и таблицах. Стеклограф. Изд. Ин-та Севера, на правах рукописи. Л., 1931.

Цинциус В.И. Эвенский (ламутский) язык. Грамматика. (Фонетика и морфология). Канд. дис. Л., 1941.

Цинциус В.И. Причастие в тунгусских языках. — В кн.: Научная сессия ЛГУ, 1946. Тезисы докл. на секции востоковедения. Л., 1946.

Цинциус В.И. Эвенский (ламутский) язык. — Учен. зап. ЛГУ, Сер. Филол. науки, 1946.

- Ц и н ц и у с В.И. Очерк грамматики эвенского (ламутского) языка, ч. I. Л., 1947.
- Ц и н ц и у с В.И. Очерк морфологии ороцкого языка. - Учен. зап. ЛГУ. Сер. востоковедч. наук. 1949, № 98, вып. 1.
- Ц и н ц и у с В.И. Сравнительная фонетика тунгусо-маньчжурских языков. Л., 1949.
- Ц и н ц и у с В.И. Порядок и иерархия аффиксов в агглютинативных языках (по материалам тунгусо-маньчжурской группы). - В кн.: Морфологическая типология и проблема классификации языков. М.-Л., 1965.
- Ц и н ц и у с В.И., Г о р ц е в с к а я В.А. Изучение тунгусо-маньчжурских языков Советского Союза за 40 лет. - Уч. зап. ЛГПИ им. А.И. Герцена, 1960, т. 167.
- Ц и н ц и у с В.И., Р и ш е с Л.Д. Русско-эвенский словарь. С приложением грамматического очерка эвенского языка. М., 1952.
- Ц и н ц и у с В.И., Р и ш е с Л.Д. Эвенско-русский словарь. Л., 1957.
- Ч е р е м и с о в К.М. Заметки по бурят-монгольскому языку. - Бурят-монг. НИИ языка, литературы и истории, I. Улан-Удэ, 1939.
- Ч е р н о в а В.В. К вопросу о способах действия. - В кн.: Филологический сборник. Алма-Ата, 1964.
- Ш а п и р о М.А. Видовые пары глаголов в русском языке. - Учен. зап. Тираспольск. пед. ин-та, Кишинев, 1956.
- Ш а р и п о в Г.Ш. Категория глагольного вида в современном узбекском языке. - Автореф. канд. дис. М., 1945.
- Ш и р о к о в а А.Г. Многократные глаголы в чешском языке. - Автореф. докт. дис. М., 1966.
- Ш и р о к о в а А.Г. Способы выражения многократности в чешском языке (в сравнении с другими славянскими языками). - Вестник ЛГУ, серия УИ. 1966, № 1.
- Ш н е й д е р Е.Р. Краткий удэйско-русский словарь. С приложением грамматического очерка. Л., 1936.
- Ю л д а ш е в А.А. Категория глагольного вида в башкирском языке. - В кн.: Вопросы грамматического строя. М., 1955.
- Я к о б с о н Р.О. Шифтеры, глагольные категории и русский глагол. - В кн.: Принципы типологического анализа языков различного строя. М., 1972.
- Я р ц е в а В.Н. Длительные времена и проблема вида в английском глаголе. - Учен. зап. ЛГУ. Сер. Филол. науки, Л., 1941, № 58, вып. 5.
- Я х о н т о в С.Е. Категория глагола в китайском языке. Л., 1957.
- B e n z i n g J. Lamutische Grammatik. Bibliographie, Sprachproben und Glossar. Wiesbaden, 1955.
- B e n z i n g J. Die tungusischen Sprachen. Versuch einer vergleichenden Grammatik. Wiesbaden, 1956.
- C a s t r é n A. Grundzüge einer tungusischen Sprachlehre nebst kurzem Wörterverzeichnis. Herausgegeben von Anton Schiefner. 1856.
- M e n g e s K. Die tungusischen Sprachen. - Handbuch der Orientalistik, Abt. I. Bd. V. Leiden-Köln, 1968.
- S c h i e f n e r A. Baron Gerhard von Maydel's tungusische Sprachproben. - Mélanges Asiatiques, 6, VII, St. - Pb., 1874.
- S c h i e f n e r A. Beiträge zur Kenntnis der tungusischen Mundarten. - Mélanges Asiatiques, 6, III, St.-Pb., 1859.

- Арс. - А р с е н ь е в В.К. Исагла бакалдадякал. Встречи в тайге. На эвенский язык перевели А. Дьячков, В. Лебедев. Ред. Б.Л. Кронгауз. Л., 1954.
- Б. - Б и а н к и В. Тэлэнэл, нимкар-да. Рассказы и сказки. На эвенский язык перевели И.Ф. Березин и А.К. Дьячков. Ред. Б.Л. Кронгауз. Л., 1955.
- Гол. - Г о л у б е в а А. Сережа Костриков дюгулин тэлэнэл. Рассказы о Сереже Кострикове. На эвенский язык перевела А.И. Фролова. Ред. В.И. Цинциус. Л., 1950.
- Губ. - Г у б а р е в. Павлик Морозов. На эвенский язык перевел В.Д. Лебедев. Ред. Б.Л. Кронгауз. Л., 1955.
- Кон. - К о н о н о в А. Ленин дюгулин тэлэнэл. Рассказы о Ленине. На эвенский язык перевели П.А. Черкачев, Е.Н. Черканова. Ред. В.И. Цинциус. Л., 1959.
- Кос. - К о с м о д е м ь я н с к а я Л. Зоя. На эвенский язык перевел К. Уяган. Ред. Б.Л. Кронгауз. Л., 1954.
- Марш. - М а р ш а к С. Мен-дюр аткекан. Аннамта аннан немканни. Двенадцать месяцев. На эвенский язык перевел Б.Л. Кронгауз. Ред. М.П. Тихонов. Л., 1949.
- М.-С. - М а м и н - С и б и р я к Д.Н. Тэлэнэл. Рассказы. На эвенский язык перевела А.И. Фролова. Ред. К.А. Новикова. Л., 1950.
- Р.с. - Нючидыл немкар. Русские сказки. Сборник составил Г.П. Васильев. На эвенский язык перевела А.И. Фролова. М.-Л., 1951.
- Сем. - С е м у ш к и н Т. Талеко, ноан-да качиканни Лилит. На эвенский язык перевели И. Бабцев, В. Лебедев. Ред. Б.Л. Кронгауз. М.-Л., 1953.
- Сузд. - С у з д а л о в Х.А. Мут төрэнэт делгэнкэлни, дегилни-дэ. Звери и птицы родного края. Ред. В.И. Цинциус. Л., 1958.
- Т. - Т а р а б у к и н Н.С. Мин бинив. Моя жизнь. Магадан, 1959.
- Толст. - Т о л с т о й Л.Н. Азбукадук тэлэнэл. На эвенский язык перевела А. Фролова. Ред. Б.Л. Кронгауз. Л., 1949.
- Ул. - У л ь я н о в А.И. Ильич хунарапални, хупкучэкэрэпэлни-да аннанакални. Детские и школьные годы Ильича. На эвенский язык перевел К.И. Уяган. Ред. Б.Л. Кронгауз. Л., 1955.
- Уш. - У ш и н с к и й К.Д. Тэлэнэл, немкар-да. Рассказы и сказки. На эвенский язык перевел Б.Л. Кронгауз. Л., 1951.
- Е.Чар. - Ч а р у ш и н Е. Делгэнкэл хурэлнюр. На эвенский язык перевел Б.Л. Кронгауз. М.-Л., 1951.
- Черк. - С е р к а н о в А. Нукси п'эвтэ. Черканов А. Горячие ключи. Подготовлен к печати В.И. Цинциус. М.-Л., 1937.
- Э.Н. - Эвэдыл немкар. Эвенские сказки. Под ред. Б. Кронгауза. Л., 1939.

	Стр.
ВВЕДЕНИЕ	3
§ 1. О некоторых вопросах аспектологии	3
§ 2. К истории изучения категории вида в эвенском и других тунгусо-маньчжурских языках	10
Г л а в а I. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА КАТЕГОРИИ ВИДА ЭВЕНСКОГО ГЛАГОЛА	16
Г л а в а II. ВИДЫ И ВИДОВЫЕ КЛАССЫ	32
§ 1. Общий (совершенный) вид	32
Ф а з ы д е й с т в и я	42
§ 2. Начинательный вид (суфф. -л-)	43
§ 3. Видовой класс, обозначающий исходность действия (суфф. -сан-/ -сэн-, -си-, -с-)	45
§ 4. Конкретно-процессуальный (несовершенный) вид (суфф. -д'-/ -д-, -д'ид'-/ -д'ид-)	46
§ 5. Непредельный вид (вид продолженного действия) (суфф. -ч-/ -т-, -чи-)	50
К р а т н о с т ь д е й с т в и я	52
§ 6. Вид неоднократного действия (суфф. -гра-/ -грэ-)	52
§ 7. Вид многократного действия (суфф. -кач-/ -кэч-)	55
§ 8. Вид обычного действия (суфф. -вач-/ -вэч-)	56
§ 9. Вид повторно замедленного действия (суфф. -д'ан'-/ -д'эн'-)	60
§ 10. Вид изредка совершаемого действия (суфф. -ван'-/ -вэн', -ин'-)	61
§ 11. Видовой класс, характеризующийся суффиксом -с-	63
§ 12. Видовой класс, характеризующийся суффиксом -у-	64
§ 13. Видовой класс, характеризующийся противопоставлением узкого гласного и широкому а/э	65
§ 14. Видовой класс, характеризующийся суффиксами -к- и -м-	65
§ 15. Видовой класс, характеризующийся суффиксом -н-, -на-/ -нэ-	66
Н а п р а в л е н и е д е й с т в и я	68
§ 16. Отправительный вид (суфф. -на-/ -нэ-)	68
§ 17. Видовой класс, характеризующийся суффиксом -рга-/ -ргэ-	71
§ 18. Видовой класс, характеризующийся суффиксом -лга-/ -лгэ-, -г-	73
§ 19. Видовой класс, характеризующийся суффиксом -нас-/ -нэс-	73
И н т е н с и в н о с т ь д е й с т в и я	75
§ 20. Вид моментального действия (суфф. -сан-/ -сэн-, -си-, -с-)	76
§ 21. Интенсивный вид (суфф. -малчи-/ -мэлчи-)	78
§ 22. Видовой класс, характеризующийся суффиксом -счи-	80
§ 23. Видовой класс, характеризующийся суффиксом -со-	80

Дезидеративность действия	81
§ 24. Желательный вид (суфф. -м-)	81
§ 25. Видовой класс, характеризующийся суффиксом -мал-/ -мэл-	82
§ 26. Видовой класс, характеризующийся суффиксом -счи-	83
Имитация действия	84
§ 27. Вид имитации действия	84
Глава III. ХАРАКТЕРНЫЕ СЛУЧАИ КОМБИНАЦИЙ АСПЕКТУ- АЛЬНЫХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ ЭВЕНСКОГО ЯЗЫКА	88
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	101
Литература	104
Принятые сокращения	111